

Константин Замятин
Анника Пасанен
Янне Саарикиви

Как и зачем сохранять языки народов России?

Как и зачем сохранять языки народов России?

Константин Замятин – Анника Пасанен – Янне Саарикиви

*Как и зачем сохранять
языки народов России?*

Хельсинки 2012

© Авторы

Отв. ред. Янне Саарикиви

*Перевод финской части рукописи Натальи Кузнецовой
Технический консультант: Лотта Ялава*

Издано при поддержке:

Конференции «Двухязычное образование: теория и практика»
(Хельсинки, Финляндия, 26–28 апреля 2011 г.) под эгидой МАПРЯЛ
(Международная ассоциация преподавателей русского языка и
литературы)

POGA – The Language Survival Network

ISBN 978-952-93-0407-3

ISBN 978-952-93-0408-0 (PDF)

Типография: Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala 2012

Предисловие

Это книга о языках, их культурном значении, опасности исчезновения и путях сохранения. Она предназначена для носителей языков народов России. В ней рассказывается о языковых меньшинствах России и мира, дву- и многоязычии, а также о том, как воспитать ребенка носителем нескольких языков.

Зачем языки мира нужно сохранять? Какова польза для личности и общества от того, что люди выучивают языки меньшинств и вырастают двуязычными? Может быть, наилучшим решением с точки зрения равноправия, взаимопонимания и мирного сосуществования людей было бы наличие одного единственного для всех языка? В этой книге мы попытаемся ответить на подобные вопросы.

Язык отражает культуру — и каждый язык уникален, потому что народы, их культурные традиции, условия жизни и картины мира различаются. Требование единого мирового языка или отбор языков означали бы нивелирование культурных различий между народами, отказ от культурного богатства.

Эта книга также рассказывает о последствиях утраты языка. Исчезновение языков — это угроза не только для отдельных носителей нескольких языков и культур, но и для всего мирового культурного наследия. Поэтому и небезразлично, на каких языках мы говорим сами и какие из них передаем детям.

Книга также сообщит Вам о том, какими правами Вы обладаете как носитель языка, в чьи обязанности входит их соблюдение и каковы наилучшие способы защитить эти права. В книге говорится о том, что записано в российских законах и ратифицированных Россией международных документах относительно языков народов России и языков меньшинств. Также рассказывается о правах членов языкового меньшинства и о том, каким образом устроена ситуация меньшинств в разных странах. Приводятся примеры того, какими способами языковым меньшинствам удавалось упрочить позиции своих языков и культур в разных странах и регионах, и даются практические советы по воспи-

танию двуязычных детей. Мы также расскажем о том, что Ваше сообщество (деревня, район, область, край или республика) может сделать для поддержки местного языка.

Книга состоит из трех частей. Первая (*Многоязычное общество и многоязычный индивид*) и третья части (*Пути сохранения языков под угрозой исчезновения. Практические советы*) написаны Янне Саарикиви и Анникой Пасанен в соавторстве. Рукопись была подготовлена по-фински и затем переведена на русский язык Натальей Кузнецовой. Вторая часть (*Языковые права человека и языковое законодательство России*) подготовлена Константином Замятиным по-русски. Авторы благодарны за замечания к рукописи, высказанные доктором наук Екатериной Протасовой (г. Хельсинки), кандидатом наук Натальей Кузнецовой (г. Санкт-Петербург) и активистом, общественным деятелем, руководителем организации Nuogi Karjala Натальей Антоновой (г. Петрозаводск). Фотографии любезно предоставили проф. Рихо Грюнталь (Хельсинкский университет), журналист Вилле Роппонен (г. Хельсинки) и Наталья Кузнецова.

Авторы книги — исследователи языков меньшинств из Финляндии и России. У всех за плечами богатый опыт взаимодействия с повседневной жизнью и проблемами носителей этих языков. Они питают надежду поддержать российские меньшинства и их языки. Их объединяет вера в то, что у России и мира есть многоязычное и многокультурное будущее.

Для обозначения основного объекта рассмотрения центральным в данной книге выступает термин «(родные) языки народов России». В некоторых случаях используются также термины «языки коренных (малочисленных) народов», «языки меньшинств», «местные языки» и некоторые другие. Авторы предпочли избегать употребления терминов «малые языки» и «этнические языки».

г. Хельсинки (Финляндия)
15 мая 2012-ого года
Авторы

Часть I

Многоязычное общество и многоязычный индивид

Рихо Грюнталь

Человек, язык, общество

Родной язык

Часто думают, что у человека может быть только один родной язык. В действительности человек может иметь два и более родных языка, которые были выучены в раннем детстве одновременно или последовательно.

В мире по-прежнему есть немало сообществ, где параллельно используется несколько языков, и ребенок осваивает их уже с самого раннего возраста. Вообще говоря, одноязычие и сейчас, и раньше было сравнительно редким явлением. По некоторым системам оценки, предполагается, что дву- и многоязычные индивиды могут даже составлять большинство мирового населения. В России дву- и многоязычное население, в зависимости от системы подсчета, составляет примерно 15–20%.

Константин Замятин

Уголок в эвенкийском детском саду

Родной язык человека может определяться по крайней мере по следующим четырем критериям:

- 1) возраст освоения языков — какие языки были выучены человеком в раннем детстве;
- 2) какие языки были выучены человеком от родителей (или людей, их заменяющих);
- 3) языковая компетенция — какими языками человек владеет с максимальной свободой и глубиной;
- 4) этническая идентичность — с какой языковой группой человек себя отождествляет.

В России обычно явление, когда человек в раннем детстве выучил родной язык, например, татарский, марийский или якутский. Однако, в школе он обучался на русском языке, и поэтому русский стал его первым письменным языком. Часто такой человек читает и пишет по-русски лучше, чем на своем домашнем языке, а также ему проще говорить по-русски, например, об общественной жизни или на какие-то специальные темы. Домашний язык, в свою очередь, тесно связан с домом, семейным окружением и повседневной жизнью.

Родными языками такого человека, на основании критериев происхождения, языковой компетенции и употребления языка, могут считаться и его домашний язык, и русский. Однако следует учитывать также четвертый критерий — этнической идентичности. Обычно индивид в наибольшей степени отождествляет себя с тем языком или языками, на которых говорили с ним в детстве родители. Таких родных языков у него может быть несколько. Человек может также отождествлять себя с тем языком, на котором говорит его народ и сообщество, даже в тех случаях, когда он сам им не владеет. Представитель меньшинства, например, удмурт или татарин, выросший в городе и выучивший только русский, все равно может считать родным тот язык, на котором говорит его род и семья.

Несмотря на то, что, в частности, в российских переписях населения традиционно классифицировали людей по группам, соответствующим различным национальностям, этническая идентичность меньшинств не обязательно устроена так просто. Этническая идентичность (национальное самосознание) индивида может варьироваться, в зависимости от коммуникативной ситуации или жизненного периода. Человек, который в родной деревне без проблем идентифицирует себя с представителями меньшинства, например, с марийцами или удмуртами,

в русскоязычном городе может стесняться своей этнической группы. Если такой индивид попадает за границу, где российские меньшинства неизвестны и где к нему относятся как к русофону, он может в принципе ощущать себя русским. В какие-то периоды жизни он может опять начать больше ассоциировать себя со своей этнической группой.

Несмотря на то, что в советском паспорте могла быть записана только одна национальность, человек может, по сути, обладать целым набором этнических идентичностей; по отцу, матери, месту проживания и т.д. Даже у того, кто во время переписи населения сообщил только об одном родном языке, в действительности их может быть несколько. Человек, который с детства узнал несколько языков и культур, в различных ситуациях и в разные периоды жизни естественным образом отождествляет себя с разными языковыми сообществами. Таким образом, индивид может быть одновременно как членом группы меньшинства, так и членом группы большинства.

Двуязычие и многоязычие

Человек, имеющий более одного родного языка, является дву- или многоязычным. Двуязычие можно рассматривать на основании тех же четырех критериев, что и вопрос о родном языке. Двуязычным, таким образом, можно считать человека, который:

- 1) выучил в раннем детстве (как правило, в дошкольном возрасте) два языка;
- 2) хорошо владеет двумя языками;
- 3) постоянно использует два языка в своей повседневной жизни;
- 4) активно идентифицирует себя с двумя языками и языковыми сообществами.

Часто думают, что двуязычный человек должен одинаково хорошо владеть обоими языками. Это, однако, возможно лишь в редких случаях. В свою очередь, обычной является ситуация, когда родные языки распределены у человека по ролям. Каждый язык имеет свои сферы использования, где и является более сильным. Например, двуязычный индивид, как правило, лучше пишет и читает на одном из языков, поскольку это был язык его образования. О каких-то вещах легче и естественнее говорить на одном языке, о каких-то — на другом. Степень владения языками, в конце концов, зависит от привычки и личной биографии.

Представление членов языкового меньшинства о том, что два языка можно было бы использовать в одинаковой степени при условии, что общество значительно сильнее поддерживает язык большинства, является идеалистическим. Однако здесь играет важную роль еще один дополнительный критерий для определения двуязычия — самосознание человека: если он отождествляет себя с двумя языками и языковыми сообществами, то можно сказать, что он в какой-то мере двуязычен.

При определении двуязычия следует говорить не об идеальном, а о функциональном двуязычии. Человек двуязычен, если он может успешно использовать оба языка, с которыми он себя идентифицирует, при общении с другими людьми. Языкам необязательно быть одинаково сильными и использоваться абсолютно идентичным образом в одних и тех же ситуациях. Важна способность употреблять тот или иной язык там, где это уместно, предпочтительно и одобряется соответствующим сообществом.

Говоря о многоязычии, следует заметить, что многоязычие индивида и общества — это два различных феномена. Индивид многоязычен, если он владеет несколькими языками. Общество, в свою очередь, не обязательно многоязычно, хотя может и состоять из носителей различных языков. Среди населения многомиллионного города могут быть носители сотен языков, но сам город нельзя назвать многоязычным сообществом, если какие-то из языков хотя бы отчасти не употребляются наравне друг с другом. Появление многоязычного сообщества подразумевает общение носителей разных языков между собой и освоение ими хотя бы в какой-то мере языков друг друга.

Облик многоязычного сообщества во многом определяется тем, кто из его членов какие языки осваивает и использует. Например, в большей части национальных регионов Российской Федерации многоязычными являются фактически только представители титульных народов. Русские, составляющие основную часть населения, в большинстве своем не знают местных языков. Носители же данных языков, наоборот, выучивают русский — как правило, уже в раннем детстве. Такую ситуацию можно назвать односторонним двуязычием.

Например, для русскоязычного индивида, проживающего в Республике Алтай, вероятность выучить алтайский язык крайне мала — это предполагало бы наличие исключительной личной заинтересованности и инициативы. Конечно, русскоязычных детей могут отправлять на уроки местного языка, но, как мы покажем далее в этой книге (см. 43–44), обучение местным языкам в его современной форме нельзя считать гарантией активного овладения ими и обеспечения языкового равноправия.

Противоположностью одностороннему двуязычию является дву-стороннее. Под последним понимается такая ситуация, когда этнические группы, проживающие в одном и том же государстве или сообществе, выучивают языки друг друга. Так, например, обстоит дело в двуязычном городе Монреале в Канаде, где англоязычные жители часто осваивают французский, а франкоязычные — английский. Аналогична ситуация в двуязычном финском городе Вааса, где к незнакомым людям при оказании услуг обращаются на двух языках, финском и шведском, и клиент может выбрать, на каком из них продолжать разговор.

Двустороннее двуязычие не является и в России чем-то неслыханным. Например, в Поволжье татары, чуваша, марийцы и удмурты еще в течение XX века осваивали языки друг друга. Также в многоязычных сообществах тундры, например, в Ямало-Ненецком и бывшем Долгано-Ненецком автономных округах, коренные народы традиционно знали языки друг друга.

Язык большинства и язык меньшинства

Термины «язык меньшинства» и «язык большинства» описывают скорее положение языков в обществе, в том числе по отношению к властному ресурсу, чем их различие по размеру. Язык большинства — это язык группы, определяющей общественные ценности, на нем организованы образование, средства массовой информации и управление. Например, в России обычна ситуация, когда в отдельных регионах — в деревнях, районах или республиках, — с точки зрения количества говорящих, местные языки находятся в большинстве. Но все-таки это языки меньшинств, поскольку общество функционирует в основном на русском языке.

Язык, находящийся в более сильном положении в обществе, может быть языком большинства, будучи по числу носителей даже меньше, чем другие языки региона. Соотношение между группами меньшинства и большинства характеризуется, как правило, односторонним двуязычием: носители языка меньшинства владеют языком большинства, а большинство, в свою очередь, языков меньшинств не знает. В России имеется масса примеров, когда численное большинство представляет собой языковое меньшинство. Например, в Ижемском районе на севере Республики Коми 85% жителей составляют коми и только 10% — русские. Язык коми хорошо сохранился в этом районе, и большая часть этнических коми его знает. Несмотря на все это, язык коми нельзя од-

нозначно считать языком большинства в данном регионе. Язык коми активно используется дома, в кругу друзей и родственников и в других ситуациях неформального общения, но в официальных сферах, таких как школа, администрация и СМИ, доминирует русский язык, несмотря на провозглашение официального двуязычия. Человек может жить в Ижемском районе, не зная языка коми, однако полное незнание русского языка сильно затруднило бы его существование и предполагало бы получение помощи в виде письменного и устного перевода.

То же самое можно отметить и на примере языка, выбираемого при общении в двуязычной компании. Если к группе, говорящей на коми, присоединяется человек, не владеющий им, собеседники, скорее всего, переключатся на русский язык. Если же, в свою очередь, к русскоязычной компании присоединяется человек, который предпочитал бы говорить на коми, изменение языка общения маловероятно — хотя бы потому, что группа большинства практически не владеет коми.

Носители языка меньшинства переключаются на язык большинства из вежливости, но в их сознание также заложена модель, предполагающая знание меньшинством языка большинства. С советских времен сложилась практика одностороннего двуязычия, при которой представители большинства не обязаны знать местный язык, даже проживая в среде его носителей на традиционной территории его распространения.

Рихо Грюнталь

Двуязычная табличка с названием улицы; рядом реклама магазина только на доминирующем языке.

Преимущества двуязычия

Двуязычию посвящено большое количество исследований. Хотя некоторые сообщества могут достаточно негативно относиться к двуязычию, его польза для человека, в принципе, несомненна. Однако из-за отношения окружающих людей, а также проводимой государством политики воспользоваться преимуществами своего двуязычия человеку удается не всегда.

Двуязычие и передача не только доминирующего, но и местного языка следующему поколению обеспечивает сохранение локальной культуры. Поэтому для них необязательно придумывать дополнительные практические обоснования. Все же иногда такие обоснования бывают необходимы — например, в ситуации, когда надо объяснить человеку, критически относящемуся к двуязычию, для чего требуется возрождение языка или зачем нужны двуязычные учебные программы в школе.

Двуязычие может приносить пользу носителю двух языков, например, в следующих сферах жизни.

1. Мышление. Двуязычие способствует развитию терпимости, гибкости, умственных и творческих способностей. У двуязычных людей есть доступ к двум различным системам понятий с разными ассоциативными возможностями, что повышает потенциал для творческого мышления (см. более подробно с. 19–21). Они также лучше, чем одноязычные индивиды, справляются с тестами на развитие познавательных способностей.

2. Семья и родственники. Если каждый из родителей говорит с детьми на родном языке, с которым он в наибольшей степени себя отождествляет, это идет на пользу развитию отношений между поколениями. Равноценность родителей укрепляется в глазах ребенка в том случае, когда они оба могут передать ему свои языки. Знание того или иного языка также связывает ребенка с его бабушками и дедушками и другими родственниками, владеющими данным языком. Эта связь может остаться гораздо более поверхностной, если самому старшему поколению придется общаться с ребенком на языке большинства, который оно плохо знает. Может быть и так, что общего языка у этих поколений вообще не окажется. Родовое наследие, переходящее к ребенку вместе с языком, в определенной своей части не выразимо на других языках.

3. Языковые способности. Двуязычный индивид обычно лучше ощущает язык, грамматику и различия между языками, чем одноязычный. Это проявляется и в том, что двуязычному человеку легче учить иностранные языки. В любом случае двуязычие означает «бесплатно» полученное свободное владение двумя языками, какого крайне сложно достичь в более позднем возрасте. Если общество является терпимым в культурном и языковом отношении, то дополнительные языковые способности приносят человеку пользу также в учебе и работе.

4. Культура. Культура передается во многом посредством языка — а двуязычный человек способен понимать две различные культуры. Он может отождествлять себя с двумя языковыми сообществами и владеть двумя культурными традициями. Это дает ему преимущества перед одноязычными людьми в понимании различных идей, форм поведения и традиций. Двуязычные индивиды обычно легче приспосабливаются к иному культурному окружению и более терпимы, чем одноязычные, к различным видам «инакости».

Угроза исчезновения и возрождение языков

Невозможно точно определить, сколько языков существует в мире. Обычно называют число порядка семи тысяч разговорных языков. Кроме этого имеются еще тысячи языков знаков (такие как, например, языки глухонемых).

Сложность определения количества языков прежде всего связана с проблемой разграничения между языком и диалектом. Не все языковые формы мира еще так хорошо описаны, чтобы можно было бы оценить, является ли каждая из них отдельным языком или же только диалектом. Если принять более широкое определение языка, то число языков мира может легко достичь количества, например, в 10 тысяч.

В конце XX века люди по всему миру начали замечать, насколько важно для выживания человечества природное разнообразие. В то же самое время они начали обращать внимание и на исчезновение языков и говорить об угрозе их утраты.

Большей части языков мира грозит серьезная опасность исчезновения в ближайшие десятилетия. По наиболее осторожным оценкам, половина, а по наиболее пессимистическим прогнозам — до 95% языков могут исчезнуть к концу нынешнего века.

Конечно, языки исчезали на протяжении всей человеческой истории. Поэтому часто и утверждают, что смерть языков — это естественный процесс: языки, как биологические виды, рождаются и умирают, более слабые выбывают, а выживают сильнейшие. Однако, этот аргумент легко опровергнуть. Языки не умирают сами по себе, только из-за того, что они оказываются более слабыми или менее приспособленными к употреблению, чем другие языки. Они умирают в результате действий человека — в ситуации, когда языки, на которых говорят в том или ином сообществе, оказываются в неравном положении. Носители языков меньшинств становятся носителями языка большинства, когда они отказываются от своих языков.

Обычно смена языка (т.н. «языковой сдвиг») происходит поэтапно, часто за время жизни трех поколений. Первое поколение знает только язык меньшинства, их дети вырастают двуязычными, зная и свой, и доминирующий в обществе языки, а третье поколение выучивает уже только язык большинства. Как уже говорилось, это часто приводит к ситуации, когда дети и их бабушки и дедушки не имеют общего языка.

При самом быстром варианте смены языка его утрата может произойти вообще за одно поколение. Дети, которые становятся в школе двуязычными, затем постепенно забывают родной язык и уже не владеют им, будучи взрослыми. Внезапный языковой сдвиг может также произойти в результате действия форс-мажорных обстоятельств, таких как война, геноцид или природная катастрофа.

Необходимость обучения ребенка языку большинства обычно обосновывают тем, что менее распространенный язык бесполезен в обществе и что свободное владение доминирующим языком даст ребенку лучшие возможности для получения образования и успешной карьеры. Однако, подобная точка зрения совсем не безобидна по своим последствиям. Ребенок останется без культурного наследия своего народа. Он может чувствовать себя чужим по отношению к тем родственникам, которые говорят только на языке меньшинства, например, к дедушкам и бабушкам. Он может не иметь контакта с людьми своего ближайшего окружения, а также с накопленной веками культурой, которая передается через язык меньшинства.

В среде носителей языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, уже несколько десятков лет развивается противоположное языковому сдвигу движение, которое называют «возрождением языков», «ревитализацией» или «обратным языковым сдвигом». Все эти термины обозначают процесс, когда люди начинают сознательно воз-

Рихо Грюнталь

Рихо Грюнталь

*Все меньше носителей локальных языков проживает
в традиционных языковых сообществах.*

рождать исчезающие языки, например, путем повышения их статуса в обществе и увеличения количества носителей и сфер употребления.

В наиболее удачном варианте результатом является замедление языковой ассимиляции и начало обратного перехода с языка большинства на язык меньшинства. На индивидуальном уровне это означает, что люди, которые не владели языком своего сообщества, либо же знали его в детстве, но забыли, учат его заново и начинают использовать параллельно с языком большинства там, где это возможно. Обратный языковой сдвиг может также начаться с детей, которых учат языку их народа, хотя родители этого языка и не знают. Это может происходить, например, с помощью методики языкового гнезда (см. с. 151–156).

На уровне общества обратный языковой сдвиг проявляется в том, что языки меньшинств начинают использоваться в таких общественных сферах, где ранее безраздельно царил язык большинства. В результате, в частности, в школе вводится преподавание на этих языках. Подчеркнем, что на них именно преподают различные дисциплины, а не просто в программу вводится пара еженедельных уроков языка в качестве предмета. Другие важные сферы, куда проникает менее распространенный язык в результате обратного языкового сдвига — это печатная продукция, СМИ, культурная жизнь, наука.

Все ли равно, на каком языке мы говорим?

Почему родные языки надо защищать? Разве было бы не здорово, если бы все говорили на одном языке и понимали друг друга без проблем? Следует ли государству выделять ресурсы на защиту языков и нужно ли ради этого менять политический курс? Можно повернуть этот вопрос и с точки зрения индивида. Для чего нужно говорить с моим ребенком на языке, который распространен на небольшой территории, иногда всего в нескольких деревнях, когда ближайший большой язык понимают даже за тысячи километров?

Все это оправданные вопросы, которые задают себе представители языковых меньшинств России и других стран, и на них нет однозначных ответов. Все же ясно одно: языки — это часть мирового культурного наследия, и их смерть угрожает исчезновением целых культур, обеднением общечеловеческого капитала знания, мысли и культурных ценностей. Политику, которая ведет к смерти языков, можно в определенном смысле считать такой же опасной халатностью, как и ту, которая приводит к ослаблению биосферы.

Знание родного языка имеет значение для этнической идентичности и образа мыслей отдельно взятого двуязычного индивида, а также для культуры двуязычного сообщества. В следующих главах мы более детально рассмотрим связь двуязычия с мышлением и с культурой.

Значение языка для мышления индивида

Языку принадлежит центральная роль в процессах мозговой деятельности, хотя последняя может осуществляться не только через язык, а также через образное мышление, музыку, математическое моделирование и др.

Например, при виде топорщащегося куста или комнатного растения носителям многих языков может по ассоциации прийти на ум человек с топорщащимися волосами. Если же мы живем в таком обществе, где принято стричь волосы в парикмахерской, лохматые волосы могут затем напомнить про тетушку по соседству, работающую парикмахером.

Подобные ассоциации — это типичные «пути» мышления, цепочки образов. Часть из них универсальна, но часть зависит от культуры, в которой мы живем. Например, пронзительный звук свистка не может напомнить свист паровоза или поезда жителям пустыни, где нет железной дороги.

Многие ассоциации обусловлены именно языком и его лексическими связями. Например, русское слово *волос* может напомнить о фонетически близком *волость* или же о рифмующемся *голос*. Соответствующее английское слово *hair* 'волосы' может, в свою очередь, привести на ум *hare* 'заяц', которое произносится аналогичным образом, или же рифмующееся *chair* 'стул', а финское *tukka* 'волосы' — например, *kukka* 'цветок' или *sukka* 'носок'. Далее, финское *ääni* может означать не только голос человека, но и любые другие типы звуков. Поэтому у носителя финского языка слово *ääni* легко может ассоциироваться, например, с шумом мотора, а у говорящего по-русски слово *голос* — скорее нет.

В русском языке *божья коровка* ассоциируется как с Богом, так и с коровой. В шведском языке это насекомое называют *nuckelpiga* 'девочка-ключница', а в датском — *marienhön* 'гусь Марии'. Все эти названия являются метафорами, которые направляют поток ассоциаций, связанных с божьей коровкой, в различные русла. Похожими метафорами являются, например, *бабье лето*, *летучая мышь*, *золотые руки* и др. В других языках эти же значения выражаются при помощи совершенно иных метафор.

*Отделить друг от друга языки и культуры часто бывает тяжело.
Фольклорные песни объединяют язык и прочие культурные традиции.
Народный музыкант в республике Марий Эл.*

Различия между языками продолжаются и на уровне грамматики. Например, грамматика русского языка разделяет все действия на оконченные и неоконченные (совершенный и несовершенный вид). В грамматике многих уральских языков аналогичным образом важны повторяемость и однократность действия или же характер начала действия (нормальный, быстрый, внезапный). При сравнении русского языка с финно-угорскими можно также заметить, что русский обычно предпочитает локативные («местные») конструкции во многих случаях, когда в финно-угорских языках используются лативные («направленные») выражения. Ср. рус. *Я забыл шапку на столе* и фин. *Unohtidin hatun pöydälle*, досл. 'Я забыл шапку на стол'.

Подобные несовпадения заставляют носителей различных языков смотреть на одни и те же события и вещи под разным углом. Научно доказано, что говорящие на разных языках иначе воспринимают движущуюся картину и описывают, что там происходит. Носители славянских языков обращают внимание на направление и начало движения (поскольку в их языках имеется система глагольных приставок, обозначающих направление), в то время как, например, финнов интересует только общий характер движения. Такие примеры показывают, что родной язык действительно влияет на картину мира, на его категоризацию и мышление человека.

Значение языка для культуры

Итак, языки различны на многих уровнях. Эти несовпадения составляют основу и для многих культурных различий. Двуязычные люди часто осознают, что выразить одни и те же вещи на обоих языках иногда бывает просто невозможно. Осмысленные выражения на одном языке оказываются бессмысленными на другом, и те же самые значения приходится выражать с помощью абсолютно иных слов и конструкций.

Содержащиеся в языке метафоры и ассоциативные возможности могут показаться малозначимыми, однако именно они являются теми сцеплениями, которые составляют языковую культуру. Эти связи использует также подсознание человека, например, в снах, свободных ассоциациях и разнообразной творческой активности. Поэтому они лежат в основе выразительных средств, содержания и значения песен, стихов, прибауток, пословиц, поговорок, считалок и художественной литературы на любом языке.

Каждый язык полон свойств, которые направляют мысль и восприятие в определенное русло. По этой причине носители разных языков

действительно воспринимают мир отчасти различным образом, иначе ассоциируют воспринятое и чувствительны к определенным аспектам этой информации. С языком связана существенная часть того культурного капитала, который составляют локальные различия мировых культур. Если семь тысяч языков мира заменить одним большим языком, поблекнет разнообразие мировых культур — а также, вероятно, обеднеют и коллективные творческие способности человечества.

Языки различных регионов настроены на среду, в которой проживают их носители. Их словарный запас приспособлен для выражения природных явлений их родных регионов. В языке может жить такое знание о растениях, животных и природных состояниях мест их распространения, которое даже не известно науке. Это может проявляться, например, в названиях растений и животных и связанной с ними фразеологии, либо же в географических названиях. Например, группа исследователей рыболовства в свое время выдвинула предположение о том, что лосось может метать икру даже в удивительно маленьких по размеру речках. Однако исследование было проведено в таких речках, часть из которых уже имела специальное местное название (на саамском языке) для реки, в которой нерестится лосось. Очевидный для сообщества носителей местного языка факт был неизвестен культуре и науке большинства. Поэтому если подобные местные языки исчезнут, с ними будет утрачен и большой объем знаний об окружающем.

Можно утверждать, что с точки зрения сохранения культурного наследия защита языков так же важна, как и, например, защита исторических зданий и ландшафтов. При этом защита языков — это все-таки несколько иное дело, поскольку существование языка зависит от языкового выбора сообщества людей, их этнической идентичности и потребностей. Язык исчезает, если люди делают такой выбор, который позволяет ему умереть.

Анника Пасанен

Выступление долганских женщин в Таймырском колледже г. Дудинка

Модернизация и исчезающие языки

Угроза исчезновения языков

Среди языков мира в настоящий момент находятся под угрозой прежде всего те, которые не используются в образовании, административной деятельности и СМИ. Но наиболее важным критерием является все же передача языка следующему поколению. Язык оказывается под угрозой исчезновения, когда его передача детям нарушается или прекращается (см. определение ЮНЕСКО на с. 26–27).

Малое число носителей не обязательно означает угрозу для существования языка. В мире есть примеры языков с очень малочисленным языковым сообществом, которым, как представляется, не грозит опасность немедленного исчезновения. Фарерский язык (на Фарерских островах), имеющий около 50 тысяч носителей, используется в преподавании вплоть до уровня университета, и дети усваивают его в качестве первого языка. Фарерский не исчезает, а наоборот, является жизнеспособным и современным языком культуры. Во многих островных государствах Тихого океана (Индонезия, Папуа – Новая Гвинея, Филиппины и др.), в Индии, а также в ряде стран Африки (например, в Камеруне, Нигерии или Кот д'Ивуаре) говорят на большом количестве языков имеющих малое число носителей, и многоязычие — это обычное явление. Люди часто выучивают несколько языков.

С другой стороны, есть также примеры многомиллионных языков, носители которых растворяются среди носителей языка окружающего большинства. Например, языки кечуа, на которых говорят в ряде стран Южной Америки, находятся под угрозой исчезновения, хотя они имеют в сумме более 8 миллионов носителей.

Решающим фактором угрозы для существования языка является не число носителей, а статус языка в обществе: предпочитается ли одноили многоязычие, и какие права обеспечиваются сообществам носителей разных языков. Центральными вопросами в этом отношении являются использование языка в образовании, СМИ и управлении (см. подробнее 43–45).

Всего лишь чуть более 3% языков мира имеют более миллиона носителей. В качестве родных на этих языках говорит более 95% населения Земли. Подавляющая же часть (примерно 85%) — это «маленькие»

языки, имеющие менее 100 тысяч говорящих. Таким образом, основная часть языковой составляющей мирового культурного наследия находится в руках сравнительно небольшой группы людей. От них зависит, сохранится ли языковое культурное наследие мира для будущего.

Всего лишь около десятка языков широко используются в международной коммуникации. Среди них место глобального языка занял английский язык. Несмотря на то, что английским (как родной или как иностранный) владеет менее трети населения Земли, люди по всему миру стремятся его выучить. Все чаще именно английский ассоциируется с интернациональностью, растущим уровнем образования, экономическим и социальным преуспеванием. Носители менее распространенных языков мира все-таки обычно переходят не на английский или какой-то другой широко используемый в мире язык, а именно на господствующий язык своего непосредственного окружения.

Членам сообщества носителей языка меньшинства часто приходится быть многоязычными. Они нуждаются в языке большинства особенно потому, что это язык образования и управления. Чиновники ожидают, что народ будет общаться с ними на определенном языке, и, в свою очередь, сами распространяют информацию только на этом языке. В теле- и радиопрограммах постоянно звучит язык большинства.

Представители меньшинств часто ощущают, что их язык, не обладающий литературой, образованием или хотя бы поп-культурой, бесполезен. Они также часто имеют травматический опыт изучения господствующего языка — этот опыт связан с подавлением культурных традиций народов, чувством униженности и прямым расизмом.

Меньшинство, теряющее свой язык, усвоило мнение представителей большинства о незначительности своей культуры и действует соответственно данному стереотипу. Можно сказать, что оно находится в оппозиции своему культурному наследию и лишает свое следующее поколение этого богатства. Хотя смена языка на первый взгляд кажется добровольной — насилие не используется, — практически без исключений она является результатом неравноправия языковых групп как следствия государственной политики.

ЮНЕСКО
о степени угрозы для существования языков
и их жизнеспособности

Группа экспертов культурной организации ЮНЕСКО при ООН по исчезающим языкам определила основные направления оценки жизнеспособности языков в документе под названием «Language vitality and endangerment» («Жизнеспособность языков и угроза их существованию») 2003 года. Эксперты считают, что к 2100 году 90% ныне существующих языков ассимилируется с языками большинства.

При оценке жизнеспособности языков невозможно опираться на какой-то отдельный критерий — необходимо изучить ситуацию каждого языка в целом. В указанном документе группа предлагает для этого девять различных критериев, перечисленных ниже.

1. Передача языка следующему поколению. Осваивают ли язык дети? Является ли язык средством общения всех возрастных групп?
2. Абсолютное число носителей языка. Сколько всего говорящих имеется? Следует отметить, что ЮНЕСКО избегает давать конкретные цифры относительно того, сколько носителей должно быть для обеспечения безопасности языка. В целом можно сказать, что небольшое число говорящих является фактором риска для жизнеспособности языков.
3. Число говорящих относительно количества всего населения на территории распространения языка. Какую часть всего населения составляют носители данного языка? Чем меньше эта доля, тем более вероятно наличие угрозы для существования языка
4. Сферы употребления языка. Насколько широко используется язык в обществе, есть ли у него какие-то официальные сферы применения?

5. Современные сферы употребления языка, в том числе средства массовой информации. Используется ли язык в таких новых сферах, как СМИ, школа и современные виды трудоустройства? Если нет, то это неизбежно означает отеснение языка на периферию.

6. Обучение языку и письменная культура. Есть ли у языка устоявшаяся орфография, учебные материалы, литература? Используют ли письменную форму языка в администрации и управлении?

7. Языковые установки официальных лиц и чиновников, в том числе официальный статус и административное использование языка. Как относятся к языку в административном аппарате и в законодательстве? Поддерживают ли языки меньшинств, или же господствует активная или пассивная ассимиляционная политика?

8. Отношение членов сообщества к своему языку. Насколько важным считают язык его носители?

9. Степень и качество документирования языка. Насколько полно язык задокументирован? Имеются ли грамматики, словари, собрания текстов, аудио- и видеоматериалы?

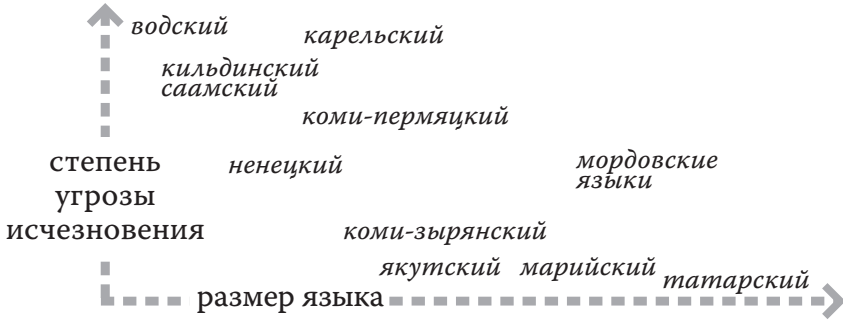
Для каждого критерия имеется шкала оценки, обычно от 1 до 5. С ее помощью оценивают, насколько полно язык удовлетворяет тому или иному критерию. Оценки в верхней части шкалы означают сильные и устойчивые позиции языка, а в нижней части шкалы — наличие угрозы для его существования.

Хотя все эти критерии необходимо рассматривать в совокупности, группа экспертов ЮНЕСКО — как и многие другие специалисты по исчезающим языкам — считает, что важнейшим фактором является передача языка следующему поколению.

Таблица: Языки мира с точки зрения их жизнеспособности

группа	число языков	примеры
глобальный язык	1	английский
международные языки	ок. 10	испанский, французский, китайский, хинди, арабский, русский
современные государственные языки	ок. 100	финский, латышский, норвежский, японский, исландский, тамильский, албанский, тайский
жизнеспособные языки меньшинств	ок. 200	валлийский, северосаамский, баскский, татарский, башкирский
языки под угрозой исчезновения	ок. 2000	кечуа, фризский, лужицкие языки, марийский, коми
языки под серьезной угрозой исчезновения	ок. 2000	мансийские языки, карельский
языки на грани исчезновения	ок. 1500	ливский, терский саамский
литературные языки, не имеющие носителей, но используемые	ок. 10	латынь, древнегреческий, санскрит, церковнославянский, пали
возрожденные языки	ок. 10	маори, иврит, ?инари-саамский, ?гавайский
искусственные языки	ок. 10	эсперанто, волапук

Степень угрозы исчезновения для различных языков народов России

Последствия утраты языка

Часто утрату языка сопровождает чувство угнетенности и тревоги, испытываемое как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Языковое сообщество может осознавать, что естественная передача языка следующему поколению нарушена, и испытывать тревогу за свое будущее. Стресс, сопровождающий утрату языка, проявляется и в других отношениях: традиционное общество распадается — например, в результате эмиграции молодежи и изменений жизненной среды, осложнения практики традиционных занятий. В языковом сообществе царит чувство бесперспективности: старый образ жизни исчезает, а с созданием нового тоже не связано никаких преимуществ. Знание местного языка никак не помогает жить в современном мире, а места, где на нем раньше говорили, уже не те, что раньше.

Смена языка с родного на доминирующий при этом, как правило, не может изменить судьбы меньшинства, попавшего в водоворот перемен. Хотя обучение детей исключительно языку большинства обычно мотивируют желанием обеспечить им хорошие возможности образования и достижения успеха в обществе, на практике результаты часто оказываются противоположными. Смена языка, наоборот, часто приводит к ослабеванию связи поколений, традиционного уклада жизни и вообще всего сообщества, что уменьшает возможности индивида управлять своей жизнью. Сообщества, находящиеся в процессе языкового сдвига, обычно характеризуются разрушением культуры, совер-

шающимися и на многих других уровнях. Это отражается и на жизни индивида. Установлено, что состояние здоровья членов сообщества, где происходит языковой сдвиг, как правило, хуже, чем у большинства населения. Типичны злоупотребление алкоголем и проблемы с наркотиками. Статистика самоубийств может быть выше, чем в целом по стране, — в частности, у некоторых коренных народов Канады, согласно исследованию, она была выше, чем у основной части населения, в шесть или семь раз.

В сложной и стрессовой ситуации для малого народа типично, по крайней мере отчасти, отсутствие реализма в оценке употребления им своего языка, а также чувства ответственности за передачу этого языка младшему поколению. Во многих сообществах, теряющих язык, царит ошибочное представление о своей языковой ситуации. Например, люди могут представлять себе, что «хотя в нашей деревне дети на языке не говорят, зато говорят в соседней». При этом в соседней деревне положение дел с языком может быть аналогичным, если не хуже. Такие иллюзии часто разделяет и интеллектуальная элита, и чиновники — даже тогда, когда о языковой ситуации имеются адекватные сведения.

Изменение языковой ситуации в мире

Одним из объяснений изменениям, происходящим в статусе различных языков мира, является модернизация культуры. Использование языков и владение ими имеет в современном обществе совершенно иное значение, чем, например, в средние века.

К началу XXI века уже более половины населения мира проживало в городах, а не в сельской местности. В то же самое время большинство населения впервые в человеческой истории оказалось свободно от необходимости производства продовольствия. Технологизация сельского хозяйства, скотоводства, собирательства и рыболовства привела к тому, что большая часть населения мира переключается на работу нового типа, где использование языка начинает играть более важную роль, чем раньше. Это означает переход от культуры, сосредоточенной на производстве продовольствия, к промышленному производству, развитию сферы услуг и культуре, основанной на творческом труде.

Современное общество подняло наш уровень жизни, но помимо этого оно сделало нас зависимыми от таких социальных сетей и структур, которые распространяются далеко за пределы отдельного индивида и среды его непосредственного обитания. Часто они существуют на уровне государства и основываются на его официальном языке.

Некоторые социальные сети охватывают весь земной шар. С модернизацией связана глобализация. Повсюду в мире общества начинают все больше напоминать друг друга. Культурные различия стираются, и люди из разных стран становятся все более зависимыми друг от друга. Продукты, одежда и потребительские товары, которые мы используем, могут быть сделаны за тысячи километров от нас. Мировое производство продовольствия, а также все увеличивающаяся мобильность людей и товаров во многом зависимы от добычи горючих полезных ископаемых, которые доступны только на отдельных территориях.

Эти изменения в физической среде существования человека приводят к трансформациям и в культуре. В современных обществах имеется быстро растущее и хорошо образованное городское население, которое повсюду в мире живет примерно одинаковым образом. Сфера опыта отдельного человека все чаще охватывает весь мир. Благодаря газетам, радио и телевидению, мировые лидеры, теле- и поп-звезды известны на всей планете. Жизнь в обществе требует от всех однотипных навыков. Все должны уметь понимать анкеты и схемы, бюллетени для голосования и директивы, советы и рекомендации чиновников.

Еще в XIX веке на большей части Европы и России гражданину приходилось иметь дело с государством только по воскресеньям в церкви или при уплате налогов раз в год. Но сейчас взаимодействие человека и общества является ежедневным и осуществляется через школу, университетские кафедры, телевидение, радио, газеты, правила дорожного движения, систему здравоохранения, полицию, армию и административные предписания.

В основе всей этой коммуникации лежит язык. Все больше людей занимается «языковой» работой. Они работают учителями, редакторами, исследователями, чиновниками, юристами, разработчиками проектов или консультантами. Профессии, напрямую не связанные с использованием языка, также приходится осваивать путем многолетней учебы, в том числе и изучения специальной литературы с помощью языка. Это, например, профессии врачей, работников промышленности, военных или инженеров.

В то же самое время, когда язык является средством общения миллионов людей, живущих далеко друг от друга, он также становится средством контроля и власти. Распространение языка на новые территории и сообщества с помощью школ, управления, средств массовой информации и — в конечном итоге — бытового расизма и насилия всегда было важным средством интеграции народов и племен в состав государств.

Официальные и неофициальные языки

Прежде всего в Европе, но также и в других частях света значительную часть государств составляют т.н. национальные государства. Это означает, что в них имеется одна государствообразующая нация, язык которой является единственным официальным языком.

Идеологические корни национального государства восходят к немецкой романтической философии. В основе ее лежит идея о неразрывной связи народа, языка и государства, в соответствии с которой у каждого народа должно быть право формировать свое государство и использовать на его территории свой язык. После Первой мировой войны на территориях бывших Российской и Австро-Венгерской империй образовалось особенно много новых национальных государств.

На практике границы государств все же невозможно устанавливать строго по принципу национальности. В мире есть множество регионов, где территории проживания различных языковых групп пересекаются. Поэтому в национальных государствах обычно присутствуют народы, языки и культуры которых исходно находятся в более слабом положении, чем общенациональный язык и культура. Исторически многие национальные государства стремились ассимилировать меньшинства в состав основного населения. С другой стороны, особенно после Второй мировой войны, было принято много различных мер по упрочению позиций меньшинств.

Хотя почти во всех странах живут многоязычные люди, в большинстве из них только один язык отвечает коммуникативным потребностям современного общества. Потому модернизация, помимо усиления контроля со стороны общества, также означает распространение языка, используемого как средство этого контроля, и уменьшение значимости других языков. Результатом подобной языковой политики часто является вытеснение меньшинств из «высокой» культуры и общественной жизни. Нередко только те представители меньшинств могут продвинуться в современном и официально одноязычном обществе, которые обладают желанием усвоить ценности и язык культуры большинства.

С переходом в XXI век влияние идеологии национального государства на мировую политику ослабело. Все страны становятся все более зависимыми друг от друга, хотя бы по причине экономических и финансовых связей и общих экологических проблем. Определение положения меньшинств также более не является внутренним политическим вопросом отдельных стран, а регулируется многими международными договорами (о международных договорах, к которым присоединилась Российская Федерация, см. подробнее с. 80–81).

К примеру, объединение Европы создало новое многоязычное сообщество, которое во многих отношениях заменило одноязычные структуры национальных государств. В Европейском союзе уже выдвинуто предложение о том, что граждане каждой из его стран-участниц должны знать по крайней мере еще по два языка стран Евросоюза, помимо собственных. Одновременно улучшилось положение меньшинств в европейских странах, особенно в Западной Европе. В Восточной Европе, включая Россию, традиционный языковой национализм, напротив, даже усилился со времен распада СССР.

Изменяющаяся роль языков

Когда уровень мобильности и образования людей был низким и жизнь каждого поколения напоминала жизнь предыдущего, языки передавались от родителей к детям, даже если число их носителей было невелико. Напротив, в мире, где люди выбирают такой род деятельности, которым невозможно заниматься в их родных местах, менее распространенные языки подвержены опасности исчезновения по причине изменения образа жизни, миграций и растущего уровня образования.

Все существующие на настоящий момент языки изначально сформировались в обществах совершенно иного типа, по сравнению с теми, в которых они сейчас используются. На них говорили в таких сообществах, где работа заключалась в основном в производстве продовольствия — люди занимались, например, сельским хозяйством, скотоводством, рыболовством, охотой или собирательством. Впоследствии в ряде языков развилась терминология, которая описывает структуры и занятия современного и глобализованного общества — такого, в котором работа в большей степени, чем раньше, требует использования языка. Такими письменными «высококультурными» языками являются, прежде всего, официальные языки государств. Но и они стали «цивилизованными» языками сравнительно недавно, за короткий период времени. Например, многие разговорные языки сельского населения Европы превратились в языки «высокой» письменной культуры новых национальных государств в течение XIX века. Таковы, к примеру, румынский, болгарский, финский и др. Центральным эпизодом в этих процессах было создание литературного языка на основе существующих диалектов и обучение этому языку широких масс. В России грамотность (и вовлеченность миллионов людей в практики письменной культуры) широко распространилась только в первые десятилетия XX века. Согласно переписи 1897 года, грамотного населения в России было всего около 20%.

Отметим, что элита общества когда-то избегала употреблять некоторые из тех широко распространенных языков, которые сейчас считаются старыми языками «высокой» культуры. Например, в России до Октябрьской революции высший класс говорил на немецком и французском. В IX веке черноризец Храбр составил искусную речь в защиту литературного употребления славянского языка, направленную против элит своего времени, которые считали славянский примитивным и менее значимым языком, чем греческий и латынь. Есть некая ирония судьбы в том, что сейчас многие русскоязычные люди, в свою очередь, считают языки меньшинств слишком неразвитыми для потребностей «высокой» культуры. Английский язык по-настоящему приобрел статус мирового языка только в 1960-х годах, а всего лишь за несколько сотен лет до этого даже в самой Великобритании правящий класс использовал вместо английского французский язык.

Более важная, чем ранее, роль языковой культуры в жизни современных людей проявляется прежде всего в росте уровня образования по всему миру и превращении грамотности в базовое умение. В начале XXI века большая часть стран мира ввела обязательное образование, и количество неграмотных стремительно сократилось по всему свету.

Представляется, что в современном обществе культура либо становится письменной, либо оказывается под угрозой исчезновения. Поэтому продвижение использования языков на письме является важной составляющей их защиты. Однако письменность сама по себе не может спасти язык меньшинства. Наиболее важна возможность приобщения к мировой культуре посредством своего языка.

Теоретически каждый язык пригоден к обсуждению любых предметов. Несмотря на то, что терминология многих языков пока недостаточно развита или же у них не имеется долгой традиции использования в «высокой» культуре, ситуация любого языка может измениться. Иногда это может произойти довольно быстро. Сообществам носителей ряда языков удалось изменить судьбу последних за счет расширения сферы их использования на новые контексты. Исчезающие языки смогли снова стать модными и жизнеспособными, и теперь их стремятся изучать даже молодежь. Обычно такой процесс предполагает изменение жизненной позиции всего языкового сообщества.

Например, северосаамский язык, на котором говорят в Финляндии, Норвегии и Швеции, превратился из презируемого языка меньшинства в письменный «высококультурный» язык всего за несколько десятилетий. Язык маори в Новой Зеландии, бывший еще в 1970-х годах под угрозой исчезновения, сейчас является литературным языком, который

используют в официальных документах и в преподавании от детского сада до университета.

Когда язык становится средством передачи «высокой» культуры, его роль в обществе изменяется. Если ранее он использовался только в сельском хозяйстве, то теперь на нем можно выполнять языковую работу. Парадокс сохранения культуры и языка заключается в том, что они сохраняются исключительно путем изменения. Только мертвые языки и культуры можно полностью обезопасить от перемен.

Изменения культуры и также в языке и его ситуации обычно вызывают и сопротивление. Люди делятся на таких, которые отождествляют себя с новыми ценностями, в т.ч. со стремлениями представителей культуры большинства и властных элит, и на тех, кто отождествляет себя со своим традиционным сообществом и выступает против господствующей группы. Энергичное пропагандирование культуры большинства и запрет культуры меньшинства в общественной жизни могут приводить и к обратным последствиям по сравнению с предполагаемыми. Многие меньшинства, десятки лет усиленно подвергавшиеся ассимиляции, парадоксальным образом сохранили свой язык и культуру лучше, чем народы, живущие в относительно либеральных обществах. Конфликт большинства и меньшинства в таких случаях не приводит к ассимиляции, а, напротив, поддерживает этническую идентичность малой группы. Таким меньшинством являются, например курды Турции, политическая ситуация которых начала улучшаться только в самое последнее время.

«Чистота» и «исконность» языка

Во всех языковых сообществах, будь то жизнеспособные мировые языки или языки под угрозой исчезновения, приходится решать вопрос об изменениях в языке. Часто оказывается, что модернизацию языка принять сложнее, чем трансформацию структуры традиционных занятий или иные перемены в культуре и образе жизни. При этом очевидно, что язык изменяется вместе с остальной культурой – он не может оставаться в отрыве от прочих культурных метаморфоз.

Тем не менее, во многих языковых сообществах по всему свету, как в больших, так и в маленьких по количеству говорящих, царит идеал языковой «чистоты». Его поддерживают как носители доминирующих языков, так и меньшинства. Если настаивать на требовании *языкового пуризма*, или правильности и чистоты языка, в случае языка под угро-

зой исчезновения последствия могут оказаться драматическими. Когда за годы школьного образования и посредством СМИ носителем культуры для детей из среды меньшинства становится язык большинства, понятно, что им нелегко достичь такого же многостороннего владения своим родным языком. Подобное знание родного языка они могут получить разве что при обучении по специальной филологической программе в университете, но едва ли в других сферах. В России не все заинтересованные люди имеют возможность узнавать о неологизмах, появляющихся в их языке, и углубляться в реформы орфографии. Относительно слабо развита система образования и средства массовой информации, которые могли бы распространять эти сведения.

Если язык какого-либо народа России оказался под влиянием русского языка и по данной причине его начинают считать непригодным, это отторгает от него существенную часть говорящих и способствует увеличению количества переходов на язык большинства. Для возрождения языка забота о его чистоте и богатстве является отчасти второстепенным вопросом. В первую очередь следует заботиться о том, чтобы носители ценили само владение своим языком, использовали его и передавали детям. В конце концов, как долго язык может оставаться неизменным, не превращаясь в музейный экспонат? Насколько серьезную угрозу для языка в конечном итоге представляют заимствованные слова, исчезновение старой лексики и замена собственных выражений на кальки из языка большинства по сравнению с опасностью того, что доминирующий язык сменит менее распространенный в качестве домашнего языка и языка повседневного общения в своем сообществе?

Языки и модернизация

► Три вида реакции на модернизацию

Итак, в основе утраты языков и ослабления сообществ их носителей лежат сложные общественные, политические и идеологические процессы, которые изменили среду обитания человека. Одним словом подобные изменения можно охарактеризовать как *модернизацию* или *глобализацию*.

Этническое или языковое сообщество теоретически может реагировать на модернизацию тремя способами. Оно может модернизировать собственную культуру на условиях культуры большинства и добровольно ассимилироваться с последним. Оно может отказаться от

модернизации и поддерживать традиционную форму культуры в новой ситуации, несмотря на связанные с этим сложности изоляции. Или же оно может попытаться модернизироваться самостоятельно, сохраняя свою культуру, но одновременно обогащая ее элементами окружающей культуры большинства.

Ниже мы рассмотрим каждый из этих трех вариантов более подробно.

► Модернизация на условиях культуры большинства

Модернизация на условиях культуры большинства означает усвоение ценностей и культурного наследия большинства, что часто сопровождается языковым сдвигом. Поскольку язык является во многих отношениях краеугольным камнем культуры, его утрата обычно довольно скоро приводит к обеднению или полному исчезновению культуры меньшинства.

Функционирование образования, управления и средств массовой информации на языке большинства приводит к тому, что язык меньшинства и поддерживаемая им культура замыкаются исключительно в семейном кругу в стороне от общественной жизни. В то время, как культура большинства изменяется согласно потребностям современного общества, у традиционной культуры не остается возможности за ней следовать.

Вопрос о том, в какой степени культура меньшинства может жить дальше, если лежащий в ее основе язык умирает, не имеет простого ответа. Следует различать случаи, когда мы говорим о потере языка на индивидуальном уровне или же на уровне всего сообщества. Например, в России в состав меньшинств входит некоторое количество членов, утративших язык своего сообщества. Для их этнической идентичности при этом важно существование других говорящих на данном языке, с которыми они могут ощущать единение, несмотря на потерю языка.

Даже в том случае, когда язык исчезает на уровне всего сообщества, некоторые черты традиционной культуры могут сохраняться после завершения языкового сдвига. Это возможно прежде всего тогда, когда хотя бы часть сообщества сохраняет традиционные промыслы. Примером этого могут служить оленеводство и рыболовство у северных народов, поддерживающие определенные черты материальной культуры и отношения к окружающей среде.

Важно подчеркнуть тот факт, что смена языка не является законом природы. Носители языка меньшинства сами решают начать говорить

со следующим поколением на языке большинства. Подобный выбор часто обосновывается необходимостью получения образования, привычкой двуязычной семьи использовать дома язык большинства и стремлением обеспечить детям максимально успешную жизнь в обществе, говорящем на доминирующем языке. Однако, как правило, за всем этим все же скрывается дискриминация, которую испытали носители языков меньшинств и от которой хотя и уберечь следующее поколение. Практически всегда проблема заключается в том, что структура общества, например, система образования и управления, не симметрична — носители менее распространенных языков не могут участвовать в общественной жизни на тех же условиях, что и носители доминирующего языка.

Поэтому, несмотря на то, что языковой сдвиг кажется в таком случае добровольным, он отображает структуру власти и ценности культуры большинства. Он говорит о слабом культурном самосознании меньшинства и, в числе прочего, о представлении, согласно которому только образ жизни большинства является достойным стремления к нему. Все это обычно сопровождается идеями о том, что потеря менее распространенного языка в семье и обществе — это незначительное и неопасное явление, и от сохранения этого языка нет никакой пользы.

Модернизация на условиях культуры большинства обычно ведет либо к потере своего языка и культуры, либо по крайней мере, к значительному обеднению культурного наследия меньшинства. К сожалению, в настоящий момент это наиболее распространенный по всему миру тип модернизации.

► Отказ от модернизации

Отказ от модернизации означает активное стремление противостоять культурным изменениям. Меньшинство, которое реагирует на модернизацию таким образом, часто находится в опасности вступить в конфликт с большинством.

Тем не менее, отказ от модернизации может оказаться действенным способом сохранения культурной самобытности. В качестве примера можно привести сообщества амишей в США, которые отказались от использования автомобилей и электричества и, в числе прочего, сохранили свой язык, швейцарский диалект немецкого. С другой стороны, амишей характеризует изоляция от окружающего общества и негативная оценка развития последнего. Сходным случаем являются многие сообщества староверов в России и за ее пределами.

Отказ от модернизации не обязательно является позицией, развившейся в среде самого меньшинства. Часто и в культуре большинства живет глубоко укоренившееся представление о том, что язык меньшинства и поддерживаемая им культура могут существовать исключительно в качестве «музеефицированного» пережитка прошлого. В связи с модернизацией культур народов России и других стран можно говорить о *фольклоризации*. Это означает, что меньшинствам разрешается осуществлять свои культурные практики только в таких формах, которые одобряются представителями большинства. Обычно на первое место в подобных случаях выходят национальные блюда, одежда, музыка, ассоциируемые с традиционной культурой, и прочие безбидные с точки зрения окружающей культуры черты.

Фольклоризация, таким образом, представляет собой демонстрацию локальной культуры на условиях культуры большинства, и ее можно считать противоположностью успешной модернизации местной культуры. Типичный пример фольклоризации — это использование картин и прочего культурного наследия (костюмов, оружия) индейцев Америки в рекламном продвижении различных товаров или же, скажем, в качестве логотипа футбольных команд. Для России обычным примером фольклоризации является представление национальных костюмов, танцев и песен народов России в ситуации, когда эти народы в действительности имеют очень слабое влияние на происходящее в регионе их проживания. Может быть и так, что большая часть членов танцевального и певческого ансамбля даже не знает родного языка. Типично такое положение дел, когда национальные костюмы, блюда и приветствия на национальных языках используются в ситуациях, которые во всем остальном следуют протоколу проведения мероприятий в культуре большинства и организованы почти исключительно на русском языке. Подобная традиция представления культурных особенностей по определенной, практически неизменно повторяемой схеме сложилась в советское время.

Хотя народная музыка и прочие культурные традиции могут обрести жизненную силу на различных фестивалях, можно задать себе вопрос: сохранится ли культура, язык которой не используется в образовании, управлении и СМИ, если форма выражения этнической идентичности ее представителей состоит только из национальных танцев, песен и костюмов? В самом худшем случае фольклоризация национальной культуры может скрывать ассимиляционные процессы даже от самих ее носителей. Люди могут думать, что язык и культура вне опасности, потому что их можно видеть на различных культурных мероприятиях.

► Модернизация на условиях культуры меньшинства

Модернизация на условиях культуры меньшинства означает культурный контакт, при котором традиционная культура изменяется, не теряя своей самобытности. В таком случае эта культура усваивает из культуры большинства и международной современной культуры такие элементы, которые она в состоянии интегрировать. Культура изменяется, но одновременно сохраняется. Новые черты скорее обогащают традиционную культуру, чем разрушают ее.

Модернизация на условиях культуры меньшинства может, например, описывать случаи, когда язык, на котором изначально говорили только в рамках семьи или маленького сообщества, расширился до языка образования, и на нем стало возможно говорить и на другие, не только на бытовые темы. Она может также обозначать изменение жизненной среды языкового сообщества — например, когда помимо традиционного для какого-либо языка сельского сообщества появляется также сообщество горожан, говорящих на этом языке.

Алексей Цыкарев

Карельский активист Алексей Цыкарев на сессии постоянного форума ООН по вопросам коренных народов

Модернизация не всегда непременно означает только распространение культуры, находящейся у власти, и дискриминацию культуры меньшинств. Она также предлагает представителям большинства возможность познакомиться с локальными культурами. Модернизация может приводить, например, к возникновению такой литературы или музыкальных текстов на менее распространенном языке, которые будут интересны и для большинства. Таким образом, культура меньшинства может стать более известной, войти в состав всеобщего мирового культурного капитала.

В условиях глобализации среди носителей широко распространенных языков начинает проявляться особенно сильный интерес к менее распространенным языкам и культурам. Малочисленный народ в состоянии создать высокую культуру, которая может стать модной и у больших народов. Например, хантыйский писатель Еремей Айпин популярен во всей России. Произведения ненецкого режиссера Анастасии Лапсуй получили международные премии. В 2012-ом году на конкурсе Евровидения второе место занял коллектив Бурановские бабушки, который исполняет удмуртские народные песни в современной обработке. Подобные им культурные деятели пробуждают интерес к сохранению хантыйского, ненецкого, удмуртского и других языков. Конечно, литература, кино и конкурс Евровидения не являются традиционными формами искусства для финно-угорской культуры, но они оказались такими средствами, которыми можно эту культуру выражать и развивать.

► Этнофутуризм

Идеологическое направление в искусстве, получившее название *этнофутуризма*, является новым типом выражения национальных языков и культур. Оно зародилось в Эстонии в среде группы поэтов в начале 1990-х годов и распространилось, в числе прочего, среди финно-угорских народов России, особенно у удмуртов.

Этнофутуризм определяется как достаточно широкое понятие. Это направление может в принципе быть представлено как в визуальном искусстве и литературе, так и в политике и философии. Его отправной точкой является объединение народных традиций и верований с современными элементами и формами выражения, а также с глобальной культурой. Например, этнофутуристическим искусством можно считать обработку традиционной народной музыки в современном стиле тяжелого рока, как это делает эстонская группа «Метсатёлль» или же марийская группа «Пайрем».

Этнофутуризм включает в себя идею о том, что международное сотрудничество не обязательно должно осуществляться на господствующих в мире языках — для международной коммуникации, например, в сфере искусства, годятся и менее распространенные языки и культуры. Этнофутуризм утверждает, что именно локальные культурные традиции разных регионов мира обогащают мировое сообщество. Если совместная работа разных народов ведется только на нескольких больших языках, всегда в одних и тех же формах, мы теряем возможность плодотворной встречи разных культурных традиций.

Другая основная идея этнофутуризма заключается в том, что жизнь представителей большинства будет также богаче и интереснее, когда вокруг них процветают локальные культуры. Эти культуры составляют основу, на которой могут зародиться музыкальные, философские и иные культурные традиции, которые бросят вызов старым формам.

Анника Пасанен

Живая или фольклоризованная культура? Представление шаманского камлания в Таймырском колледже

Образование и средства массовой информации — главные магистрали модернизации

Успешная модернизация предполагает, что меньшинство может влиться в мировую культуру самопроизвольно, а не обязательно на условиях, навязанных культурой большинства. Центральными способами достижения подобной интеграции являются образование, СМИ и административные услуги, предоставляемые на языках меньшинств. Данные языки следует обновлять таким образом, чтобы их можно было бы использовать и за пределами устоявшихся сфер употребления, в том числе в профессиях, не входящих в состав традиционных занятий меньшинств. Это необходимо для того, чтобы у носителей этих языков была возможность выбора рода деятельности, аналогичная имеющейся у говорящих на господствующем языке, без необходимости отказываться от части своего культурного наследия. Ниже мы более подробно рассмотрим образование и средства массовой информации на языках народов России. Сведения о функционировании этих языков в управлении, а также дополнительную информацию об их использовании в образовании и СМИ на с. 123–132.

► Образование

Возможность получения образования на родном языке является одним из наиболее важных признаков модернизации, осуществляющейся на условиях культуры меньшинства. Это также один из лучших индикаторов, предсказывающих дальнейшую жизнеспособность языка. Как правило, везде, где была создана школьная система, функционирующая на языке меньшинства, перспективы выживания этих языков и культур стали значительно более радужными. Право на образование на родном языке является также правом человека, которое закреплено как в собственном российском законодательстве, так и во многих международных соглашениях (более подробно см. с. 90–91, 104–106).

На международном фоне ситуация в России кажется в этом отношении не очень обнадеживающей, хотя она и не самая плачевная. На практике только в отдельных из 83 субъектов Российской Федерации возможно получение образования на национальном языке. Так называемые «национальные школы» — это часто школы, работающие на территории проживания меньшинства, в которых обучение происходит на русском языке, и только на уроке родного (т.е. местного) языка возможно использование последнего. Поэтому в школе не формиру-

ется способность говорить о явлениях современного мира на данном языке, а также предпосылок к использованию этого языка на письме. Языки народов России, как правило, преподаются всего несколько часов в неделю, часто в качестве факультатива в конце учебного дня. Если язык не используется дома, подобное обучение никаким образом не препятствует его исчезновению. Получение профессионального образования на языке меньшинства практически невозможно — исключение обычно составляет лишь филологическое образование на родном языке, которое предназначено для преподающих этот язык учителей.

В России все же есть некоторые регионы, где ситуация с преподаванием на языках народов России существенно лучше, чем на остальной территории. Таковы, например, Республики Татарстан и Башкортостан, где имеется школьное преподавание на местном языке (татарском и башкирском соответственно), и даже такие школы, где преподают на языках других меньшинств — марийском и удмуртском. Тем не менее даже там, где школьное образование доступно на иных языках, кроме русского, многие школьники из среды национальных меньшинств обычно ходят в русскоязычную школу (см. также с. 130–131).

Значительная часть народов России проживает за пределами своих национальных территорий или не имеет таковых. В таких районах часто нет возможности изучать родной язык даже в качестве учебного предмета. В некоторых случаях вне национальных республик может жить даже подавляющая часть языкового сообщества, например, более 60% татар и мордвы.

► Средства массовой информации

В современном мире отношение человека к окружающему складывается во многом с помощью средств массовой информации посредством литературного языка. Мы можем знать звезд ТВ и эстрады чуть ли не лучше, чем своих дальних родственников. Обсуждение биографий публичных фигур объединяет живущих далеко друг от друга людей, у которых может не быть даже общих знакомых.

Современные общества формируются при активном участии СМИ. Средства массовой информации предлагают молодежи образцы для подражания, от которых она усваивает в том числе и новые слова и выражения. Если у детей из среды меньшинства имеется возможность отождествлять себя с подобными заметными фигурами, говорящими на их языке, это может значительно повлиять на их языковые установки и выбор языка.

В республиках РФ с советских времен функционируют официальные газеты и журналы на государственных языках. Однако, вслед за стремительным увеличением количества периодических изданий в перестроечные времена, наступил спад. Причем тиражи сократились в разы.

Кроме того, с советских времен в республиках осуществляется теле- и радиовещание на государственных языках, но объем телепередач на национальных языках с тех пор также уменьшился. Несколько лет назад региональные телекомпании были переподчинены Всероссийской государственной телерадиокомпании. В итоге количество часов передач на национальных языках в сетях вещания еще больше сократилось.

Передачи по радио и телевидению, а также газеты и журналы на языках народов России обычно имеют гораздо более низкое качество, чем на языке большинства. Как правило, информация на русском языке подается полнее и профессиональнее, что в условиях двуязычия национальной аудитории приводит к невостребованности национальных СМИ. Кроме того, эта информация часто просто не достигает значительной части своей потенциальной аудитории — в частности, по причине узкой зоны покрытия для вещанием, высокой цены подписки на прессу и отсутствия традиции следить за событиями «высокой» культуры посредством родного языка.

Существует связь между неразвитостью школьного образования на языках народов России и низким уровнем качества национальных СМИ. Если язык меньшинства плохо преподают в школе и носители не овладевают чтением и письмом на нем, национальные средства массовой информации также оказываются не у дел. За теми немногими СМИ, которые еще сохраняются, фактически остается только функция служить национальным орнаментом и поддерживать иллюзию сбалансированной языковой политики, а полноценную информацию люди получают на языке большинства.

Ко всему прочему добавляется еще и проблема того, что национальные СМИ часто поддерживают представление о местных языках как о языках исключительно сельской местности и традиционного сообщества (см. тж. с. 39 о фольклоризации). Национальные СМИ обычно сосредоточиваются на новостях своей республики или района, а события всероссийского масштаба обходят стороной, не говоря уже о мировых новостях.

Утешителен все же тот факт, что в последние годы и в российских регионах появляются новые СМИ и современная молодежная культу-

ра на языках меньшинств. Например, на некоторых финно-угорских языках существует поп-музыка, и транслируемые с ее помощью образцы для подражания интересны также и для молодежи. Появилось также новая литература на языках народов России, которая не занимается проблемами традиционного сельского общества, а, например, иронически повествует о современной российской действительности.

В настоящее время быстрое развитие получает использование новых технологий, в первую очередь интернета. Сфера массовых интернет-технологий ко времени принятия законов о языках (см. с. 114–115) была еще относительно новой, поэтому использование языков в этой сфере не регулировалась. В результате лишь немногие республики предоставляют на сайтах официальную информацию органов власти на национальных языках. В полном объеме такая информация дается, например, на официальном сервере Республики Татарстан.

В отличие от СМИ прошлых поколений, интернет не требует наличия редакции, сосредоточенной в одной месте, и развитие его содержания не предполагает интенсивных централизованных усилий общества. Поэтому он, в принципе, наилучшим образом подходит для таких меньшинств, у которых нет доступа к централизованным государственным структурам. С другой стороны, если традиция письменного употребления языка достаточно слаба, представители народов России не умеют искать информацию на своем языке и в интернете. Поскольку речь идет о двуязычных индивидах, вопрос поиска интернет-информации на менее распространенных языках здесь также заключается в предложении: люди готовы читать и на родном языке, если содержание интересно и достаточно сильно отличается от предлагаемого на языке большинства.

Предложение информации в национальных СМИ с распространением интернета значительно расширилось у многих европейских меньшинств. В России на пути подобного развития пока что имеются заметные технические препятствия: интернет еще недостаточно распространен в тех районах, где говорят на национальных языках, он слишком дорог или же люди еще не привыкли его использовать. Будущее покажет, насколько народы России смогут извлечь пользу из этого нового вида средств массовой информации.

Многоязычная Россия

Рождение многоэтничной России

Россия всегда была многоязычной страной. Современная Россия зародилась в средние века путем взаимной ассимиляции славянских, финно-угорских, тюркских и монгольских народов и племен. Начиная с XVI века, границы России расширялись вглубь Сибири, а с XVIII века — на Кавказ, путем присоединения проживавших на этих территории народов. Аналогичным образом, начиная с времен Возрождения, появились и европейские колониальные страны, например, испанская, британская и французская империи. Россия отличалась от них в том отношении, что она расширялась на восток по суше, а не через моря на другие материки.

С конца 16-ого по начало 19-ого веков территория Российской империи значительно увеличивалась, при этом площадь ежегодно присоединяемых территории соответствовала в среднем площади современного европейского государства. Россия превратилась в многонациональную империю, охватившую целый материк и включившую в себя различные народы. Одновременно расширялась и территория использования русского языка. В Северную Европу, Сибирь, на Кавказ и Дальний Восток пришли русскоязычные переселенцы. Во многих регионах началась русификация местного коренного населения. Одни народы ассимилировались и исчезли, другие восприняли русское культурное влияние и начали передавать его дальше.

Языки народов СССР в советское время

На момент Октябрьской революции 1917 года русские составляли только половину населения России. Другие народы, говорящие на собственных языках, проживали главным образом в сельской местности и занимались традиционными промыслами, хотя у некоторых из них уже тогда существовали письменные культурные традиции.

Советская власть хотела быстро модернизировать культуру народов, входивших в Союз. Это должно было быть сделано путем индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, электрификации деревни и повышения уровня образования. С этими целями десяткам советских народов начали создавать советскую культуру на их языках. Многоязычная коммунистическая культура также

представляла советское государство колыбелью мировой революции, из которой социализм должен был распространиться во все страны.

В 1920-х годах для многих народов СССР был создан литературный язык и письменная культура. Политика того времени получила название *коренизации*. Ее целью была передача региональных властных структур в руки местного населения, в частности, путем замены русских чиновников представителями местных народов.

Идеологические причины заставили молодое советское государство активно поддерживать языковые меньшинства. Помимо этого, по-видимому, существовало и стремление найти союзников в ситуации, когда новая государственная структура еще до конца не устоялась. В документах, производимых молодой советской властью, постоянно ссылались на «принцип самоопределения народов», который был записан в уставе только что образованной Лиги Наций.

Можно сказать, что в 1920–30-е годы национальная политика СССР на мировом фоне была, по-видимому, наиболее благоприятной для развития меньшинств. Советский Союз был единственной страной мира, где в управлении и в культурных учреждениях использовались десятки языков. С другой стороны, новые письменные языки были созданы не только для того, чтобы отражать историческое культурное наследие говорящих на них этносов, а прежде всего ради принятия последних в семью советских народов. Новые литературные языки должны были стать выразителями мировой революционной культуры. На всех языках практиковалась единая советская культура.

Чистки второй половины 1930-х годов уничтожили бóльшую часть постреволюционных достижений. Сталинские политические репрессии и последующая война переключили внимание с развития культур народов СССР на создание национального единомыслия. Только что народившуюся национальную интеллигенцию обвинили в шпионаже в пользу иностранных держав и в попытках расшатать единство советского государства. Политику поддержки многоязычия сменила политика выдвижения вперед русского языка как «языка межнационального общения». В 1938 году обучение русскому языку стало обязательным для всех граждан СССР.

Когда во второй половине 1940-х годов СССР оправился от разрухи войны, культурные учреждения и языки входящих в него народов уже более не смогли достичь прежнего значения. После смерти Сталина в 1953 году внешняя политика, направленная на разжигание мировой революции, сменилась политикой Хрущева, который верил в возможность сосуществования социалистической и капиталистической систем. Хотя это означало оттепель в международных отношениях, во

внутренней политике линия Хрущева вела к ослаблению позиций народов СССР.

Советский Союз в 1950-х годах уже не ставил перед собой задачу создания многонационального государства. СССР стал больше напоминать национальное государство, имеющее только один официальный язык: русский. В 1958 году была начата школьная реформа, которая привела к значительному расширению использования русского языка, в особенности в автономных республиках и округах. Во многих регионах были отменены школьные системы, функционировавшие на местных языках, прежде всего на территории РСФСР в таких регионах, как Карелия, Марий Эл и Коми. Стало выходить значительно меньше литературы на этих языках, и новые средства массовой информации, радио и телевидение, были в основном русскоязычными. Только в национальных советских республиках языки народов СССР еще сохраняли свое значение в качестве языков управления и культуры.

В 1970-х годах началось увеличение объема преподавания русского языка и использование русского в качестве единственного языка «высокой» культуры и там, где до сих пор в этой функции успешно выступали местные языки — например, в Прибалтике и на Украине. Это привело к обострению национальных трений, снятие которых в условиях централизованного и авторитарного советского государства было возможно только силовыми методами. Во многих национальных регионах современной России переход с местных языков на русский начал усиливаться именно в 1970-х годах. Это было связано, с одной стороны, с повышением уровня образования и процессами урбанизации, но, с другой стороны, и с усилением государственного контроля в области национальной политики.

Распад СССР — рождение новой языковой ситуации

С середины 1980-х годов новая политика Горбачева сделала возможным обсуждение национальных вопросов в СМИ, сначала осторожное, а затем все более интенсивное. По всему Советскому Союзу выплеснулась на поверхность национальная напряженность, накопленная в тоталитарном обществе. Национальные активисты впервые в истории получили возможность более или менее свободной самоорганизации. По всей огромной стране зародились различные движения, направленные на улучшение ситуации национальных меньшинств.

В 1991 году СССР распался и 15 союзных республик получили независимость. Появились многонациональные государства, в которых русские, составлявшие большинство населения СССР, оказались в меньшинстве. В составе России остались такие меньшинства, которые проживали в национальных регионах РСФСР, и такие, у которых не было собственных республик. Это были как народы, жившие на своих исторических территориях, так и меньшинства, возникшие в результате внутренних миграций советского времени.

После 1991 года часть меньшинств второго типа возвратилась на свою историческую родину. Например, число эстонцев и латышей на территории России значительно сократилось. Одновременно, в Россию приехало большое число мигрантов, в частности, из Киргизии, Армении и Таджикистана. Как и во многих других индустриальных и постиндустриальных обществах, число иммигрантов в России в настоящее время быстро растет.

Все это существенно изменило структуру российского языкового сообщества. Ранее русский язык господствовал во многонациональной империи и использовался в качестве языка образования и культуры по всему СССР. Теперь же в новых национальных государствах он оказался языком меньшинства — возможности получения высшего образования на русском языке здесь стали хуже, чем раньше. С другой стороны, многие меньшинства внутри самой России оказались теперь «иностранцами», так как их историческая родина уже не принадлежит России.

Неудачная национальная и языковая политика была одной из мин замедленного действия, разрушивших СССР. Недовольство статусом национального языка и культуры, находящихся под прессом русского языка (особенно в странах Балтии, на Кавказе и на Украине), в совокупности с низким уровнем экономического развития, недееспособной бюрократией, отсутствием демократических свобод и процветанием властных элит, создали основу для окончательного распада Советского Союза.

Несмотря на меньшую, по сравнению с СССР, территорию, а также возвращение характера национального государства, Россия по-прежнему остается многоязычной. Перед ней до сих пор стоит та же самая проблема, в решении которой Советский Союз потерпел неудачу: каким образом народы могут вместе построить такое общество, в котором каждый чувствовал бы себя как дома.

Из ошибок предшествующего поколения могут извлечь урок и страны-наследники СССР, которые борются с новыми проблемами, связанными с меньшинствами. Такое решение национального вопро-

са, чтобы у меньшинств была возможность сохранять свою культуру без ощущения дискриминации, расизма или опасности исчезновения, является предпосылкой для сохранения многонационального государства. Это судьбоносные вопросы для России и других стран постсоветского пространства.

Существуют многочисленные примеры многонациональных государств, сохраняющих свою целостность, несмотря на предоставление меньшинствам широких прав. Например, в Индии нет единого господствующего языка, и в различных регионах в образовании и управлении используются десятки разных языков. Отношения языковых и этнических групп сложны и не всегда гармоничны, но государству не грозит непосредственная опасность распада.

Некоторые страны Европы в течение нескольких десятилетий превратились из централизованных национальных государств в многонациональные федерации. Например, в Испании, начиная с конца 1970-х годов, деконструировали националистическую и централизованную систему управления. Региональные языки крупных народов, такие как баскский и каталонский, стали языками образования и управления, а регионам добавили автономии. Статус этих языков и основанных на них культур существенно укрепился, но Испания сохранила территориальную целостность. Примечательно, что поддержка местных языков и культур в рамках федеративного государства значительно ослабила основу для проявлений терроризма и сепаратизма в Стране Басков (подробнее см. 77–78). Все большее число басков отказывается от вооруженного сопротивления, поскольку они получили возможность влиять на положение своего языка и культуры в рамках существующей государственной системы. Сходной была эволюция и в Великобритании, где статус валлийского и других коренных языков значительно укрепился, начиная с 1980-х годов. Несмотря ни на что, Британия является по-прежнему единой страной.

В России часто утверждают, что улучшение положения ее народов может угрожать федеративной целостности страны. Европейские примеры показывают, что и противоположный путь развития возможен. Во многих случаях обеспечение прав национальных меньшинств не ослабляет государство, а наоборот, скорее, укрепляет его.

Языки и народы России

По переписи населения 2002 года, 20% жителей современной России, или почти 30 миллионов человек, относилось к нерусским националь-

ностям. Столько же живет, например, во всей Северной Европе (Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии) и странах Балтии (Литве, Латвии, Эстонии) вместе взятых. Это также примерно соответствует числу русскоязычных, проживающих за рубежом.

В России имеется значительно большее количество меньшинств, чем, например, в Европейском союзе или США. К примеру, в европейских странах к числу национальных меньшинств относится всего лишь 8% населения.

Сложно точно оценить, сколько всего языков представлено в России. Часто цитируемая база данных Ethnologue, составленная Летним лингвистическим институтом (Summer Institute of Linguistics), приводит число 105. В этой классификации, однако, едиными языками считаются и взаимно непонятные диалекты, если на них говорит одна и та же этническая группа. Хотя, например, саамы, ханты или манси являются единими народностями, саамских языков насчитывается девять (из них в России — три), а хантыйских языков — три. Мансийских языков раньше было четыре, сейчас, по-видимому, сохранился только один.

Перепись населения 2002 года зарегистрировала в России 239 языков. Это число, однако, включает и большое количество таких языков, на которых говорят в основном за рубежом, а в России их знают, как правило, только как иностранные языки. Согласно ЮНЕСКО, культурной организации при ООН, в России немногим менее 140 языков. В докладах России о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (см. подробнее Часть II, с. 82–83) указано 32 официальных языка, 37 языков коренных народов и 35 других «широко используемых языков», или всего 104 языка.

Хотя относительно языковой ситуации России не имеется абсолютно надежных статистических данных, можно предполагать, что по крайней мере 15% населения России имеет вместо русского или параллельно с ним какой-то другой язык в качестве родного.

Народы России сильно различаются по численности. Например, татар в России несколько миллионов — больше, чем жителей в некоторых европейских странах. Одновременно, некоторые языки имеют всего лишь несколько носителей. Например, у води, проживающей на берегу Финского залива, или же у лесных энцев Западной Сибири имеется всего лишь около десятка говорящих на своем языке.

В настоящий момент в России, помимо русских, проживает шесть народов, имеющих более миллиона представителей, и примерно сорок, состоящих из более чем ста тысяч человек. Меньшинства в России представляют собой либо коренные народы, которые стали меньшинствами, когда границы России распространились на восток, либо

группы мигрантов, переехавших сюда из других частей бывшего СССР. Наиболее многочисленными языковыми группами являются тюркские народы (всего около 12 миллионов человек, например, татары, башкиры, чувашаи, якуты, а также мигрировавшие в Россию узбеки, казахи и др.) и финно-угорские народы (всего около 3 миллионов, например, удмурты, марийцы, мордва, коми, карелы и др.). Кавказские народы, например, лезгинцы, даргинцы, кабардинцы, ингуши, чеченцы и авары), относящиеся к различным языковым группам, составляют более пяти миллионов россиян.

Более половины языков народов России находятся на грани вымирания, и, за исключением самых больших языков, опасность исчезновения угрожает в той или иной степени почти всем. Наиболее существенные факторы, представляющие угрозу для этих языков, — это разрушение традиционных языковых сообществ под влиянием модернизации и миграций, растущий уровень образования, отсутствие преподавания на родном языке и политика, дискриминирующая меньшинства.

ЮНЕСКО приводит список из 135 языков России, в различной степени подвергающихся опасности исчезновения (см. определение ЮНЕСКО языков под угрозой исчезновения, с. 26–27). В это число входят почти все языки России. Только русский, татарский, а также несколько языков, на которых говорят самые большие группы мигрантов, можно, по-видимому, считать находящимися в относительной безопасности. Согласно ЮНЕСКО, ситуация 22 языков России является критической, т.е. они практически исчезли, а 29 находятся под серьезной угрозой исчезновения. За последние десятилетия было утрачено по крайней мере 15 языков народов России. Например, последний носитель камасинского языка, входящего в самодийскую группу, умер в 1989 году, а последний говорящий на бабинском саамском — в 2003 году.

Тенденции демографического развития национальных меньшинств довольно сильно различаются. Например, число мордвы, согласно переписям населения, за 13 лет сократилось более чем на пятую часть. В то же время число башкир, наоборот, примерно на столько же выросло, а число представителей некоторых кавказских народов практически удвоилось. Эти изменения показывают более высокий уровень рождаемости среди тех, кто исповедует ислам, по сравнению с основной частью населения. Статистические данные также свидетельствуют о росте числа представителей коренных народов севера. Однако число людей, отождествляющих себя с данными группами, увеличилось, по-видимому, прежде всего по причине государственной поддержки этих народов.

Несмотря на то, что во многих случаях число представителей народов России, и особенно говорящих на собственных языках, сокращается, относительная доля национальных меньшинств в составе населения России не уменьшается. Таким образом, и в будущем Россия будет оставаться многонациональной и многоязычной. При этом соотношения численности между различными народами быстро изменяются.

Народы России в различных регионах

Русские составляют коренное население лишь в сравнительно небольшом ареале европейской части России и Южной Сибири, площадь которой покрывает примерно лишь четверть современной России. На большей части территории России коренными являются другие народы. Для российской ситуации также характерно, что города являются преимущественно русскоязычными даже и в тех случаях, когда в окружающей их сельской местности большинство населения говорит на каком-то ином языке.

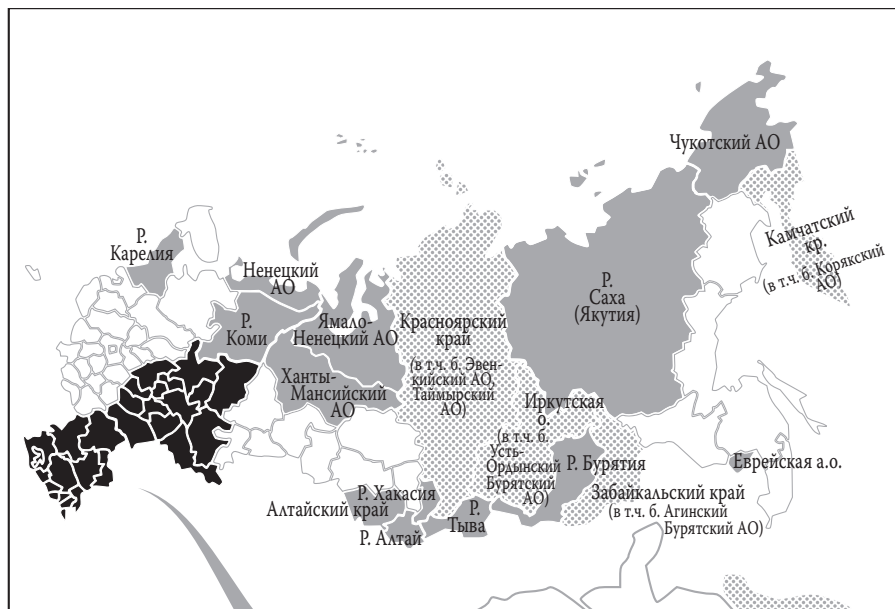
В 2010 году в России было 26 национальных субъектов федерации, выделенных на основе этнического признака — 21 республика, 4 автономных округа, 1 автономная область. В 2000-х годах 6 прежних автономных округов (Коми-Пермяцкий, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский, Таймырский, Корякский и Эвенкийский) были присоединены к другим регионам.

Подобные образования изначально создавались на таких территориях, где коренные народы исторически составляли большинство населения. Однако в настоящий момент доля национального населения, статус их языков и культур и степень их автономии на этих территориях значительно варьируют.

В России имеются и такие субъекты федерации, где русские представляют собой сравнительно небольшое меньшинство. Таким регионом в особенности является Северный Кавказ (например, в Ингушетии число русских составляет 1% всего населения республики, в Чеченской Республике — 3%, а в Дагестане — 4%). С другой стороны, многие преимущественно русскоязычные регионы имеют заметные по численности меньшинства. Например, среди 11 миллионов жителей Москвы этнические меньшинства составляют 9%.

*Таблица: Некоторые наиболее крупные народы
и группы мигрантов в России*

название	количество	языковая группа	коренные/ мигранты
Татары	5,5 млн.	тюрк.	к
Украинцы	2,9 млн.	слав.	м
Башкиры	1,8 млн.	тюрк.	к
Чуваши	1,6 млн.	тюрк.	к
Чеченцы	1,5 млн.	нах.-дагест.	к
Армяне	1,13 млн.	армян.	к/м
Мордва	843 тыс.	финно-уг.	к
Авары	808 тыс.	нах.-дагест.	к
Белорусы	808 тыс.	слав.	м
Казахи	653 тыс.	тюрк.	м
Удмурты	637 тыс.	финно-уг.	к
Азербайджанцы	621 тыс.	тюрк.	м
Марийцы	604 тыс.	финно-уг.	к
Немцы	597 тыс.	герм.	к/м (с XVIII в.)
Даргинцы	411 тыс.	нах.-дагест.	к
Лезгинцы	411 тыс.	нах.-дагест.	к
Коми-зыряне	293 тыс.	финно-уг.	к
Калмыки	173 тыс.	монг.	к
Коми-пермяки	125 тыс.	финно-уг.	к

Национальные субъекты Российской Федерации. Темно-серым выделены национальные республики, автономные округа и автономная область. Светло-серым отмечены недавно образованные субъекты федерации (края), в состав которых в том числе оказались интегрированы и бывшие национальные округа. Подобные национальные округа, вошедшие в состав краев среди прочих бывших административных единиц, указаны после названия края в скобках.

Судьба различных языковых сообществ

Будущее языков народов России представляется неодинаковым. Очевидно, что часть языков исчезнет, если не изменятся нынешние тенденции развития их ситуации. С другой стороны, сообщества носителей некоторых языков, наоборот, укрепляются и не проявляют признаков ассимиляции.

Как уже было показано выше, опасность исчезновения языков связана не столько с количеством говорящих, сколько с отсутствием передачи языка следующим поколениям. Например, мордовские языки, имеющие сотни тысяч носителей, находятся под угрозой, поскольку в большей части сообществ язык не передается молодежи и доля старшего поколения в возрастной структуре говорящих становится все более весомой. При этом, например, на ненецком языке, имеющем всего несколько десятков тысяч носителей, по крайней мере в части сообществ говорят с детьми, и можно утверждать, что в этом смысле он находится в меньшей опасности, чем многие другие языки со значительно большим числом говорящих.

Кроме того, многие такие языки, ситуация которых относительно стабильна на их основных территориях, находятся под угрозой исчезновения за пределами ядра зоны их распространения. Например, среди коми, проживающих на Кольском полуострове, язык уже по сути не передается детям, хотя в Республике Коми передача языка следующему поколению во многих районах еще успешно осуществляется. Другими примерами подобных диаспор, язык которых находится в опасности, являются марийцы Свердловской области и Пермского края или же многочисленные группы меньшинств, проживающие в русскоязычных крупных городах.

С другой стороны, ситуация языка в диаспоре может оказаться не хуже, а иногда даже лучше, чем на основной территории его распространения. Например, марийцы Башкортостана очень хорошо сохранили свой язык и культуру.

Официальный статус языков народов России

Несмотря на то, что люди с родным русским языком представляют из себя самую большую языковую группу Российской Федерации, в России также имеется много различных по размеру территорий, где численное преимущество составляют носители иных языков. Как утверждалось выше, русский язык можно считать языком большинства и в этих ре-

гионах, поскольку на нем в основном осуществляется образование и предоставляются многие другие услуги.

После распада СССР во многих территориальных образованиях были приняты местные законы, в которых за языками народов России был закреплён официальный статус. За счет этого языки стали заметны, например, на табличках с названиями улиц или государственных учреждений. Однако по сути своей во многих случаях это никак не улучшило ситуацию данных языков. Часто официальный статус существует лишь на бумаге, и получение услуг на этих языках невозможно.

Это связано также с тем, что отсутствует какое-либо официальное определение «официального статуса языка». «Официальный статус» остается всего лишь пустым словом в законодательстве, пока конкретный закон не определит, каким образом она должна осуществляться (см. с. 99).

Обычно официальный статус языков народов России означает символическое использование языка в качестве своего рода эмблемы народа. Ведь и говорят о «титულном языке» национальных регионов. В таком использовании языка имеются черты фольклоризации культуры, о которой говорилось выше (см. с. 38–39). Несмотря на то, что язык заметен и его используют в приветствиях, на плакатах и знаках государственных учреждений, у администрации часто никакого намерения начать употреблять его в управлении или же в коммуникации официальных лиц с населением.

Чаще всего придание языку официального статуса все же предполагает намерение создать двуязычное общество хотя бы в какой-то степени. Обычно это означает, что официальные документы производятся не только на русском, но и на местных языках. Кроме того, законодательство иногда дает возможность выбрать образование на родном языке вместо русскоязычного образования, однако на практике это право в большинстве регионов реализуется не вполне успешно. Например, в Карелии, Мордовии или Удмуртии нет ни одной школы, где преподавание осуществлялось бы на местном языке (более подробно см. 157–158). Даже в Татарстане, где титульный язык, по российским меркам, достаточно хорошо защищен, значительная часть татарских детей ходит в русскоязычную школу.

Поскольку гражданское общество в России сравнительно плохо развито, придание языку официального статуса может даже ослабить чувство ответственности за язык у его носителей. Люди могут думать, что если язык находится под защитой закона и имеет официальный статус, о его развитии и процветании должны заботиться чиновники.

Например, в докладе России для Совета Европы, касающемся положения языков народов России, утверждается, что официальные языки национальных территориальных образований благодаря своему официальному статусу защищены лучше, чем это предполагает Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (подробнее см. с. 82–84). В этом случае из поля зрения выпадает тот факт, что не официальный статус сам по себе защищает язык, а то содержание, которое придает этому статусу общество. В конечном итоге язык живет или умирает согласно поведению языкового сообщества. Если люди не говорят на языке сами, никакое законодательство не в силах его спасти.

Законодательство разных республик различается еще и в том отношении, насколько в том или ином регионе стремятся к достижению двустороннего двуязычия (подробнее см. с. 150). Например, в Татарстане и Республике Коми жители других национальностей должны в какой-то степени изучать местные титульные языки в школе. В большей части регионов нет и такого требования.

Подытоживая, можно сказать, что ситуации языков в России достаточно сильно различаются. Например, в Татарстане татарский язык применяется в управлении, СМИ и образовании достаточно широко; аналогична ситуация и с башкирским языком в Башкирии. Эти языки используют и президенты республик, и элита. В таких регионах, как Республика Карелия или Ханты-Мансийский автономный округ, использование местных языков в средствах массовой информации, образовании и управлении, в свою очередь, крайне незначительно. Среди жителей Дагестана ни одна этническая группа не составляет более 30% населения, а на долю русских приходится менее 5%, однако, несмотря на это, русский является основным языком управления, образования и СМИ. В таком крайне многонациональном регионе предпочтение русского языка может быть связано со стремлением найти максимально нейтральный язык всеобщей коммуникации.

Демографические изменения в России

К 1990-м годам коренное население оказалось меньшинством на исторической территории своего проживания в большей части субъектов Российской Федерации. Центральную роль в этом процессе, как представляется, сыграла урбанизация. Быстро росшие города становились русскоязычными, даже если в окружающей их сельской местности говорили на иных языках. Поскольку прирост населения был сосредоточен в основном в городах, это привело к сравнительно быстрому увеличению доли русскоязычных, которое продолжалось практически весь

В национальных муниципальных районах Карелии названия деревень указываются часто и на местных языках.

В общине Инари в Финляндии несколько саамских языков используется в том числе и в информативных функциях на дорожных указателях.

советский период и 1990-е годы. Этот рост был вызван не более высокой степенью рождаемости у русских, по сравнению с другими народностями, а русификацией прочих языковых групп, особенно в городах.

Кроме того, многие сельские поселения приобрели черты городских. Мощный удар по части языков нанесла проводимая в 1970-х годах политика ликвидации бесперспективных деревень, которая заставляла жителей глухих уголков сельской местности переехать в более крупные и часто многонациональные центры. Поскольку школьное образование было организовано в основном на русском языке, дети из среды меньшинств часто вырастали двуязычными, причем таким образом, что овладение родным языком ограничивалось практически только семейным кругом. Подобное двуязычие, при котором у одного из языков имеется очень мало сфер употребления в обществе, в следующем поколении могло приводить к полному отказу от местного языка и в сельских населенных пунктах.

Смешение национальностей, которое на практике вызывало русификацию многих регионов, также было сознательной политикой СССР. У жителей тоталитарного государства возможности выбора места проживания были крайне ограничены. Молодежь, окончившую учебные заведения, могли переместить на другой край обширного государства. Посредством трудовых лагерей и масштабных строек население смешивалось, и другие национальности попадали в такие регионы, где ранее проживали только коренные народы этих территорий. С помощью перемещений населения власть стремилась создать единый советский народ, который чувствовал бы себя как дома в любом уголке большой страны, но одновременно были разрушены многие локальные сообщества и прерваны различные культурные традиции.

Например, на территории современной Республики Коми в 1930-х годах этнические коми составляли почти 90% населения. К началу 2000-х годов из-за роста городов, индустриализации и существовавшей в советское время на этой территории системы сталинских лагерей их число сократилось до четверти. Соответственно, число карел в Карелии за XX век сократилось с 60% до менее чем 10%, а уменьшение числа носителей карельского языка было еще более стремительным.

Такие резкие демографические изменения, конечно, повлекли за собой и изменения языковой ситуации. Например, среди нивхов острова Сахалин на своем языке говорит менее 10%, в то время как в 1930-е годы говорящими были практически все. Аналогичное радикальное падение числа носителей произошло и с финно-угорским вепским языком. В 1930-е годы на нем говорило более 30 тысяч человек, а также издавалась учебная литература. В настоящий момент вепсов насчитыв-

вается примерно 8 тысяч, но только около 4 тысяч из них еще говорит на родном языке. Центральную роль в утрате языка, по-видимому, сыграла ликвидация многих вепсских поселений и перемещение населения в города.

Значительные демографические изменения в России продолжают до сих пор. Население покидает многие северные регионы и интенсивно сосредотачивается в крупных городах. В других местах появляются новые крупные центры, в частности, за счет расширения добычи нефти и газа. Хотя в настоящий момент появление многоэтнических сообществ основано на добровольной миграции, а не на направляемой сверху государственной политике, этот процесс, очевидно, приводит к сужению круга возможностей для выживания национальных культур.

Конец автономных округов?

Большая часть национальных республик и автономных округов Российской Федерации унаследована с 1920-х годов, когда молодое советское государство создало много национальных автономий. За последнее десятилетие руководство России активно форсировало присоединение малонаселенных субъектов федерации к крупным объектам, т.к., по его мнению, это лучше отвечает современной структуре занятости населения и требованиям демографической ситуации.

Такая политика уже, в частности, привела к сокращению количества автономных округов, часть из которых была упразднена и присоединена к преимущественно русскоязычным территориям. Например, Коми-Пермяцкий автономный округ вошел в состав Пермского края в 2005 году, Корякский автономный округ присоединили к Камчатскому краю, а Эвенкийский автономный округ — к Красноярскому краю в 2007 году, Усть-Ордынский автономный округ стал частью Иркутской области в 2008 году.

Подобные объединения обосновывались созданием экономически более сильных единиц и упрощением сложной структуры Российской Федерации. Можно все же задать вопрос, возможно ли осуществление защиты меньшинств и права национального самоопределения народов, на которое Россию обязывают международные договоры, если у меньшинств нет признанного статуса на территории их проживания? Например, Коми-Пермяцкий автономный округ присоединили к практически русскоязычной Пермской области, хотя в принципе было бы возможно присоединить его к соседней республике Коми и таким образом создать более сильное национальное образование.

Языки России в мире

Господствующая в России русская культура — в той форме, в какой она сейчас существует — развилась в тесной связи с другими культурами. В ней — как и в любой культуре мира — сложно однозначно выделить «чужое» влияние, отделив его от «русского» ядра.

Например, в качестве символа русской культуры используется унаследованная из Византии церковная архитектура. Название столицы России, по-видимому, происходит из какого-то утраченного финно-угорского языка. Некоторые распространенные личные имена, как *Ольга* и *Игорь*, заимствованы из скандинавских языков, а бесчисленные слова повседневного обихода восходят к французскому языку, на котором говорила элита царского времени. В русской народной музыке, архитектуре, кухне и костюмах, помимо собственно славянских традиций, прослеживаются также финно-угорское, тюрское, еврейское, западноевропейское и другие влияния.

Вообще говоря, многоязычие было базовой частью русской культуры с самых первых этапов ее становления. Например, в древнейшем историческом труде, «Повести временных лет» Нестора, создание древнерусского государства в конце IX века описывается как союз славянских и финно-угорских племен, которые пригласили в качестве руководителей верхушку скандинавской знати. Централизованным государством под управлением единого царя Московия стала только в 1471 году, после окончательной победы Москвы над Новгородом.

На протяжении последующих столетий во многом благодаря языковым и национальным меньшинствам культурное пространство России объединило в себе европейские и азиатские влияния и в таком качестве приобрело всемирное значение. В российской истории политической мысли важной и повторяющейся темой была идеология евразийства, которая рассматривает русскость как этническую идентичность, объединяющую европейское и азиатское начала.

Например, проживающие в России тюркские народы, многие из которых исповедуют ислам, связали эту страну с ближневосточной культурной традицией. Связи с Европой зародились главным образом благодаря балтам, прибалтийско-финским народам, полякам и немцам, проживавшим на территории России. Во многом благодаря немцам и евреям Россия усвоила европейскую научную традицию.

Потенциальное значение коренных народов крайне велико и для современной России. Если России удастся конструктивно интегрировать их в состав своего общества, с их помощью она может налаживать культурные и экономические связи в различных направлениях — как

в финно-угорском, так и в тюркском мире, как на Ближнем Востоке, так и в Китае и Корее. Многие языки народов России крайне полезны при изучении иностранных языков. Например, татарский и башкирский языки близки казахскому, киргизскому, азербайджанскому и турецкому. Карельский и вепсский языки во многом схожи с финским и эстонским.

Приложение к части I
*Судьбы различных языков
коренных народов*

Наталья Кузнецова

Село в Коми

Судьба языка коми в протяжении XX века

К началу XX века язык коми, на котором говорили в северной части Европейской России, господствовал на обширной территории, однако не имел письменной формы, и на нем было невозможно получить образование. Коми различных регионов были слабо связаны между собой. Однако язык коми был основным языком региона, и даже те редкие русские, которые переезжали на эту территорию, могли в то время его выучивать.

В 1920-х годах для коми была создана литературная форма в двух вариантах, коми-зырянском и коми-пермяцком — несмотря на то, что различие последних фактически сводилось к междиалектному. Решение о создании двух литературных языков было принято «сверху», небольшим числом руководителей, и отражало административную границу. В западной части ареала языка коми была создана Автономная Область Коми (впоследствии Коми Автономная Социалистическая Республика), где использовался коми-зырянский язык, а в восточной части — Коми-Пермяцкий национальный округ в составе Уральской, а позже Пермской области.

Языковая политика времен «коренизации» 1920-30-х годов была эпохой расцвета культуры на языке коми, особенно в Коми АССР. Коми стал языком школы и администрации, на нем печатали газеты и ставили театральные постановки. На коми был даже переведен большой объем художественной литературы с других языков. В Пермской области, в восточной части ареала языка коми, развитие происходило не так интенсивно, и «комизация» общества была существенно меньше.

Во второй половине 1930-х годов национальная интеллигенция была уничтожена в ходе сталинских репрессий. В период репрессий, затронувших всю страну, отдаленная Коми АССР превратилась в часть архипелага ГУЛАГ, и заключенные на ее территории по количеству во много раз превышали коренное население. Лагерь заключенных, в совокупности с рудниками, нефтяными скважинами и лесной промышленностью, изменили демографию региона таким образом, что число коми в Коми АССР в советское время упало с 90% до 25% всего за несколько десятилетий. Более удаленный Коми-Пермяцкий округ, в свою очередь, сохранил этнический облик коми в языковом и культурном отношении, но, с другой стороны, остался неразвитой периферией.

По мере русификации региона постепенно угасла и культура на языке коми — несмотря на то, что существенного сокращения численности самих коми не наблюдалось. В 1960-80-х годах русский стал языком образования по всей республике. Количество публикаций на языке коми уменьшилось, и национальные культурные институты заглохли.

В начале 1990-х годов относительно богатая Республика Коми была одним из первых регионов, где республиканский закон признал местный язык официальным. В отличие от многих других республик, где закон о языке был принят позже, в законе о языке коми содержалась установка на создание двуязычного общества. Изучение языка коми было сделано обязательным и для русских, а от чиновников требовали знания обоих языков.

Все же можно утверждать, что на практике закону о языке коми никогда не следовали. Хотя со времен распада СССР прошло уже 20 лет, культура коми находится сейчас в гораздо более плачевном состоянии, чем в 1920-30-е годы. В настоящее время на языке коми печатается лишь примерно десятая часть того объема литературы, которая выпускалась в период расцвета 1930-х годов. Запустение сельской местности и урбанизация ускорили русификацию коми, и число носителей языка сократилось. Все же, в отличие от многих других языков народов России, в сельской местности коми пока еще является языком общения всех поколений носителей.

Угасание карельского языка

Еще в 1930-х годах карельский язык имел 250 тысяч носителей. В настоящий момент говорящих осталось всего лишь около 40 тысяч, и нигде в прежнем ареале распространения языка дети уже не осваивают его в качестве первого, за исключением отдельных семей. Если вскоре не произойдет каких-либо изменений, карельский язык в ближайшем будущем исчезнет. Что же с такой скоростью привело к подобной ситуации?

Стремительный языковой сдвиг был вызван многими причинами. Одной из них является изменение структуры населения в ареале распространения языка. Будучи территорией активных боевых действий во время войны, Карельская (впоследствии Карело-Финская) ССР потеряла убитыми и беженцами существенную часть мужского населения, которое затем восполнялось в основном за счет русских и белорусских трудовых мигрантов. Программа ликвидации бесперспективных деревень ударила по Карелии со всей силой. Кроме того, многие карельские деревни были уничтожены в рамках предвоенной программы очистки приграничной полосы от населенных пунктов.

Важную роль также сыграло употребление в качестве официального языка Карельской АССР родственного карельскому финского языка вместо родного языка коренного населения. К такой странной ситуации привела внешняя политика советского государства. Карелия, помимо места проживания карел, была также своего рода советской Финляндией — поначалу ее интеллигенцию составляли в основном финские коммунисты, эмигрировавшие из своей родной страны. В число внешнеполитических задач советской власти входило продвижение пролетарской революции во всем мире — в том числе и в Финляндии. Для этого потребовалась Автономная Карельская Социалистическая Республика, управляемая финнами.

В Калининской (нынешней Тверской) области, где также проживает значительное число карел, поддержка карельскому языку оказывалась только два года, в период политики коренизации, когда на территории области существовал Карельский национальный округ. После ликвидации округа и национальных школ карельские деревни, находившиеся в русскоязычном с официальной точки зрения регионе обрусели за счет школьного преподавания на русском языке, а также в результате миграций.

Основная роль в процессах исчезновения языка все же принадлежала росту образования и мобильности населения. В результате школьного обучения русский язык закрепился и в качестве домашнего языка

Алексий Цыкарев

Д. Тунгуда (Tunkua) на северо-востоке Республики Карелия

детей. Психологический климат в обществе способствовал формированию отношения к карельскому как к языку сельской местности, в то время как русский представлялся языком, дающим возможность социального роста.

Очевидно, определенное значение имел и тот факт, что русская и карельская культуры во многом похожи. Оба народа являются православными. Они жили на одних и тех же территориях сотни лет. Северный тип сельского хозяйства, рыболовства и охоты, распространенный среди карел, во многом напоминает русскую культуру соседних районов. На протяжении веков между карелами и русскими, по-видимому, никогда не было серьезных этнических конфликтов. Все это облегчило и языковую ассимиляцию карел.

Судьба карельского языка достаточно типична для языков народов России. Неудавшиеся попытки укрепить статус языка в 1930-х годах, отсутствие системы образования на национальном языке, низкий престиж языка и обязательность для местного населения изучения русского языка при переходе к стилю жизни современного общества

Ливский язык исчез с этих берегов в Латвийской Курляндии

кардинально и повсюду изменили ситуацию карельского языкового сообщества. Носители языка не хотели или не могли противостоять изменениям.

Жизнь и смерть ливского языка

Ливский язык входит в число прибалтийско-финских языков финно-угорской группы. В первой половине XI века на нем говорило несколько десятков тысяч человек, однако в настоящее время его носителей практически не осталось. Ливский и латышский языки оказали друг на друга значительное влияние.

Еще в средние века ливы проживали на той территории современной Латвии, которая из исторических источников известна как Ливония (или Лифляндия). Постепенно, в частности, в результате эпидемий и нескольких войн, их число начало сокращаться, а ассимиляция с латышами — усиливаться. Из основных диалектов языка восточноливский исчез в XIX веке, а западноливский — во второй половине XX века. Последним оплотом ливского языка оставался Ливский берег, находящийся на северо-западной оконечности Латвии. Там ливы занимались

прежде всего рыболовством, а также в некоторой степени сельским хозяйством и разведением пчел.

После Первой мировой войны, когда, с одной стороны, Латвия получила независимость, а с другой — значительная часть ливских поселений была разрушена в ходе боевых действий, в среде носителей ливского языка начался национальный подъем. Были введены в употребление ливский флаг и гимн, а ливский язык начали преподавать в школах и использовать в письменной форме значительно больше, чем раньше. Еще в 1930-х годах язык употреблялся в литературе в разнообразных формах, в частности, на нем издавалась газета «Ливли».

Проводимая Латвией ассимиляционная политика все же подавила национальное движение. Разрушение ливского сообщества довершила Вторая мировая война. Насильственные миграции населения того времени и бегство в другие страны раздробили и до того уязвимое сообщество ливов. До Второй мировой войны этнических ливов насчитывалось две тысячи, в 1948 году — уже только 500–600, а в 1959 — всего 185 человек.

Советское время также оказалось безжалостно к ливам. Колхозное сельское хозяйство и рыболовство не оставили опоры их традиционному образу жизни. Доступ к исконным местам проживания и рыбной ловли ограничили пограничной зоной, а с 1979 года национальность «лив» была упразднена из советских паспортов.

В 1990-е годы началось возрождение ливского языка и новое пробуждение национального самосознания. Многие потомки ливов, ассимилировавшиеся с латышами, обратились к своим корням и, в числе прочего, начали изучать язык. Укрепилась ливская этническая идентичность. На ливском языке стали писать стихи и музыку, и началось его преподавание в университете, а также отчасти в школе. Хотя уже практически не осталось людей, говорящих на ливском как на родном языке, имеется несколько десятков человек, выучивший ливский в качестве второго или иностранного языка.

В настоящее время, судя по всему, ливский язык не используется в качестве домашнего языка общения с детьми ни в одной семье, а также не употребляется как язык ежедневного общения других возрастных групп. Языковые и культурные активисты планируют начать возрождение языка методом языкового гнезда (см. с. 149–154). Однако ясно, что попытка ввести так основательно исчезнувший язык снова в оборот является крайне сложной задачей. Все-таки пока хотя бы один человек, считающий ливский язык и культуру своими, работает для возрождения языка, ливский язык нельзя считать окончательно мертвым.

Саамские языки — пример успешного языкового возрождения

Саамские языки распространены на севере Швеции, Норвегии, Финляндии и России, и в настоящий момент их насчитывается девять. Различия между ними довольно значительны: если географически смежные саамские языки еще в какой-то степени взаимопонятны, то носители территориально отдаленных друг от друга саамских вариантов едва ли поймут друг друга. Языковая ситуация у саамов десятки лет была сходной с карельской. Общественный престиж саамских языков был низок, и, особенно после Второй мировой войны, существенная часть саамов говорила с детьми на языке окружающего большинства — финском, норвежском шведском или русском. Во всех четырех государствах, где говорят на саамских языках, господствовала ассимиляционная политика разной степени интенсивности, которую проводили, в числе прочего, путем школьного обучения детей на языке большинства. Уже в интернате, если не раньше, саамские дети переставали говорить на родном языке.

Ситуация, однако, начала быстро меняться, когда саамское сообщество примкнуло к т.н. «четвертому миру», или движению коренных народов, которое зародилось в Южной и Северной Америке и в Австралии. Начиная с 1960-х годов, это движение распространилось среди саамов в странах Северной Европы, но в России это произошло позже и с меньшим размахом. Многие активисты уже будучи взрослыми начали изучать саамские языки и учить им детей. Возрождение саамских языков во многих случаях осуществлялось таким образом, что родители, звавшие язык только пассивно, понимали, но не говорили на нем. Поэтому учили детей языку бабушки и дедушки. Язык таким образом «перескочил» через поколение.

Оживление саамского языкового сообщества распространилось также и на многие маленькие саамские языки. Например, в Инари в Финляндии сообщество носителей инари-саамского языка, состоящее примерно из 350 человек, начало сознательно возрождать свой язык в ситуации, когда оставалось всего лишь несколько молодых говорящих. В качестве методики выбрали т.н. языковое гнездо, или детский сад на местном языке, где дети, говорящие на языке большинства, выучивают родной язык своего сообщества с помощью полного языкового погружения (см. с. 149–154).

Анника Пасанен

На стене школы в Инари в Финляндии название школы указано, на финском и на трех саамских языках. В Инари преподают различные предметы на всех этих языках.

О возрождении валлийского языка

Валлийский (уэльский) язык — это один из некогда широко распространенных кельтских языков Европы, входящий в индоевропейскую языковую семью. Другими ныне существующими кельтскими языками являются, например, ирландский язык Ирландии и гэльский язык Шотландии. Традиционный ареал распространения валлийского языка — Уэльс, входящий в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Предполагают, что наибольшее количество носителей за все время существования языка составляло порядка миллиона человек, а сейчас говорящих от 500 до 600 тысяч, включая и тех, кто знает валлийский как второй язык. Валлийский язык оказался под угрозой исчезновения начиная с XIX века в результате политики ассимиляции с английским языком, а также индустриализации, миграций и последующих, мировых войн — использование его в качестве домашнего языка катастрофически сократилось. Английский язык занимал все большее пространство в качестве официального языка общества, а валлийский язык оказался оттеснен в периферийные сферы и остался в быту только у ограниченной группы носителей. После Второй мировой войны валлийский язык начали возрождать путем сознательной политики.

В возрождении валлийского языка важную роль сыграло образование на родном языке. До Второй мировой войны валлийский был практически исключительно школьным предметом. Настоящим языком культуры для детей становился английский, хорошее знание которого рассматривали как ключ к общественному преуспеваю. После войны, поначалу по инициативе активистов, начали организовывать начальные, а затем и средние школы на валлийском языке. В сообществе валлийцев произошло быстрое изменение отношения к языку, в результате которого родители — как говорящие на валлийском, так и уже перешедшие на английский — начали считать преподавание валлийского важным и полезным для своих детей. Ученики валлийских школ очень хорошо успевали на общем фоне страны и осваивали как валлийский, так и английский языки на высоком уровне. Английский язык преподавался им в качестве предмета.

Одновременно со школьным преподаванием начал использоваться и метод языкового погружения на валлийском для дошкольников, а также проводилась связанная с этим деятельность групп матери и ребенка. Стало более популярно и обучение валлийскому для взрослых. В качестве образца для языковых курсов взяли разработанную в Израиле модель преподавания взрослым иврита, с летними школами и программами языкового погружения.

В 1960-70-х годах валлийский язык получил дополнительную поддержку в СМИ и сферах официального использования языка, таких как почта и дорожные указатели. В настоящий момент положение валлийского языка является в принципе достаточно устойчивым, и его можно увидеть и услышать в различных общественных сферах. На практике влияние английского языка и англоязычной культуры все же остается сильным, что по-прежнему создает опасность для статуса валлийского языка в качестве повседневного общения среди всех возрастных групп. Существенная часть валлийских семей использует местный язык дома, однако в части таких семей говорят по-английски. Значительная часть валлийских детей выучивает валлийский в качестве второго языка в детском саду, а в школе он является для всех обязательным предметом.

Deymos | Dreamstime.com

Стены уэльского центра искусств Millenium в г. Кардифф украшены стихами валлийской поэтессы Гвинет Люис на английском и валлийском языках.

Фигуры тики – традиционное искусство Гавайских островов

О возрождении гавайского языка

Гавайский — это коренной язык Гавайев (штата США), который входит в полинезийскую ветвь австронезийской языковой семьи. До конца XVIII века у него было много сотен тысяч носителей, возможно, даже миллион. В результате вторжения европейцев число говорящих на нем стремительно сократилось. Для нужд христианской миссионерской работы в начале XIX века был создан литературный гавайский язык, который так эффективно распространился среди гавайцев, что они оказались одним из самых грамотных народов XIX века. Благодаря этому некоторое время функционировала школьная система на гавайском языке, но с середины XIX века она сменилась англоязычной. В начале XX века креольский язык на основе английского уже заменил гавайский в качестве первого языка молодого поколения. Английский язык быстро отвоевал у гавайского место домашнего внутрисемейного языка. Исключение составляли гавайцы острова Ниихау, которые сохраняли свой язык на протяжении всего XX века. В 1970-х годах гавайский был родным языком всего лишь для двух десятков тысяч человек.

Возрождение гавайского языка началось в 1970-х годах. Гавайский получил статус официального языка штата наряду с английским. В 1980-х годах языковые активисты Гавайских островов — аспиранты университета Маноа и молодые родители — на основе опыта языкового гнезда (см. с. 149–154) на языке маори организовали аналогичный детский сад на гавайском языке. Когда дети подросли до школьного возраста, была создана система школьного образования на гавайском языке. Все преподавание велось на гавайском, а английский преподавали в качестве предмета, начиная с 5 класса.

В процессе возрождения гавайского языка обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть языковых активистов выучила язык не с рождения, а только в школьном возрасте. То же самое можно сказать и об учителях гавайского, а также о большинстве тех, кто преподает сейчас на этом языке. Это приводит к тому, что передаваемый в языковых гнездах и школах гавайский язык сильно отличается от языка говорящих на нем с рождения, которые до сих пор проживают на упомянутом острове Ниихау. Вопрос о том, не изменился ли язык слишком сильно и можно ли назвать молодежь, выучившую его в качестве второго языка, настоящими носителями, как раз и является предметом жарких споров.

Баскский язык

Баскский язык — это коренной язык, на котором говорят в Испании и Франции, и у которого нет известных родственных языков. Язык имеет примерно 650 тысяч носителей и в настоящий момент используется в качестве школьного языка от детского сада до университета. На баскском печатают большое количество художественной литературы, пишут тексты к популярным песням и создают другие продукты современной письменной культуры.

Хотя на баскском языке в какой-то степени уже писали в течение сотен лет, нынешний подъем культуры басков — это результат развития нескольких последних десятилетий. Еще в 1970-х годах употребление баскского языка было фактически запрещено, за исключением сферы религии. В Испании в то время господствовала диктатура Франсиско Франко, который стремился ограничить все потенциально оппозиционные явления, в том числе и использование языков коренных народов. Несмотря на то, что в стране проживало несколько крупных языковых групп, языком школы был только испанский, а употребление остальных

языков ограничивалось домашним кругом. В 1960-х годах использование других языков стало более свободным, но никакие формы культурной автономии не были разрешены до смерти Франко в 1975 году.

Во времена диктатуры Франко баскские националисты объединились в подпольное движение, которое боролось с испанским правительством, в том числе и с помощью террористических атак. На протяжении нескольких десятков лет в результате этих атак погибло около тысячи человек, в том числе в 1973 году и премьер-министр Испании Луис Карреро Бланко.

После смерти Франко в Испании произошла либерализация ситуации. В 1980-х годах баскский язык начали использовать в школьном образовании, в печатных и электронных СМИ, в управлении, а также в других сферах, например, на дорожных указателях. Национальную символику басков стало возможным увидеть на соответствующей территории трех провинций, которая также получила собственный парламент и правительство.

Укрепление статуса баскского языка и культуры привело к исчезновению причин для терроризма. Борьба за языковые и культурные права теперь оказалась возможна и демократическими методами. Поддержка партий, рассматриваемых как политическое крыло террористических организаций, сократилась примерно до 10%. Сами баски стали все больше противиться террору, и в конце концов террористические организации отказались от борьбы.

Часть II

Правовая защита языков

Одной из причин утраты языка можно считать пассивность носителей языка в отстаивании своих прав. Отчасти это может оправдываться несовершенством законодательства, а также незнанием предоставляемых законом прав. Но такой инертностью пользуются власти, не всегда предпринимающие по своей инициативе меры по сохранению языков меньшинств.

В данной главе мы расскажем о том, какими правами может воспользоваться человек, заинтересованный в сохранении своего языка в России. Возможности для этого имеются и на международном уровне, и в рамках законодательства государств (на федеральном и региональном уровнях). В первом разделе будут рассмотрены обязывающие Россию в этой сфере международные соглашения. Второй раздел посвящен федеральному языковому законодательству России. Особенности республиканского законодательства в отношении языков анализируются в третьем разделе.

Международно-правовая защита языков и Россия

Международное сообщество прилагает определенные усилия по защите языков меньшинств. Такие усилия фиксируются в политических соглашениях. Как правило, используются механизмы так называемого «мягкого права» — политические соглашения, не обязывающие государства юридически. Таковыми являются, например, Всеобщая декларация языковых прав человека, принятая ЮНЕСКО в 1996 году, или Декларация ООН о правах коренных народов от 2007 года. Декларация языковых прав человека основана на представлении о том, что языковые права — это часть прав человека. Декларация о правах коренных народов признает право коренных народов создавать и контролировать учебные системы и заведения, обеспечивающие образование на их родных языках (см. с. 96).

Кроме того, существуют международные договоры (часто они называются конвенциями), которые устанавливают стандарты в рамках международного права. Конвенции отражают права человека и в отношении языка, а кроме того, закрепляют обязанности государств по обеспечению этих прав.

Однако особенность международного права состоит в том, что конвенции получают юридическую силу в какой-либо стране только после их утверждения (ратификации) в ее парламенте. Так, Россия признает общепринятые нормы международного права и утвержденные ей международные договоры частью своей правовой системы (статья 15 Конституции РФ). Более того, правила международных договоров обладают большей юридической силой, чем правила, установленные собственным законодательством России (статья 5 Федерального закона о международных договорах Российской Федерации).

Когда в 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека ООН, язык еще не выделялся в качестве самостоятельного объекта защиты. Однако в 1962 году признали право лиц, принадлежащих к меньшинствам, преподавать свой язык в школах на факультативной основе (Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1962 года, статья 5). В 1966 году было признано право представителей меньшинств использовать собственный язык внутри своей этнической группы (Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 27). Кроме того была запрещена дискриминация, в том

числе и по языковому признаку (статья 26), а также гарантировано право на свободу выражения (статья 19).

Таким образом, язык меньшинства стал объектом защиты прав человека. В 1989 году право пользоваться родным языком было еще раз подтверждено в отношении детей (Конвенция ООН о правах ребенка, статья 30).

Отдельной защитой пользуются языки коренных народов. Ее обеспечивает, например, Конвенция Международной организации труда №169 от 1989 года о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (см. с. 94–96).

Стандарты принимаются как на мировом уровне, так и на региональном, например, на европейском. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 году, устанавливает запрет на дискриминацию, в частности, по языковому признаку (статья 14), и закрепляет право на свободу выражения мнения (статья 10).

Однако все эти документы обеспечивают защиту языков меньшинств только от самых грубых нарушений прав человека. Такая защита в какой-то мере имеет смысл, потому что до сих пор в некоторых странах языки меньшинств активно ущемляются и их носители преследуются. Но главная угроза языкам в современных условиях — это отсутствие (часто преднамеренное) поддержки их использования, в том числе и в новых сферах. Поэтому в последние десятилетия появились международно-правовые документы, которые призваны обеспечить меры по активной поддержке языков. Это так называемая «позитивная дискриминация», задача которой — компенсировать неравное положение языков.

В Европе следует в первую очередь назвать две конвенции Совета Европы: Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств 1995 года и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 года. Эти документы будут рассмотрены ниже особенно подробно. Кроме того, в связи с международной защитой языков коренных народов, мы обратим отдельное внимание на такие документы, как Конвенция Международной организации труда (МОТ) №169 и Декларация о правах коренных народов. Дополнительно будут рассмотрены возможности применения различных международно-правовых документов для защиты языков в России.

Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств

Рамочная Конвенция была принята на уровне Совета Европы в 1995 году и вступила в силу в 1998 году. К текущему году Конвенцию ратифицировали 39 из 47 стран, входящих в Совет Европы.

Для тех европейских стран, которые ее ратифицировали, это юридически обязывающий документ. Среди прочего он содержит положения, непосредственно касающиеся защиты языков меньшинств. К национальным меньшинствам Рамочная Конвенция относит и такие народы, которые имеют автономию или составляют федеративную единицу в составе государств. Это означает, что буряты, татары, марийцы, карелы и представители других титульных наций республик в России (а также их языки) пользуются защитой Рамочной Конвенции.

Языковые вопросы являются одними из центральных в Рамочной Конвенции. Присоединяясь к ней, государства обязуются соблюдать право представителей меньшинств получать и передавать информацию на языке меньшинства. Это право является частью прав на свободу слова. Доступ таких лиц к средствам массовой информации должен обеспечиваться без дискриминации (статья 9). Таким образом, здесь конкретизируется положение о праве на свободу выражения, зафиксированное в Европейской Конвенции по правам человека.

Рамочная Конвенция также обязует государства соблюдать право на свободу использования языков меньшинств как в частной жизни, так и в публичной сфере. В местах компактного проживания меньшинств государства в случае необходимости могут обеспечивать использование меньшинствами родных языков при обращении в органы власти (статья 10). Рамочная Конвенция особо оговаривает использование языков меньшинств в общественных местах и личных именах (статья 11). Отдельно регулируются вопросы подготовки преподавателей и обеспечения учебниками (статья 12), организации изучения языков меньшинств в частных школах (статья 13) и возможности их изучения или преподавания на них в государственных учебных заведениях в местах компактного проживания меньшинств (статья 14).

Однако Рамочная Конвенция не предоставляет конкретным людям возможности воспользоваться принадлежащими им на основе этого документа правами. В частности, в ней отсутствует механизм подачи индивидуальных жалоб на несоблюдение какой-либо страной положений конвенции. Кроме того, во многом это права на невмешательство со стороны государства. Те немногие права, которые требуют от го-

сударства активных действий, ограничены различными условиями — компактное проживание меньшинств, инициатива последних и др. Все это делает Конвенцию довольно слабым документом с позиций защиты прав человека.

Помимо всего прочего, Рамочная Конвенция не действует напрямую — исполнение ее положений требует внесения соответствующих изменений в законодательство страны. Об этом говорит само название Конвенции — «Рамочная». Государства-участники Конвенции применяют ее положения, исходя из конкретной ситуации и на основе своего законодательства. Поэтому успешность ее исполнения во многом зависит от политики самого государства, в частности, от готовности к изменению законов страны.

За исполнением обязательств Рамочной Конвенции осуществляет надзор Консультативный комитет Конвенции. Страны-участницы Конвенции в течение года после присоединения к ней и далее на периодической основе обязаны представлять в Комитет отчеты о ее выполнении. При этом неправительственные организации могут направлять в Комитет альтернативные отчеты или информацию о ходе исполнения Конвенции. На основе мнения Консультативного комитета Комитет министров Совета Европы выносит рекомендации по исполнению Рамочной Конвенции в данной стране.

Применение Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств в России

Российская Федерация ратифицировала Рамочную Конвенцию в 1998 году. К настоящему времени Россией было предоставлено два отчета о выполнении ее требований. Во втором цикле подачи отчетов в 2006 году был впервые составлен альтернативный доклад неправительственных организаций. Во многом благодаря этому докладу во второй раз рекомендации Комитета министров Совета Европы относительно применения Рамочной Конвенции в России были сформулированы намного конкретнее. Среди разработчиков доклада были столичные юристы и правозащитники, а также живущие в Москве представители коренных народов и меньшинств без титульных автономий и республик. Однако среди них не было людей, непосредственно представивших бы позицию титульных народов. Представляется, что в случае привлечения таких людей картина доклада получилась бы намного более полной.

В последних рекомендациях 2007 года Комитет министров отмечал ухудшение ситуации с языками меньшинств в России. Указывалось, что

«объем государственной поддержки сохранения и развития культур меньшинств все еще неадекватен во многих субъектах федерации» и «уменьшился объем государственной финансовой поддержки средствам массовой информации меньшинств» (см. статью 9). Говорилось и о том, что «новый закон о государственном языке Российской Федерации, в случае его строгой реализации, может создать препятствия для использования языков меньшинств в некоторых контекстах». Кроме того, «все еще не создано детального механизма реализации права получать образование на языке меньшинства и изучать язык меньшинства, установленного федеральным законодательством и законами некоторых субъектов федерации» (см. статью 14).

Комитет министров Совета Европы призывает Россию «следить, чтобы меры, направленные на защиту русского языка, не создавали неоправданных препятствий для использования языков меньшинств». Рекомендуются «улучшать и в дальнейшем доступ к средствам массовой информации лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам. Комитет советует продолжать расширение системы обучения на языке меньшинств в публичном образовании и интенсифицировать усилия для обеспечения равного доступа к образованию лицам, принадлежащим к меньшинствам». Эти рекомендации должны были найти свое отражение в российском законодательстве.

Однако из третьего доклада о выполнении положений Рамочной Конвенции 2010 года (в т.ч. из первой главы, а также комментариев к рекомендациям) видно, что изменения в законодательстве мало отразили данные рекомендации. При этом было принято много новых законов в области профилактики и противодействия проявлениям экстремизма в сфере межнациональных отношений (ср. с. 156). В следующей главе приводятся длинные списки в основном фольклорных мероприятий.

В целом третий доклад оказался довольно слабым документом даже по сравнению с предыдущими докладами. Некоторые положения являются крайне спорными, в т.ч. утверждение, что методика языкового гнезда приводит к «сегрегации детей по этническому принципу» (ср. подробнее с. 155–156). Поэтому следует ожидать вероятной критической оценки доклада Консультативным комитетом.

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств

Непосредственно на защиту европейских языков направлена еще одна конвенция Совета Европы — Хартия региональных языков или языков

меньшинств. Защитой Хартии пользуются только языки, традиционно используемые гражданами стран-участников. Таким образом языки мигрантов не входят в сферу применения Хартии. Термины «региональные языки» и «языки меньшинств» Хартия использует как синонимы, хотя отдельные страны (например, Польша или Германия) и различают их при применении Хартии. Важное различие в Хартии проводится между языками, на которых говорят на компактной территории, и «нетерриториальными» языками, когда такая территория в силу рассеянного расселения носителей не может быть указана (статья 1, пункт с). Страны-участницы на своей территории могут распространить действие Хартии на «менее широко используемые официальные языки». То есть языки, признанные официальными или государственными только на части территории страны, в контексте Хартии не считаются официальными языками государств. Поэтому они пользуются ее защитой. Таким образом Хартия не требует признания языков в какой-либо стране официальными, а скорее игнорирует его. Ее положения одинаково применяются как к официальным языкам меньшинств, так и к остальным региональным языкам. Таким образом, татарский, удмуртский, чеченский и другие государственные языки российских республик получили бы защиту Хартии в случае присоединения к ней России.

Хартия, как и Рамочная Конвенция, не формулирует прав конкретных людей. Вместо этого она предлагает государствам выбрать из широкого спектра мер те, которые они могли бы предпринять для защиты и развития каждого языка. Государство также само определяет, будут ли эти меры применяться на всей его территории или же только на территории распространения того или иного языка. Хартией предусмотрены два уровня защиты. В части II, которая устанавливает цели и принципы, распространяющиеся на все региональные языки и языки меньшинств страны (статья 7), определен минимальный уровень. В части III, предлагающей конкретные меры в статьях 8–14, установлен более высокий уровень защиты. Эта часть предусматривает меры по содействию использованию языков в публичной жизни общества.

В отношении нетерриториальных языков может быть применена только часть II. Что касается части III, то при присоединении к Хартии государства указывают, на какие региональные языки и языки меньшинств и на каких территориях они распространяют действие этой части. При этом в отношении каждого указанного языка государством должно быть взято на себя выполнение по крайней мере 35 обязательств из 68, то есть больше половины. Использование языков регулируется с разбивкой на уровни защиты по сфере и объему принимаемых мер, от минимального к максимальному. Таким образом,

Хартия исходит не из презумпции равенства всех языков, а из конкретного положения каждого из них.

По сравнению с Рамочной Конвенцией, положения Хартии намного более полны, детализированы, системны и удобны для применения, а поэтому и легко обозримы для контроля. Механизм контроля за выполнением Хартии схож с системой отчетов по Рамочной Конвенции. Через год после присоединения к ней и далее раз в три года страны-участницы Хартии направляют доклады об ее выполнении Генеральному секретарю Совета Европы, который передает их на рассмотрение в комитет экспертов. Комитет экспертов рассматривает эти отчеты, используя при этом и альтернативную информацию, поступающую от неправительственных организаций. На основе доклада комитета экспертов Комитет министров Совета Европы формулирует рекомендации по применению Хартии в той или иной стране.

Многие страны, утвердившие Хартию, уже прошли три цикла отчетности. Опыт исполнения Хартии в этих странах показывает, что существует тенденция к постоянному увеличению объема обязательств по данному документу. Это вызвано активной позицией Комитета экспертов, при условии что диалог Комитета с соответствующей страной-участницей Хартии проходит успешно.

На текущий год Хартию ратифицировали 25 стран, а подписали еще 8. Помимо России, единственными крупными странами Европы, подписавшими (в 1999 и 2000 году, соответственно), но еще не утвердившими Хартию остаются Франция и Италия. В Италии законодательство уже все-таки приведено в соответствие с положениями Хартии, и процесс близится к стадии ратификации. Еще 14 стран-членов Совета Европы не подписали Хартию (из крупных — только Турция).

Число присоединившихся к Хартии стран меньше, чем в случае Рамочной Конвенции, хотя последняя была принята позже. Одной из причин такого положения является то, что при вступлении в Европейский Союз новые страны обязаны были ратифицировать Рамочную Конвенцию, но не Хартию. Другой причиной является большая четкость и конкретика требований Хартии, а следовательно, и меньшая готовность правительств брать на себя международные обязательства. Вместе с тем, нет никакого основания противопоставлять два этих документа. Напротив, в европейской региональной системе международного права на уровне Совета Европы эти документы дополняют друг друга и призваны в совместном действии обеспечить наилучший уровень защиты меньшинств.

Проблемы и перспективы ратификации Россией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств

Российская Федерация подписала Хартию в 2001 году, но с тех пор так и не ратифицировала ее. Российские эксперты приводят разные обоснования такой задержки. Среди прочих можно выделить проблемы, обычно возникавшие в процессе ратификации Хартии и перед другими странами. В первую очередь, это несоответствие терминологии Хартии и законодательства каждой из стран.

Тем не менее, многие российские и европейские эксперты сходятся во мнении, что российское законодательство в целом достигает минимального уровня международных стандартов защиты языков и, в частности, уровня Хартии. В статьях 15, 16, 18 российского закона о языках определено, как языки меньшинств должны использоваться государственными органами. Эти статьи обычно приводятся экспертами и чиновниками в качестве обоснования выполнения положений Хартии. Иногда это даже дает почву для утверждений некоторых чиновников о том, что в России уже выполнены все положения Хартии. Говорится о том, что национальным республикам предоставлено право иметь собственные государственные языки — таким образом языкам обеспечивается более высокий статус, по сравнению со статусом регионального языка Хартии.

Действительно, ряд положений Хартии направлен на защиту языков меньшинств именно в публичных сферах. Во-первых, это общий принцип поощрения использования языков в публичной сфере. Во-вторых, это меры из части III, развивающие данный принцип применительно к образованию, работе судебных и административных органов, средствам массовой информации, а также экономической, культурной и общественной жизни. Таким образом, сферы защиты языков, по Хартии, во многом совпадают с секторами использования государственных языков республик. Но, как показано ниже при сопоставлении конкретных статей Хартии с положениями законодательства России, последнее предоставляет даже государственным языкам республик в некоторых отношениях меньшую защиту, чем предусматривает Хартия. В частности, это касается использования языков меньшинств административными органами. В иных аспектах, например, при использовании государственных языков республик судебными властями, российское законодательство формально достигает уровня защиты Хартии, но на практике не применяется.

Более того, несмотря на то, что статус государственных языков республик законодательно закреплён, на практике ситуация различается даже применительно к этой категории языков. В некоторых республиках положение государственных языков, таких как татарский или башкирский, уже сейчас рассматривается как соответствующее стандартам Хартии. Для других государственных языков наличие формально закреплённого статуса не гарантирует его реализацию на практике. Формально обязательные нормы очень часто остаются декларативными и на практике не применяются. Это обстоятельство отмечается, например, во Втором мнении Консультативного комитета Рамочной Конвенции о ее исполнении Российской Федерацией. Эта проблема отчасти характерна и для других стран. Из анализа отчетов о применении Хартии в разных странах становится очевидным, что в качестве типичной причины невыполнения или частичного выполнения своих обязательств страны приводят ограниченность материальных ресурсов.

Что касается России, российские эксперты связывают необходимость большого количества ресурсов, требующихся для принятия и исполнения Хартии, со значительным количеством языков в этой стране. Официально признается, что в России живет по крайней мере 160 или, по другим источникам, 180 «этносов» и говорят здесь на 239 языках (ср. подробнее с. 52). Это больше, чем то количество языков, которые защищает Хартия во всех ратифицировавших ее европейских странах. Отмечается, что из них не менее 85 языков теоретически подпадает под защиту Хартии. По мнению экспертов, эти языки можно разделить как минимум на три категории: государственные языки республик, языки коренных малочисленных народов и другие традиционно используемые в России языки.

Среди языков народов России только немногим более тридцати имеют статус государственных языков республик, и их положение, по крайней мере, формально, соответствует требованиям Хартии. В то же время, более тридцати языков коренных малочисленных народов характеризуются как находящиеся под угрозой исчезновения, а их положение признается не соответствующим требованиям Хартии. В несколько лучшем положении находятся отдельные языки коренных малочисленных народов в некоторых республиках, таких как Республика Саха и Бурятия. Здесь они также могут использоваться в официальных сферах наряду с государственными языками данных республик (ср. тж. с. 57–59, 121–122). Положение еще более тридцати традиционно используемых в России языков — языков народов России, «не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований», — различается.

Безусловно, распространение действия части III на не имеющие сегодня официального статуса языки коренных малочисленных народов и другие традиционно используемые в России языки серьезно повысило бы степень их защиты в России. Однако это подразумевало бы необходимость финансового обеспечения мер по их защите.

Ключевым в данной ситуации оказывается вопрос об источнике финансирования и реальных исполнителях положений Хартии. Считается, что в России основная нагрузка должна лечь на региональные власти. Точно также, например, в Испании не центральное правительство, а провинции несут основное бремя расходов по реализации Хартии. Однако при этом провинции Испании сами принимают свои языковые законы. Точно также, в региональную компетенцию было передано принятие языкового законодательства в отношении соответствующих языков и в Великобритании. В России же полномочия региональных властей крайне ограничены, в том числе и в сфере регулирования языковых вопросов. Тем не менее, многие республиканские власти уже сейчас финансируют поддержку языкового разнообразия на своей территории, особенно свои государственные языки. В то же время власти других регионов не готовы взять на себя финансовые затраты на эти цели. Однако, в условиях централизованной власти, для принятия решения о ратификации Хартии прежде всего необходима политическая воля со стороны федеральных властей.

Процесс ратификации Хартии затянулся в России уже на десятилетие. Приведем для сравнения сведения о странах из числа утвердивших Хартию, которые имеют наибольшее количество языков, пользующихся ее защитой. На Украине таких языков 13, в Польше, Боснии и Герцеговине — по 15, а в Румынии — 20. Чтобы пройти весь процесс ратификации Украине потребовалось около 9 лет, Польше — 6 лет, Боснии и Герцеговине — 5 лет, а Румынии — 13 лет.

Помимо всех прочих аргументов, призванных объяснить трудность выполнения положений Хартии, для России также типичны опасения по поводу усиления регионального сепаратизма и национализма, а также возникновения конфликтов вследствие укрепления положения некоторых языков. Однако, как показывает европейский опыт (ср. тж. с. 51, 77–78), именно децентрализация власти, участие различных групп в принятии решений и поддержка многообразия могут помогать в решении конфликтов и успешном функционировании гражданского общества. На достижение цели предотвращения конфликтов, собственно, и направлена Хартия.

Ратификация Хартии не является универсальным решением проблемы защиты языков. Реализация положений Хартии, как и Рамочной

Конвенции, потребует внесения изменений в действующее законодательство. В некоторых странах официальный статус языков меньшинств в государственном законодательстве призван обеспечить большую защиту, чем могут дать минимальные стандарты защиты языков, установленные международным правом. Как уже было отмечено выше, утверждается, что именно так дела обстоят и в России, особенно применительно к титульным языкам. Поэтому ниже, при кратком анализе российского законодательства, мы остановимся подробнее именно на статусе государственных языков республик (см. 116–132).

Положения части III Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств и российское законодательство

Ниже приводится короткий сравнительный анализ статей части III Хартии, в которых содержатся перечни конкретных мер по защите и развитию языков, и соответствующих положений российского законодательства.

Важнейшее место в части III отдается образованию на региональном языке или языке меньшинства (статья 8). Оно может осуществляться, начиная с (1) дошкольной ступени, и распространяться также на (2) начальную, (3) среднюю, (4) профессиональную и (5) высшую ступени, вплоть до (6) организации курсов для взрослых. Также необходимо обеспечивать (7) преподавание истории и культуры и (8) подготовку преподавателей. При этом региональный язык или язык меньшинства может служить (1) языком обучения или только изучаться в качестве (2) предмета или (3) факультатива. Введение факультатива зависит от желания родителей и количества учеников. Для сравнения, Рамочная Конвенция устанавливает право изучения родного языка и обучения на нем в районах традиционного проживания его носителей, но ничего не говорит об объемах преподавания.

В России всего лишь несколько государственных языков республик являются языками обучения — в основном исключительно в начальной школе (подробнее см. ниже 158). Только на татарском, башкирском, якутском и тувинском преподают вплоть до старших классов школ и университетов. Остальные государственные языки республик обычно изучаются в качестве предмета. Языки автономных округов могут изучаться в качестве предмета, а чаще факультатива, только на начальном

уровне. Языки национальных меньшинств без титульных образований в России иногда преподаются как факультатив (см. т.ж. с. 43–44, 158).

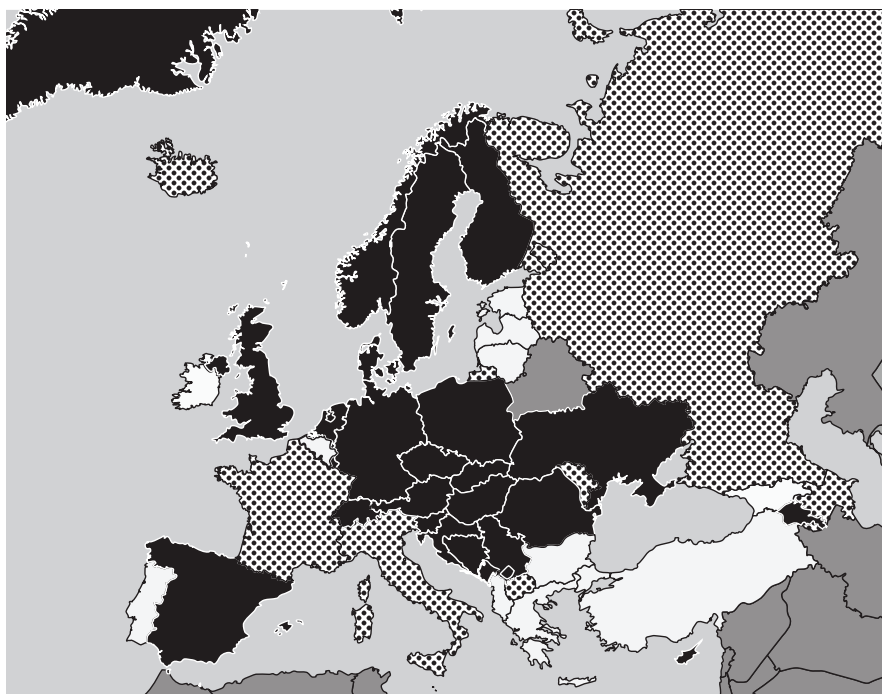
Использование региональных языков и языков меньшинств в судебных органах подразделяется в Хартии на использование в производстве по (а) уголовным, (b) гражданским и (с) административным делам (статья 9). Язык может использоваться (1) в качестве языка слушания дела, либо (2) как язык участника дела. Либо же (3) документы и свидетельские показания могут составляться на этом языке, при необходимости с помощью переводчика. Также должны обеспечиваться переводы. В Рамочной Конвенции регулируется использование родного языка только в уголовном производстве, что включает право узнать причину ареста, обвинение и право на защиту на языке, который понимает обвиняемый (при помощи переводчика).

Согласно российскому законодательству, гражданское и уголовное судопроизводство, а также административное производство относится к ведению федерации (Конституция РФ, статья 71, пункт «о») и ведется на русском как на государственном языке России. В республиках все это может вестись и на государственных языках республик. Лицам, участвующим в судопроизводстве и не владеющим языком последнего, обеспечивается право выступать и совершать некоторые другие процессуальные действия на родном языке, а также бесплатно пользоваться услугами переводчика. В уголовном судопроизводстве следственные и судебные документы должны быть переведены на родной язык участника процесса или на язык, которым он владеет. Однако эти положения остаются декларативными и часто не используются.

Использование региональных языков и языков меньшинств в административных органах и на государственной службе также подразделяется в Хартии по сферам использования и объему мер (статья 10). Выделяются следующие сферы использования: органы государственной власти, региональные и местные органы власти, органы, обеспечивающие функционирование государственных служб. В целом можно обобщить объемы мер следующим образом. Административные органы используют данные языки как рабочие, либо же существует возможность подать устные и письменные заявления и получить ответ на этих языках. Либо также существует возможность представлять и получать документы на этих языках. Рамочная Конвенция упоминает только право использовать языки меньшинств публично и возможность применять их в отношениях с административными властями.

В России статус государственного языка республики формально создает многие административные возможности использования титульных языков. В меньшей степени такие возможности предоставля-

ются титульным языкам округов. Но ни один титульный язык до сих пор фактически не является языком работы органов региональной власти. В последние годы было принято федеральное законодательство об информации и обеспечении доступа к ней (см. с. 114–115). Поэтому государственные языки республик могут использоваться при подаче запроса на информацию и в ответе на него. Официальные документы относительно редко публикуются на титульных языках, несмотря на то, что во многих региональных законах о языках существует соответствующее положение. В ходе дебатов в региональных парламентах титульные языки также практически не используются. В муниципальных органах в местах компактного проживания меньшинства его язык может употребляться только в некоторых сферах официального общения. Например, в официальном делопроизводстве, проведении выборов и референдумов и на дорожных указателях.

Европейская хартия миноритарных и региональных языков. Черным цветом выделены страны, ратифицировавшие хартию. Растрновой заливкой отмечены страны, подписавшие, но не утвердившие данный международный договор.

Согласно Федеральному закону о государственном языке Российской Федерации (см. с. 112–114), федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления, государственные органы, организации всех форм собственности (в том числе и общественные) осуществляют свою деятельность на русском языке. Во взаимоотношениях с гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства все они также используют только русский язык. Это не отвечает положениям Хартии об использовании языков меньшинств в контактах с административными органами.

Под использованием региональных языков и языков меньшинств в средствах массовой информации Хартией подразумевается деятельность по теле- и радиовещанию, а также публикация газет (статья 11). Хартия предлагает меры, среди прочих, включающие создание на данных языках хотя бы одной государственной радиостанции и одного государственного телевизионного канала. Кроме того, государство может содействовать созданию частных радиостанций и каналов, аудиовизуальной продукции, а также хотя бы одной газеты или регулярных публикаций газетных статей на этих языках. В России подобные меры предпринимаются в основном только в отношении государственных языков республик (см. тж. 129–132).

Аналогичным образом, с разбивкой на уровни защиты, решаются в Хартии вопросы защиты языков на культурных мероприятиях (статья 12), в экономической и общественной жизни (статья 13) и при межгосударственных обменах (статья 14). Если использование языков в культурных мероприятиях и межгосударственных обменах в России во многом соответствует уровню Хартии, то в экономической и общественной жизни часто используется только русский язык.

Впрочем, предпринятое выше сравнение содержит только самые общие замечания относительно возможной практики применения Хартии в России. Действительные перспективы этого документа в России сможет раскрыть только полноценный анализ ситуации каждого языка, причем отдельно для каждого региона, в котором он используется.

Международная защита языков коренных народов

Коренной народ — это подчиненное в политическом отношении национальное меньшинство, которое проживало на той или иной территории еще до образования на ней современной государственной структуры. Зачастую оно является и автохтонным, то есть первым известным населением этой территории. Это понятие появилось для обозначения

народов, которые проживают на территориях империй, сформировавшихся путем политики колонизации. Начиная с XVI века, территории коренных народов присоединяли в качестве колоний к империям, метрополии (центры) которых во многих случаях находились на других материках. Данный термин используется, например, для наименования населения США и Австралии, которое ранее называлось только «индейцами» или «аборигенами». Вхождение сибирских и некоторых других народов в состав Российской империи также напоминало этот процесс. Отличие было в том, что колонии Российской империи, за исключением Аляски, не были отделены от метрополии океанами и морями.

Термин «коренной народ» имеет большое значение в международном праве. В документах организаций, действующих под эгидой ООН, дано несколько его определений. Основным действующим и юридически обязывающим международным договором о коренных народах является Конвенция Международной организации труда (МОТ) №169 от 1989 года. Это Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Согласно этому документу, коренные народы — это такие народы, которые населяли страну или географическую область в составе нескольких стран в период, когда данная территория была завоевана или колонизирована или когда устанавливались существующие государственные границы. Кроме того, коренные народы, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

Многие кочевые племена не могут быть определены как коренные народы на всей территории их кочевок, поэтому Конвенция называет их народами, ведущими племенной образ жизни. Согласно данному документу, государство должно обеспечить коренным народам право заниматься традиционными промыслами и развивать свою культуру, а также доступ к управлению природными ресурсами. Конвенция возлагает на государства и обязанности по сохранению языков соответствующих народов и по содействию в их развитии и применении (статья 28).

Следует подчеркнуть, что разделение народов на коренные и иные далеко от однозначности. Несмотря на то, что, например, финно-угорские и тюркские народы России проживали на своих территориях сотни или даже тысячи лет, их часто не считают коренными народами в значении, данном ООН. Часто вообще оспаривается статус этих народов как коренных. Утверждается, что русское население также веками живет на соответствующих территориях и тем самым тоже

является коренным. Такого рода положения можно во многих случаях подвергнуть сомнению, если принять определение коренного народа в качестве автохтонного населения данных территорий.

В некоторых местах споры вокруг определения коренного народа привели к тому, что активисты как из среды меньшинств, так и даже из группы большинства бросились наперебой доказывать исконность своего народа на той или иной территории и оспаривать исконность других этнических групп.

Хотя понятие коренного народа важно в отношении международного права, следует отметить, что разделение народов на коренные и прочие с точки зрения сохранения языка во многом условно. Многие языковые меньшинства в современных государствах сталкиваются с одними и теми же проблемами, независимо от того, являются ли они коренными народами или нет.

Поскольку Конвенция МОТ является довольно сильным и требовательным документом, до сих пор лишь немногие страны присоединились к ней. Основным международным документом о коренных народах является принятая в 2007 году Генеральной Ассамблеей ООН Декларация о правах коренных народов. Как было сказано выше, Декларация, в отличие от Конвенции, является документом «мягкого права» и служит, по сути, только рекомендацией для государств. Можно заметить, что Декларация специально не определяет, какие народы следует считать коренными. В этом контексте важную роль продолжает играть определение коренных народов по Конвенции МОТ. С другой стороны, Декларация существенно расширяет права коренных народов. Это касается и прав коренных народов на возрождение, использование, развитие и передачу будущим поколениям своих языков (статья 13). Для того чтобы обеспечить эти процессы, признается право коренных народов создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения. С помощью этих учреждений коренные народы имеют право давать детям образование на своих родных языках и по свойственным данной культуре методикам преподавания (статья 14). Коренные народы также обладают правом создавать собственные средства массовой информации на своих языках (статья 16).

Декларация имеет рекомендательный характер, однако она принята крайне авторитетным органом. Поэтому она обладает силой возлагать на государства обязанности по принятию действенных мер для обеспечения перечисленных прав. Можно ожидать, что спустя какое-то время положения Декларации станут частью общепринятых и обязательных для исполнения норм международного права, каковыми уже стали, например, положения Всеобщей Декларации прав человека. Существует

также надежда, что за Декларацией о правах коренных народов последуют и другие юридически обязывающие международные документы о коренных народах.

Не только народы, отнесенные, по российскому законодательству, к категории «коренных малочисленных народов Российской Федерации», но и многие из титульных народов республик РФ могут претендовать на право называться коренными в смысле Конвенции МОТ. Вероятно, в частности из-за этого Россия до сих пор не ратифицировала ни Конвенцию МОТ, ни другие международные документы в поддержку коренных народов. Она даже воздержалась при голосовании по принятию Декларации ООН о правах коренных народов.

Значение международно-правовых документов для защиты языков в России

Защита национальных меньшинств не ограничивается внутренним рассмотрением государств, а является делом международного сообщества. Российская Федерация несет юридические обязательства, касающиеся языков меньшинств, по уже упомянутым выше статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и статье 30 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года. Она связана и обязательствами по статье 5 Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1962 года, признающей право лиц, принадлежащих к меньшинствам, преподавать свой язык в школах на факультативной основе. Эти международные договоры Российской Федерации содержат только самые общие элементы защиты языков меньшинств. Поэтому в рамках механизмов данных документов не было судебных прецедентов и каких-либо судебных решений в пользу языков меньшинств в России.

Некоторые нарушения прав человека, связанные с языком меньшинств (в частности нарушение свободы слова или дискриминация), все же могут быть доведены до международного суда. Например, это можно сделать через механизм индивидуальных жалоб по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако подать индивидуальную жалобу на нарушение прав, зафиксированных в международных договорах какой-либо страны, можно только после того, как пройдены все инстанции обжалования в рамках законодательства этой страны. Это общая норма международного права.

В условиях отсутствия в Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств механизма подачи индивидуальных жалоб, а также

формулировок самих прав, этот путь остается закрытым. Так, например, этим путем невозможно отменить запрет со стороны российских властей на перевод татарского языка на латинскую основу. Этот процесс был инициирован властями Республики Татарстан. Однако в 2002 году изменением в российский закон о языках законодатели утвердили кириллицу в качестве обязательной графической основы для государственных языков республик. Исключения из этого правила возможны только в установленном федеральным законодательством порядке. Судебные разбирательства закончились на уровне Конституционного суда России, высшей инстанции в рамках законодательства страны. В 2004 году Конституционный суд постановил, что перевод татарского языка на латиницу нарушил бы права татар, живущих вне Республики Татарстан, а таковых большинство.

Данная поправка к закону создает препятствие для получения статуса государственного языка республики, например, карельскому языку, функционирующему на графической основе латиницы. В связи с конфликтом вокруг татарского языка возможность сделать исключение для карельского языка кажется призрачной. Некоторые языки, например, калмыцкий, ранее имели другие, некириллические графические основы. Теперь для них существует препятствие в возможности возвращения старой системы записи.

Международно-правовая наука относит графическую основу алфавита языка к праву на свободу выражения. Консультативный комитет Рамочной Конвенции посчитал установление графической основы для государственных языков не соответствующим статье 10 Конвенции. Он рекомендовал российским властям не препятствовать праву лиц, принадлежащих к меньшинствам, выбирать по их желанию алфавит при пользовании их языком в частной и публичной сферах. Кроме того, он советовал позволить региональным властям самим определять возможность использования алфавита в своем субъекте федерации, принимая во внимание запросы меньшинств. Россия до сих пор не выполнила рекомендаций Консультативного комитета Рамочной Конвенции. Поскольку Рамочная Конвенция не наделяет правами непосредственно лиц, принадлежащих к меньшинствам, то и решение российских властей о графической основе языков нельзя оспорить в индивидуальном порядке в международном суде.

Даже ратификация Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств не изменила бы данную ситуацию, потому что и в ней отсутствует механизм индивидуального обжалования. Для граждан и неправительственных организаций все же существует косвенная возможность повлиять на политику страны в отношении языков. Они

могут составлять альтернативные отчеты и предоставлять контрольным органам международных договоров информацию относительно применения этих договоров в России. Такой механизм открыт, например, в отношении Европейской Конвенции по правам человека или Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств. Ратификация Хартии в России создала бы еще один канал для подобной работы. Но главным значением утверждения Хартии стало бы упрочение положения языков, в особенности тех, которые не имеют статуса государственных.

Вопрос о присоединении России к Хартии остается открытым. Совет Европы и Европейская Комиссия выделили финансовые ресурсы объемом в два миллиона семьсот пятьдесят тысяч евро на реализацию в сотрудничестве с Министерством регионального развития России совместной программы «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» на 2009–2011 годы. Одной из основных причин выработки такой программы является стремление европейских структур к тому, чтобы Россия присоединилась к Хартии региональных языков или языков меньшинств. В рамках программы в пилотных регионах: Алтайском крае, Республике Дагестан и Республике Мордовия — реализуются проекты, предложенные заинтересованными в сохранении языков организациями. Произведено моделирование применения Хартии в этих регионах. Часть мероприятий программы также проходит в Республике Карелия и Красноярском крае.

Таким образом, даже если страна не присоединилась к какому-либо международному договору, само его существование отражается на политике страны, налагает рамки на эту политику и ограничивает выбор ее направлений. Последний в данном случае определяется желанием организаций получить гранты Европейского союза, направленные на организацию мероприятий по пропаганде Хартии в России.

Константин Замятин

*Объявление на
эвенкийском языке
приглашает на
дебаты относительно
Европейской Хартии
региональных языков
или языков меньшинств.*

Гиркил! Матал!
Хэгды семинар, антыва су итывдырас
мунниду дуннэдувун Россия
тэгэлин турэндулитын дярин,
аят нэнэлтэгин!

Отражение языкового многообразия в федеративном устройстве России и правовая защита языков в федеральном законодательстве

В некоторых странах вопросы защиты языков решаются в рамках законодательства о национальных меньшинствах страны. Обычно это те страны, где меньшинства относительно немногочисленны и живут на приграничных со своей исторической родиной территориях. Другие страны имеют более сложный состав населения, куда входят представители разных этнических групп и народов, часто автохтонных и довольно многочисленных. В последнем случае применительно к таким группам в законодательстве не используется термин «национальное меньшинство», даже если де факто, в количественном отношении и в контексте международного права, они таковыми и являются. Такие группы часто интегрированы в само государственное устройство — они обладают автономией, составляют территориальную единицу в структуре федеративного государства или иным образом реализуют свое право на национальное самоопределение. В подобных странах языковые вопросы регулируются на уровне конституционного законодательства.

Наиболее распространенным способом конституционного регулирования языковых вопросов является закрепление статуса какого-либо языка, обычно языка большинства, в качестве официального языка страны. Не будет преувеличением сказать, что признание языка официальным ставит его в намного более выгодное положение по сравнению со всеми другими языками страны. На практике это обычно значит, что на данном языке должна вестись работа в парламенте, правительстве, судах и других государственных органах, чиновники должны общаться на данном языке с гражданами страны. Всем жителям страны необходимо в достаточной мере владеть данным языком, чтобы быть полноценными гражданами. Этот язык должен преподаваться в государственных школах, на нем должны выходить официальные газеты, работать телевидение и радиовещание. При таком доминировании официального языка требуются серьезные меры, чтобы сохранить языки меньшинств.

Разные страны по-разному решают эту задачу. Например, в Канаде языковой политикой является официальное двуязычие. Федеральное правительство здесь работает на двух языках. В провинции Квебек

единственным официальным языком является французский, в провинции Брунсуик — французский и английский, в других провинциях — только английский. В Испании языки меньшинств признаны официальными региональными языками. Одним из решений является придание правового статуса официальных языков также и языкам меньшинств в регионах.

Языковое законодательство России федерального уровня будет подробно рассмотрено ниже. Мы проанализируем следующие документы: Конституцию РФ (с. 100–102), Закон о языках народов России (с. 102–106) и Федеральный закон о наименованиях географических объектов (с. 104–105), Закон об образовании (с. 106–108), Основы законодательства РФ о культуре (с. 108–109), Концепцию государственной национальной политики РФ и Федеральный закон о национально-культурной автономии (с. 109–112). Кроме того, особо будет рассмотрено законодательство в отношении коренных народов (положения Конституции РФ, Федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации и Закона о языках народов России, см. с. 112–114). Дополнительно будут приведены сведения о Федеральном законе о государственном языке Российской Федерации (с. 114–115), Федеральном законе об информации, информационных технологиях и защите информации (с. 114–115), а также Федеральном законе об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (с. 114–115).

Конституционное языковое законодательство России

Конституция 1993 года закрепляет право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (статья 26). Она запрещает дискриминацию, в том числе пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (статья 29). Кроме того, всем народам гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (статья 68). К ведению Российской Федерации Конституция относит следующие сферы: регулирование и защиту прав национальных меньшинств (статья 71, пункт «в»), установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (статья 71, пункт «е»). В свою очередь, к совместному ведению федерации и субъектов

федерации относятся следующие вопросы: защита прав национальных меньшинств (статья 72, пункт «б»), общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта (статья 72, пункт «е»). Термин «национальные меньшинства» здесь следует понимать в контексте международного права, так как в российском законодательстве он в основном не используется.

Как уже было сказано выше (см. с. 54), советское государство заложило этничность в основу своих институтов. Современная система российского законодательства сохранила характерную для советского прошлого градацию статусов народов и групп по уровню реализации права на национальное самоопределение, а значит, и градацию статусов их языков. По действующему законодательству, в России одновременно сосуществуют разные правовые режимы для разных языков. В качестве наиболее общего можно выделить правовой статус языков народов России. В этом статусе они противопоставляются иностранным языкам, в том числе языкам иммигрантов. Русский признается государственным языком России, а часть языков наделена статусом государственных языков республик. Отдельно можно выделить правовой статус языков граждан, которые проживают вне своих национально-государственных и национально-территориальных образований, либо таковых не имеют. Такой механизм экстерриториального регулирования и является защитой языков меньшинств в узком смысле этого термина. Особые меры предусматриваются для защиты языков коренных малочисленных народов России.

Среди всех языков, как было указано выше, преимуществом пользуются государственные языки, и в первую очередь — русский язык. Принято считать, что термин «государственный язык» используется в качестве синонима термину «официальный язык». Некоторые эксперты различают эти термины, подчеркивая специфическую функцию государственного языка как инструмента интеграции в политической, социальной и культурной сферах жизни страны и как символа национального единства (см. тж. 117, 119).

Согласно действующей Конституции, русский язык имеет статус государственного языка на всей территории страны (статья 68). Это положение нашло отражение и в федеральном законе о государственном языке Российской Федерации 2005 года. Этот закон предусматривает обязательность использования русского языка в работе органов федеральной и региональной власти, местного самоуправления, а также в судебной системе, в деятельности организаций и других публичных сферах (см. тж. с. 112–114). Немаловажное значение для развития языка имеет и принятая в 2005 году вслед за законом очередная федераль-

ная целевая программа «Русский язык». На ее реализацию ежегодно направляется в среднем порядка трехсот миллионов рублей. Значительная часть этой суммы расходуется на поддержку русского языка за рубежом, прежде всего в странах бывшего СССР.

Конституция Российской Федерации дает республикам право принимать собственные конституции. Республики также имеют право устанавливать собственные государственные языки (статья 68). Эти языки могут использоваться в государственных органах и организациях республик наряду с русским как государственным языком России. Другие субъекты федерации не обладают, по российской Конституции, таким правом. Такая концепция подразумевает, что законодатель не считает титульные нации республик национальными меньшинствами. Таким образом, в России федеральные органы одноязычны, в то время как республиканские органы официально дву- и многоязычны. Особенности правового статуса государственных языков республик будут рассмотрены ниже, в разделе о региональном законодательстве (с. 116–121).

Закон о языках народов России

На волне демократизации в России была сформирована система языкового законодательства, признающая необходимость сохранения и развития языков. В 1991 году впервые в истории России в один день были приняты Декларация о языках народов России и Закон о языках народов РСФСР. Они гарантировали языковой суверенитет каждого народа и личности как совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения.

Закон о языках народов РСФСР 1991 года создал элементы официального многоязычия с участием русского как государственного языка России, а также государственных языков республик. Депутаты представительских органов получили право выступать на съездах, сессиях, заседаниях на любом государственном языке республик в составе РСФСР с обеспечением перевода. Слушания в комиссиях и в комитетах могли проводиться на государственном языке РСФСР и, в случае необходимости, на любом другом языке народов РСФСР с обеспечением перевода (статья 11). Тексты законов и других правовых актов, опубликованные на русском и на государственных языках республик, имели официальный характер и равную юридическую силу (статья 12). При

подготовке и проведении выборов в законодательные органы и Президента РСФСР могли использоваться русский язык, государственные языки республик в составе РСФСР и иные языки, определяемые законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР (статья 14).

Закон о языках закрепил равноправие языков, поэтому в нем и используется общий термин «языки народов России». Вместе с тем, закрепление за отдельными языками статусов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик фактически поставило языки народов России в неравное положение.

После принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации, законы СССР, РСФСР, Российской Федерации продолжали применяться в части, не противоречащей федеральным конституционным законам и федеральным законам.

В новой редакции Закона о языках народов Российской Федерации 1998 года элементы официального многоязычия в федеральных органах власти были отменены. Закон сохранил название «Закон Российской Федерации о языках народов Российской Федерации». Формально необходимость новой редакции была обоснована принятием Конституции России и потребностью уравнивать права субъектов федерации в языковой сфере. Но фактически новая редакция была направлена на сужение поля регулирования на региональном уровне. Положение о языковом суверенитете субъектов федерации было изъято, а равноправие определено как приведенная совокупность прав народов и личности. Наряду с отменой элементов официального многоязычия центральных органов власти все это явилось индикатором поворота в языковой политике вслед за поворотом в национальной политике.

Несмотря на наличие общего термина «языки народов Российской Федерации», формальное равноправие языков не выполняется уже в силу наличия различных языковых статусов, о которых говорилось выше. Вместе с тем, закон последователен в употреблении терминологии и избегает, за исключением преамбулы, употребления традиционного для советской практики понятия «национальный язык». В законе вместо этого повсеместно используется понятие «родной язык», а для обозначения языков национальных меньшинств в узком смысле — понятие «языки малочисленных народов и этнических групп» (статья 6).

Однако другие законы, например, Закон о национально-культурной автономии от 1996 года, продолжают использовать термин «родной язык» в качестве синонима термину «национальный язык». При этом принимается во внимание национальная и языковая идентичность человека, а не степень владения языком.

В последние годы, в частности, при формулировании вопросов переписи населения, проводится политика узкой интерпретации термина «родной язык» в попытке свести его исключительно к вопросу о языковых навыках (см. тж. 109). Если узкая трактовка утвердится, люди, считающие какой-либо язык родным, но не в совершенстве владеющие им, могут лишиться предоставляемых законодательством языковых прав.

Закон не формулирует собственно языковых прав граждан. Исключениями являются II глава, посвященная правам граждан по использованию языков народов России и содержащая три статьи, а также одна статья в главе IV. В статье 8 повторяется закрепленное в Конституции право на свободный выбор языка общения. Кроме того, закон признает право граждан России получать основное общее образование на родном языке и выбирать язык обучения — но в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Фактически это право обеспечивается в основном только правом выбора образовательного учреждения. При этом язык образовательного учреждения определяется его учредителем и уставом (статья 9).

Закон также предоставляет гражданам право выступать на заседаниях, совещаниях, собраниях в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. Граждане имеют право обращаться в эти органы с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют. У них также есть право получать ответ на этом языке, которое, правда, ограничено случаями «невозможности» его дать (статья 15).

Закон о языках прямо налагает всего лишь одну обязанность на федеральные и региональные власти. Это требование установки дорожных указателей, наряду с русским, также и на государственных языках республик. Кроме того, возможно использовать и иные языки народов России, если республики воспользуются таким правом (статья 24).

В развитие данного положения был принят Федеральный закон о наименованиях географических объектов от 1997-ого года. Согласно этому закону, федеральные органы исполнительной власти в пределах своей компетенции осуществляют подготовку и издание словарей и справочников географических объектов, а также карт и атласов Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов федерации могут осуществлять подготовку и издание каталогов, словарей и справочников наименований географических объектов и на языках народов Российской Федерации (статья 10). Наименования географических объектов на дорожных и иных указателях на территории России

пишутся на русском языке. При необходимости они пишутся и на других языках народов России с учетом интересов населения соответствующих территорий. Кроме того, они могут дублироваться буквами латинского алфавита (статья 8). Таким образом, в данном законе государственные языки республик упоминаются только в связи с финансированием работ за счет средств субъектов федерации (статья 12).

Во всех случаях приходится говорить только о степени исполнения положений законодательства, в данном случае, обязанности установкой дорожных указателей. Во многом исполнение зависит от региональных и местных властей. Часто учитываются не реальные потребности граждан, а другие соображения, в том числе практические: указатели подлежат замене по мере старения. В первую очередь двуязычными указателями обеспечиваются федеральные трассы в республиках. Иногда местные власти проявляют даже больше расторопности, чем власти региональные. Например, несмотря на отсутствие республиканского закона о языках, в веписских сельских администрациях на юге Карелии названия деревень даются на двух языках. Это производится на основе закрепленной в российском законе о языках возможности использовать в местностях компактного проживания меньшинств их языки также и при оформлении дорожных указателей (статья 23). Необходимо все же отметить, что карт на языках народов России практически не выпускается. Но без таких карт оформление наименований географических объектов остается несистемным.

По закону о языках, в местностях компактного проживания язык меньшинства может использоваться также и в других сферах официального общения (статья 3), например, при проведении выборов и референдумов (статья 14) и в официальном делопроизводстве (статья 16). Проблема заключается в том, что Федеральный закон об основах организации местного самоуправления 2003 года не предоставляет никакого механизма реализации этих положений и вообще не упоминает языковых вопросов. Поэтому в некоторых республиках (Республика Саха, Республика Башкортостан и другие) официальный статус языков меньшинств в районах компактного проживания устанавливается самостоятельно.

Основное содержание закона о языках посвящено регулированию функционирования государственных языков в различных публичных сферах. В целом можно сказать, что неопределенность в формулировании прав граждан и обязанностей государства в законе приводит к тому, что многие его положения носят декларативный и разрешительный характер. Тем не менее, значение закона заключается в том, что он создает основу для республиканского языкового законодатель-

ства, предоставляя республикам возможность принимать собственные законы о языках, пользоваться правами, обеспечиваемыми федеральным законом, и вводить определенные требования на региональном уровне.

Языки в российском законе об образовании

В российском законе об образовании 1992 года закреплено право граждан России получать основное общее образование на родном языке, а также право родителей свободно выбирать язык обучения для своих детей. Формулировка этих прав аналогична формулировке в законе о языках 1991 года. Эти права, однако, можно осуществлять только в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Право граждан Российской Федерации на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также условий для их функционирования. Выбор языка или языков образовательного учреждения осуществляется его учредителем, то есть в основном государственными (федеральными и региональными) и муниципальными властями. Эти языки также указываются в уставе. При этом русский язык обязателен для изучения во всех государственных образовательных учреждениях, за исключением дошкольных. То есть даже если языком обучения в образовательном учреждении является иной, нежели русский, в нем обязательно изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации. Однако это правило закон не распространяет на дошкольные учреждения. Таким образом, для дошкольных учреждений не устанавливается обязательности одновременного употребления русского языка наряду с родным языком.

По закону об образовании 1992 года, государственный образовательный стандарт делился на три компонента: федеральный, национально-региональный и компонент образовательных учреждений. Языки народов России могли использоваться как языки обучения во всех трех компонентах. Кроме того, они могли преподаваться в составе национально-регионального компонента и компонента образовательных учреждений. В рамках национально-регионального компонента в республиках, составлявшего не меньше 10% учебного времени, в учебный план включалось преподавание языков и литературы титульного народа, истории и географии края. Такая система существовала до 2007 года.

В 2007 году были приняты поправки к закону об образовании. Эти поправки ликвидировали деление государственного образовательного стандарта на указанные три компонента. Поводом для отмены было выбрано то обстоятельство, что Конституция РФ не предусматривает деления федеральных государственных образовательных стандартов и передачи части из них в ведение субъектов федерации (статья 43). Отмена деления образовательного стандарта на компоненты должна было неминуемо затронуть преподавание государственных и родных языков.

Суть поправок к федеральному закону 2007 года во многом заключается в перераспределении полномочий с регионального уровня на уровни федерации и образовательных учреждений. Поправки к закону фактически устранили от управления языковыми образовательными процессами министерства образования республик. Последние оказались лишены возможности прямой поддержки титульных языков. До этого же момента, имея возможность влиять на выбор языка обучения и преподавание языков в школах, они были главными локомотивами языкового возрождения в республиках.

Теперь же, согласно поправкам, основная общеобразовательная программа была поделена на две части. Одна часть определяется федеральными властями, а другая формируется участниками образовательного процесса. При этом преподавание государственных языков республик входит в первую часть, а преподавание родных языков — только во вторую часть. Были определены следующие участники образовательного процесса в общеобразовательном учреждении: обучающиеся, педагогические работники учреждения, родители (законные представители) обучающихся. То есть установление языка обучения в муниципальном образовательном учреждении должно осуществляться по желанию и выбору самих учащихся, их родителей и учителей, организованных в родительские, попечительские, наблюдательные и другие советы, которые способны вырабатывать коллективную позицию.

Но такая норма может быть эффективна только при условии полноценного функционирования гражданского общества. В действительности многое здесь решают коллективные установки общества в целом — установки большинства, потому что часть, которая по идее должна формироваться участниками образовательного процесса, на деле заполняется по усмотрению образовательного учреждения. Школа самостоятельно выбирает схему «этнокультурного компонента», учитывая при этом мнение участников образовательного процесса. «Этнокультурный компонент» может включать в себя дисциплины, которые обеспечивают удовлетворение этнокультурных и языковых потреб-

ностей учащихся, в том числе и преподавание на их родном языке или их родного языка. Однако законодательством так и не был установлен механизм учета интересов населения для введения в школе иного, чем русский, языка обучения. В этой ситуации особенно вероятно, что укрепится практика принятия школами самостоятельных решений по этому вопросу, без учета мнения учащихся и их родителей.

Именно отсутствие механизма и критериев выбора языка обучения в образовательном учреждении называлось экспертами в качестве главного недостатка измененного закона об образовании. На практике в условиях выбора школы отказываются от схем с преподаванием языков, а особенно от схемы с родным языком обучения. Такой выбор обуславливается еще и тем, что государственная (итоговая) аттестация по основным общеобразовательным предметам проводится теперь только на русском языке. Об этом гласит приказ российского министерства образования от 2008 года.

Языки национальных меньшинств как часть культуры

Помимо титульных и коренных малочисленных народов, в России есть и многочисленные национальные меньшинства в собственном смысле. Это те меньшинства, которые живут вне пределов своего титульного национально-государственного или национально-территориального образования или не имеют такового. В России до сих пор не было принято закона о национальных меньшинствах, хотя попытки его разработки и предпринимались в начале 90-х годов прошлого века.

В условиях отсутствия специального законодательства о национальных меньшинствах некоторые вопросы функционирования и защиты их языков могут решаться в рамках законодательства о культуре. Общим отраслевым законом по отношению к рассматриваемому ниже федеральному закону о национально-культурной автономии являются Основы законодательства Российской Федерации о культуре 1992 года. Этот документ относит языки, диалекты и говоры к понятию культурных ценностей (статья 3). Он закрепляет право этнических групп организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению национального языка (статья 21). Поддержку изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности документ относит к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области культуры (статья 39 в редакции Основ законодательства 2004 года). Однако рассмотрен-

ный выше российский закон об образовании, в свою очередь, создает сложность в организации изучения языка как части культуры. Этот закон разъединяет родной язык и национальную культуру тем, что делает их объектами компетенции разных субъектов образовательного пространства. Изучение национального языка не входит непосредственно в компетенцию учреждений культуры, а относится к компетенции образовательных учреждений.

Указом Президента России в 1996 году была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Среди предложенных ею идей была идея национально-культурной автономии. Практические шаги по претворению этой идеи в жизнь были предприняты скорым принятием Федерального закона о национально-культурной автономии в том же 1996 году. В республиках появление закона было воспринято как первый практический шаг на пути ликвидации национально-государственных и национально-территориальных образований. Подтверждением этого курса несколько позднее явился и инициированный властью процесс ликвидации части автономных округов. Поэтому не случайно, что ни Концепция, ни указанный федеральный закон не нашли особой поддержки в регионах, особенно в республиках. По этой причине власти неоднократно подчеркивали, что круг субъектов, на которые направлен федеральный закон, ограничивается именно национальными меньшинствами в собственном смысле термина. То есть имеются в виду только группы, не имеющие своих титульных образований, либо проживающие вне них.

Закон определяет, что национально-культурная автономия (НКА) — это форма национально-культурного самоопределения. Она представляет собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям. Национально-культурная автономия создается на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры (статья 1).

Автономия является одной из форм общественного объединения, а значит, на нее в общей части распространяется законодательство об общественных объединениях. Национально-культурные автономии могут быть местными (городскими, районными, поселковыми, сельскими), региональными, федеральными (статья 5). Их могут создавать на разных уровнях, во-первых, представители титульного народа, живущие вне пределов своей республики или автономного округа (например, федеральная НКА татар или региональная в Ульяновской области). Во-вторых, право создания НКА есть и у представителей на-

родов, не являющихся титульными в России (например, украинцы или азербайджанцы, курды и цыгане). В официальных источниках сообщается, что на данный момент было создано свыше двадцати федеральных и свыше пятисот региональных и местных автономий.

Вся III глава закона посвящена обеспечению права граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам, на сохранение, развитие и использование их родных языков. Объединившиеся в национально-культурную автономию граждане получают право на государственную защиту своих языков (статья 8), в том числе и на финансовую поддержку своей деятельности (статья 19). Такая деятельность включает издание книг, создание средств массовой информации (в т.ч. выпуск периодической печати, организацию телерадиовещания) и осуществление ряда других мер (статья 9). В последние годы налаживалась проектная схема государственного финансирования этой деятельности. Однако в 2003 и 2005 годах в закон об НКА были внесены изменения. В частности, обязанность финансирования была передана с федерального на региональный уровень. Поэтому на деле случаи реальной поддержки оказываются крайне редкими.

Национально-культурные автономии имеют право на создание негосударственных дошкольных и образовательных учреждений, в которых обучение может вестись на национальном языке. Таким образом реализуется право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на получение основного общего образования на родных языках. С принятием закона о НКА подобные учреждения получили было также право государственной поддержки для осуществления ими учебной деятельности. Однако после внесения поправок к закону государство больше не обязано предоставлять поддержку для такого рода частных школ.

Помимо частных школ и других учреждений, законом предусматривается также возможность создания классов и групп с обучением на национальном языке в государственных и муниципальных учреждениях (статья 11). Тем самым развиваются положения Закона о языках народов России (статья 9). Но после принятия поправок к закону об НКА, переложивших обязанность по государственной поддержке национально-культурных автономий на региональные власти, эта норма также не работает. В законе заложена возможность государственного финансирования только краткосрочных проектов, что, естественно, не позволяет поддерживать постоянную деятельность образовательных учреждений.

Из формулировки положений закона можно заметить, что приведение его в действие очень во многом зависит от успешности функци-

онирования институтов гражданского общества. Выполнение закона определяется и собственной инициативой и активностью лиц, принадлежащих к меньшинствам, а также их организаций. Эксперты отмечают, что многие нормы этого закона в большей части только дублируют положения других законов (например, федерального закона об общественных объединениях) и остаются декларативными. В частности, это нормы, касающиеся участия автономий в образовательной деятельности, создании средств массовой информации и развития языков.

Языковое законодательство в отношении коренных малочисленных народов

Выше уже было отмечено, что в рамках международного права коренные народы получили больше внимания и пользуются большей защитой, чем другие национальные меньшинства. В российском законодательстве употребляется только термин «коренные малочисленные народы». Термин «малочисленные» был использован для того, чтобы исключить относительно большие коренные народы России из сферы действия законодательства. По Конституции РФ, «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» (статья 69). Поэтому не случайно, что правовой статус коренных народов в России проработан и обеспечен законодательной базой намного лучше, чем правовое положение других меньшинств. Вместе с тем, реальное самоопределение коренных народов в России очень ограничено. Впрочем, основной проблемой, как и во многих других странах (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Латинской Америки и др.), является вопрос о земле и природных ресурсах.

Пик законотворчества в области прав коренных малочисленных народов в России пришелся на конец ушедшего тысячелетия. основополагающий акт в этой области — Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации 1999 года. Закон относит к числу коренных малочисленных народы, живущие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации не более 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (статья 1). Всего 45 народов были внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный российским прави-

тельством в 2000 году. Среди них 40 также отнесены к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Как уже отмечалось выше, Россия не присоединилась к международным документам по правам коренных народов. Поэтому в российском законодательстве языки коренных малочисленных народов, как и языки национальных меньшинств, до сих пор защищены в основном только через общие механизмы защиты языков народов России. Специальным механизмом, в соответствии с Законом о языках народов России, является создание государством необходимых условий для сохранения и развития языков коренных малочисленных народов и национальных меньшинств (статья 6). К созданию таких условий относится, во-первых, государственное содействие представителям коренных малочисленных народов и национальных меньшинств в организации воспитания и обучения на родном языке. Это содействие должно осуществляться независимо от их количества и в соответствии с их потребностями (статья 9). Во-вторых, государство обеспечивает необходимые условия создания письменности на родном языке для народов, ее не имеющих. Таким образом осуществляется их право на создание письменности на родном языке (статья 10). Бесписьменными как раз и являются, в первую очередь, языки коренных малочисленных народов.

Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов признает право лиц, относящихся к малочисленным народам, сохранять и развивать родные языки. Кроме того, признается их право получать и распространять информацию на родных языках, включая создание средств массовой информации (статья 10). То есть данный документ не добавляет ничего принципиально нового в действующее языковое законодательство.

Федеральный закон о государственном языке Российской Федерации

Если Закон о языках народов России является во многом декларативным, то федеральный закон о государственном языке Российской Федерации 2005 года впервые четко определяет статус русского языка как государственного. Этот закон обладает четкостью и соответствует современным этнополитическим реалиям. Поэтому иногда в списке нормативных правовых актов он упоминается до Закона о языках народов Российской Федерации 1991 года. Это неверно, поскольку закон 1991 года является общим по отношению к федеральному закону 2005 года.

Федеральный закон определяет меры, предпринимаемые федеральными органами власти по защите и поддержке государственного языка (статья 4), а также по обеспечению прав граждан на пользование государственным языком (статья 5). Закон устанавливает, что обязательность использования государственного языка Российской Федерации не умаляет прав на пользование государственными языками республик и другими языками народов России (статья 1). Однако сферы обязательного использования государственного языка Российской Федерации (статья 3) необоснованно широки и тем самым ограничивают использование других языков.

Во-первых, устанавливается, что органы власти, местного самоуправления, государственные органы ведут свою деятельность на русском языке. Однако закон закрепляет обязательные сферы использования государственного языка Российской Федерации не только в отношении органов власти. В частности, устанавливается, что и организации всех форм собственности осуществляют свою деятельность (в т.ч. ведут делопроизводство) на государственном языке Российской Федерации. В этом число включены в том числе и общественные организации. Тем самым закон ограничивает употребление других языков в публичной сфере.

Также закон вторгается и в частный сектор использования языка организациями всех форм собственности — последние должны использовать русский язык, в частности, в переписке и рекламе. Во взаимоотношениях с гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства все органы и организации используют только государственный язык Российской Федерации.

Такие ограничения нарушают право граждан обращаться в государственные органы и организации на родном языке, установленное Законом о языках народов России (статья 15). Здесь возникает юридическая коллизия. С одной стороны, существует правило, что законы Российской Федерации действуют в части, не противоречащей федеральным законам (каковым является Закон о государственном языке Российской Федерации). Однако, с другой стороны, новая редакция российского закона о языках в 1998 году также была утверждена в качестве федерального закона. Более того, Закон о языках народов России является общим по отношению к федеральному закону о государственном языке Российской Федерации. Еще одним аспектом ситуации является закрепление права подавать запрос на информацию от государственных и муниципальных органов и получать ответ на него на государственных языках республик в законодательстве об информации (см. 114–115).

Подобное ограничение использования языков меньшинств в публичной сфере и широкое вторжение в частную сферу использования языка нетипично для официального статуса языка. Как было отмечено выше, в частности, это не отвечает стандартам Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств.

Языковое законодательство в сфере информации и информационных технологий

Некоторые публичные сферы употребления языка получили развитие позже принятия российского закона о языках. Это, в первую очередь, касается сферы новых информационных технологий. Данные вопросы урегулированы в Федеральном законе об информации, информационных технологиях и защите информации 2006 года. Законом признается право граждан на доступ к информации. Оно включает право осуществлять поиск и получение любой информации, в том числе и от государственных органов. Такое право подкрепляется обязанностью государственных органов и органов местного самоуправления обеспечивать доступ к информации о своей деятельности. Это осуществляется на русском языке и на государственном языке соответствующей республики, в соответствии с республиканским законодательством. Также подчеркивается, что лицо, желающее получить доступ к подобной информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения (статья 8).

Государственные органы и органы местного самоуправления создают информационные системы и обеспечивают доступ к содержащейся в них информации на русском языке и государственных языках республик (статья 12). Под информационными системами имеются в виду базы данных информации и обеспечивающие ее обработку информационные технологии и технические средства.

В 2009 году был принят Федеральный закон об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Он подтверждает возможность использования, в соответствии с законодательством республик, государственного языка республик при подаче запроса на информацию и в ответе на него.

Реализация данных законов требует времени. Только в немногих республиках, например, в Татарстане, уже приняты акты по их применению. Если официальный сервер органов власти Татарстана имеет полноценные варианты на русском, татарском и английском языках, то в других республиках информация дается обычно исключительно на русском. Тем самым нарушаются закрепленные законом об информации права граждан, пользующихся другими языками.

Новые информационные технологии дают возможности для широкого использования локальных языков на письме. В центре саамских языковых технологий Giellatekno исследователь из норвежского Университета Тромсё Тронд Тростеруд представляет программу, разработанную специально для исследования и изучения саамских языков.

Региональное языковое законодательство и его применение

В стране с федеративным устройством часть властных полномочий передается регионам. В условиях асимметричной федерации республики обладают относительно большими властными полномочиями, по сравнению с другими регионами, например, с областями. Свои названия (титулы) республики, как правило, получили по имени народа, который проживает с древности на их территории.

Поэтому принято называть эти народы «титульными нациями». В российском законодательстве понятие титульной нации используется в Федеральном законе о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом 1999 года. В этом документе титульной нацией называется часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства (статья 2).

У республик есть дополнительные властные полномочия и права, потому что они являются формами национальной государственности, субъектами федерации. Так, согласно Конституции России, республики вправе устанавливать свои государственные языки (статья 68). Этим правом воспользовались почти все республики России для признания языков (обычно титульных народов, но и других народов республик) в качестве государственных. Так, в Кабардино-Балкарской Республике, Республике Мордовия и Республике Марий Эл имеется по три государственных языка, в Карачаево-Черкесской Республике — пять языков, а Республике Дагестан — целых четырнадцать языков. Исключением стала Республика Карелия, в которой, по республиканской конституции, государственным является только русский язык (статья 10). В результате здесь до сих пор не принят и республиканский закон о языках, а утвержден только закон о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков.

В других республиках республиканские конституции и/или законы о языках, помимо языков титульных народов, также признают государственным языком республик и русский язык. Единственным исключением была Тувинская ССР, в которой, по закону о языках 1990 года и республиканской конституции 1993 года, тувинский объявлялся единственным государственным языком республики. Русский же язык определялся как общесоюзный государственный язык. Такое положение продолжалось до принятия новой конституции Республики Тыва в 2001 году.

Примеры языкового законодательства в различных регионах России

регион	официальный язык
Татарстан	татарский, русский
Якутия	якутский, русский
Марий Эл	марийский (лугово-восточный марийский, горномарийский), русский
Удмуртия	русский, удмуртский
Карелия	русский (у карельского, финского и вепского статус языков, пользующихся государственной поддержкой)
Дагестан	русский, 13 других языков

Русский является официальным языком во всех субъектах Российской Федерации. Во многих регионах местные языки также имеют статус официальных. Региональные языковые законодательства во многом различаются между собой. В некоторых республиках «официальность» малых языков фактически означает статус символического государственного языка. В других же местах законодательство разрешает симметричное использование местного языка наряду с русским в образовании, средствах массовой информации и управлении. Законы различаются также и в отношении того, указывается ли местный язык до или после русского. На практике, однако, русский язык занимает господствующее положение во всех регионах России.

Поскольку русский является государственным языком на всей территории Российской Федерации, можно было бы утверждать, что нет смысла наделять его статусом государственного языка республик. Некоторые бывшие автономные республики (например, Татарстан) использовали этот аргумент, когда пытались предоставить статус государственного языка республики исключительно титульному языку. Отметим, что таким образом поступили бывшие союзные республики, когда обрели независимость. Такое решение означало бы, что исключительно титульный язык должен был бы использоваться в работе всех республиканских органов, на их заседаниях и в процедурах. С точки зрения языковых практик требуется время для создания условий функционирования языка в качестве официального. В некоторых бывших союзных республиках проблема функционирования титульного языка как официального существует даже спустя двадцать лет после обретения независимости. Федеральное и республиканское законодательство всегда пользуется термином «государственные языки республик». При этом русский является таковым во всех республиках. Таким образом создается возможность не использовать титульные языки в реальном функционировании в качестве официальных. Если в какой-нибудь республике государственным был бы провозглашен только титульный язык, властям так или иначе пришлось бы использовать его в своей работе, формально соблюдая официальное двуязычие и многоязычие. Существующая же разрешающая юридическая норма создает для органов власти возможность избежать практического внедрения титульных языков в официальных сферах.

В разделах ниже мы рассмотрим основные аспекты языкового законодательства в республиках РФ. Будут проанализированы республиканские законы о государственных языках (см. с. 118–121) и о языках коренных малочисленных народов (см. с. 121–123), а также их реализация (см. с. 123–125). Далее пойдет речь о различных аспектах республиканских языковых программ (см. с. 125–132). Эти программы рассматриваются по публичным сферам использования языка. В заключение дополнительно будет сказано несколько слов о возможностях применения республиканского законодательства в судебной практике (см. с. 125–132).

Республиканские законы о языках

Федерация в России асимметрична также и в отношении однотипных регионов. Поэтому уровень защиты языков в республиках различается. Он варьирует по объему закрепления элементов официального статуса

в законодательстве республик и реализации этих положений на практике. Отчасти такая асимметрия объясняется историческими причинами. До 1990 года в СССР титульные языки имели статус государственных только в Грузии и Армении. В конституциях других союзных и автономных республик закреплялись только некоторые элементы статуса государственных языков. Например, они должны были быть языками опубликования законов и судопроизводства. Закон о языках народов СССР, принятый в 1990 году, закрепил право союзных и автономных республик определять правовой статус языков республик, в том числе и устанавливать их в качестве государственных. Официальным языком СССР был объявлен русский язык. Интересно, что законодатель различает термины «официальный язык» и «государственный язык», отводя последнему дополнительную функцию национального символа.

Правом, предоставленным законом о языках народов СССР, быстро воспользовались в Чувашии, Туве (законы 1990 года) и Калмыкии (закон 1991 года). Законы о языках этих автономных республик были приняты на волне подъема национальных движений. Неслучайно, что они закрепляют довольно сильные положения в поддержку государственных языков. Отметим, что в этих республиках титульное население составляет численное большинство. Также сильны республиканские законы, принятые вдогонку за российским законом о языках 1991 года в Бурятии, Республике Саха, Коми и Татарстане (все законы 1992 года).

Сильные республиканские законы обычно закрепляют следующие положения. Во-первых, это обязательность изучения государственных языков во всех образовательных учреждениях. Во-вторых, это использование титульных языков в качестве языков обучения в национальных школах. В-третьих, это установление требований знания государственных языков для занятия определенных должностей. В-четвертых, это надбавки за знание и использование в работе обоих государственных языков. Законы Республики Коми 1992 года и Мордовии 1998 года регулируют функционирование только государственных языков. В других республиках в сферу регулирования входят и другие языки «народов республики».

В некоторых республиках принятие законов о языках было отложено в силу различных причин. Например, в Республике Марий Эл политическая риторика вокруг того, должны ли быть государственными языками республики только лугово-восточный марийский и русский или также и горномарийский, задержала принятие закона до 1995 года. В Кабардино-Балкарской Республике закон о языках также был принят в 1995 году, а в Карачаево-Черкесской Республике — в 1996 году.

В республиках с меньшей долей титульного населения, чем в упомянутых выше, принятие законов продвигалось труднее. Находясь в своей республике в меньшинстве, национальные элиты должны были продвигать проект закона в диалоге с представителями политической элиты большинства. Для того, чтобы достичь компромисса, в более поздних проектах закона им пришлось отказаться от многих первоначальных обязывающих положений. В том числе отказались от языковых требований и смягчили некоторые другие положения. Это еще одна причина того, что в окончательном тексте законов о языках часто содержатся слабые положения, с оговорками типа «по мере возможности» и «при необходимости». Продвинуть более определенные требования оказалось невозможным.

Например, в Удмуртии закон о языках был принят только в 2001 году. Это произошло как раз в период принятия изменений в законы о языках в сторону их ослабления в других республиках. Подобные изменения были связаны с процессом приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Отсроченное принятие и слабость положений законов о языках осложнили продвижение программ по сохранению и развитию языков. Все же в республиках отсутствие закона о языках или его слабость частично компенсировалось республиканскими законами об образовании и о культуре. Эти законы были приняты раньше, чем законы о языках.

Наконец, в некоторых республиках законы до сих пор не приняты. Например, в Карелии основными причинами стали малая доля титульного народа в населении республики и отсутствие политической воли у политической элиты. В Дагестане отсутствие закона вызвано сложной многоплановой этнополитической ситуацией. Здесь четырнадцать языков крупнейших народов республики являются, по республиканской конституции, государственными.

Законы о языках предоставляют государственным языкам республик важные возможности и средства по их использованию в публичной сфере. Они также создают правовое поле республиканским властям для реализации языковой политики и защиты индивидуальных языковых прав. Государственные языки республик должны использоваться в работе государственных органов и при общении с гражданами. Законы закрепляют права граждан по использованию государственных и иных языков. Однако эти документы не формулируют обязанностей республиканских властей, они только позволяют использовать данные языки.

Помимо политической ситуации и обстоятельств принятия законов, на содержащиеся в них конкретные права и требования влияют

и другие обстоятельства местной специфики. Это могут быть, в частности, национальный состав населения и уровень политического представительства меньшинств. Кроме того, это количество ресурсов у национальных движений и наличие проблем в сфере межнациональных отношений, а также степень развития языков и утвердившиеся сферы их использования.

В целом, вместо того, чтобы установить четкие обязывающие нормы использования государственных языков республик, республиканские законы о языках только повторяют разрешительный стиль российского закона о языках. Проблема с республиканскими законами, написанными в советской традиции, состоит в том, что они остаются декларативными документами. Они полны пустых норм, отсылающих к «действующему законодательству», а на деле — к несуществующим актам. Тем самым, законы требуют принятия дополнительных нормативных актов для их реализации и напрямую не обеспечены финансовыми ресурсами.

Подытоживая, можно сформулировать основную суть проблемы следующим образом. В отношении русского языка был принят адекватный новому времени Федеральный закон о государственном языке Российской Федерации (см. с. 112–114). В республиках же подобных законов или поправок к действующим законам, четко установивших бы сферы обязательного использования государственных языков республик, принято не было.

Региональное законодательство о языках коренных малочисленных народов

Реальное положение коренных малочисленных народов и их языков зависит от конкретного региона и народа. На основании еще закона СССР ряд республиканских законодательств допускает возможность установления статуса национальных административных единиц в системе местного самоуправления. Такова ситуация, например, с республиканской конституцией в Карелии или с законами об административно-территориальном устройстве Республик Саха, Хакасия, Бурятия, а также Алтайского края. Так, в Карелии Калевальскому району был дан статус национального района. Там же несколько сельсоветов были объединены в Вепсскую национальную волость, правда, вскоре упраздненную. Законодательство некоторых республик допускает возможность установления официального статуса для языков коренных малочис-

ленных народов в местах их компактного проживания. Таково положение дел, например, в законе о языках Республики Саха.

Только республики могут иметь государственные языки, но на другие языки могут распространяться некоторые элементы официального статуса. Так, в Уставе Коми-Пермяцкого (в то время — автономного) округа единственным государственным языком признавался русский. Но в то же время коми-пермяцкий язык мог использоваться в официальных сферах общения наряду с русским. На настоящий момент этот округ, наряду с пятью другими, ликвидирован в качестве автономного (см. 62). Все они присоединены в качестве муниципальных районов к краям. Ликвидация данных округов существенно снизила уровень защиты языков коренных народов на соответствующих территориях.

Четыре округа все же еще сохраняются. Примером создания региональной законодательной базы обеспечения защиты языков в округах может служить Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Окружной закон об образовании предусматривает организацию изучения родных языков коренных малочисленных народов в местах их компактного проживания. В 2001 году в Ханты-Мансийском округе был принят закон о родных языках коренных малочисленных народов Севера, живущих на территории округа. В определенных сферах этот закон даже сильнее законов о языках некоторых республик. Так, окружным законом предусматривается создание системы непрерывного национального образования на родных языках (статьи 3–4). При этом указывается, что языки коренных малочисленных народов могут использоваться в официальном делопроизводстве и при опубликовании нормативных правовых актов (статьи 6–7).

Ямало-Ненецкий автономный округ недавно, в 2009 году, принял закон о родных языках коренных малочисленных народов Севера, живущих на его территории. По-видимому, это произошло не без косвенного влияния факта принятия Декларации ООН о правах коренных народов. Этот закон также в некоторых отношениях сильнее, чем многие республиканские законы. Как и в случае Югры, окружной закон здесь также предполагает внедрить систему непрерывного обучения родным языкам в соответствующих образовательных учреждениях. Данный закон может установить для языков коренных малочисленных народов даже некоторые элементы официального статуса. Например, он гарантирует, что органы государственной власти и местного самоуправления должны организовать перевод и публикацию нормативно-правовых актов в области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера на их родных языках.

В последние годы в ряде регионов открылись дошкольные и общеобразовательные учреждения, в которых было введено преподавание родных языков и культур коренных малочисленных народов, в том числе как предметов в школе. Об этом свидетельствуют данные Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. В Ямало-Ненецком округе имеется 37 таких школ, в Чукотском — 36, в Ненецком — 11. Но всего лишь в нескольких ненецких школах в Ненецком автономном округе язык коренного малочисленного народа является языком обучения.

Необходимо отметить, что ненцы — это самый большой (44 тысячи) из народов, признанных российским законодательством коренными и малочисленными. Ненцы являются титульным народом в трех автономных округах. Даже в этих округах ситуация с языками различается, и тем более она различается в областях. Например, саамский язык в Мурманской области преподается только в начальных классах. Еще разительнее различия в положении языков народов, насчитывающих только несколько сотен, а то и десятков человек. Согласно оценкам экспертов ЮНЕСКО, многие языки уже исчезли, а языки 13 из 40 народов Севера находятся на грани исчезновения. В наиболее невыгодной ситуации оказываются коренные народы, не имеющие в России собственных титульных государственных образований.

Реализация республиканских законов о языках

Защитой прав и интересов людей в отношении языков и реализацией языковой политики могут заниматься индивиды, неправительственные организации и государственные органы. Все же основной силой в сфере языковой политики обладает государство. Оно осуществляет эту политику в первую очередь путем реализации языкового законодательства.

Эксперты отмечают, что нормы как российских, так и республиканских законов обычно не содержат глаголов «обязаны», «должны», которые четко обязывали бы государственные органы и общественные организации. Эти нормы часто сформулированы с помощью форм третьего лица множественного числа: «делают», «принимают» и т.д. На практике такие нормы трактуются правоприменителями как право, но не как обязанность. Поэтому исполнение норм следует отслеживать в двух плоскостях. Во-первых, это действительная реализация на практике норм, требующих, как правило, однократного введения. Во-вторых, это реализация комплексных мероприятий, которые частично

основываются на нормах и обеспечивают внедрение постоянных практик. Например, это может быть функционирование языка в учебных заведениях или средствах массовой информации. Такие практики часто формируются в программы.

Как уже говорилось (см. с. 121), из-за нечетких формулировок реализации законов требует принятия дополнительных нормативных и управленческих актов. Так, в российском законе о языках предусмотрена возможность принимать как федеральные, так и региональные программы (статья 4). О федеральной программе «Русский язык» мы уже упоминали (см. с. 101–102). Как российский закон о языках, так и республиканские законы не закладывают напрямую финансовых средств, чтобы осуществлять предусматриваемые ими меры. Слабостью большинства законов является также отсутствие юридической ответственности за несоблюдение их норм. Такая ответственность устанавливается только в некоторых законах о языках республик Северного Кавказа.

Так же, как и само принятие законов, реальное продвижение конкретных мер напрямую зависит от политической воли и позиции властей. Можно наблюдать тенденцию прямой взаимозависимости количества представителей титульного народа среди населения республики и среди местной властной элиты. Чем успешнее представителям титульных народов в республиках удавалось входить в политические элиты и участвовать во власти, тем большую поддержку получали предлагаемые ими программы языкового возрождения. Приоритетом в программах пользуются, как правило, титульные языки республик. Доминирование политической элиты титульного народа позволяет направлять необходимые средства для реализации республиканских языковых программ. Именно эти условия помогают добиться урегулирования наибольшего числа сфер и элементов официального статуса языков.

Если титульный народ находится в республике в меньшинстве, то вероятно ожидать и низкого политического представительства в органах республиканской власти. Тогда и само принятие законов оказывается проблематичным. Ключевое значение в такой ситуации имеет позиция русскоязычной элиты соответствующей республики. Кроме того, определенную роль играет традиция распределения должностей с учетом национального фактора. Она продолжает существовать с советских времен, хотя и в измененном виде. Так, министерства образования, культуры, национальной политики в республиках обычно возглавляют «национальные кадры». Эти сферы являются центральными для реализации проектов языкового возрождения. Однако непосредственный доступ к обеспечению таких проектов финансовыми ресурсами оста-

ется закрытым, если национальной элите не достаются портфели министров финансов и экономики.

Первоначально программы сохраняли терминологию российского закона о языках. Они назывались государственными программами сохранения и развития языков соответствующих республик. Позднее в некоторых республиках программы нового цикла стали именоваться республиканскими программами реализации закона о языках республики. Даже сами названия этих программ различаются по республикам, не говоря об их структуре, сроках, объемах финансирования. Далее мы построим короткий обзор их реализации по сферам употребления языков в публичной жизни общества: 1) языки в органах власти, государственных организациях (см. с. 125–128); 2) языковая среда на работе и языковые требования (см. с. 128–129); 3) языки средств массовой информации (см. с. 129–132); 4) язык образования (см. с. 130–131).

Общей тенденцией следует признать несистематичность исполнения положений законов о языках в республиках. Формальное наличие норм в законе и требовательность положений ничего не говорят о том, выполняется ли закон в действительности. В законах разных республик могут быть урегулированы те или иные сферы применения языков, а также установлены определенные элементы официального статуса. Однако это не означает автоматически, что титульный язык применяется в этих урегулированных сферах больше чем в других республиках в аналогичных ситуациях.

Языки в органах власти и государственных организациях

Провозглашение в республиках государственными двух и более языков предполагает параллельную работу государственных органов и организаций на двух или нескольких языках. Однако несмотря на наличие соответствующих требований во многих республиканских законах, ни в одной республике еще не налажена работа парламента и правительства на всех государственных языках параллельно. Лишь в редких случаях законопроекты представляются, наряду с русским, также и на титульных языках. Депутаты от титульного народа практически не пользуются предоставляемым им правом на выступление на родном языке в республиканских парламентах, а государственные служащие не используют язык на работе.

Хотя использование языков народов России в официальных документах часто незначительно, эти языки можно увидеть на табличках с названиями государственных и культурных учреждений.

Обратимся, например, к первой программе сохранения и развития языков народов Республики Татарстан. При анализе ее реализации отмечается, что в Татарстане удалось замедлить процесс сужения сферы функционирования татарского языка. Были даже расширены рамки использования татарского языка в деятельности органов государственной власти. Но вместе с тем констатируется, что еще не сложилась реальная практика применения татарского языка в процессе законотворчества и документооборота.

В некоторой степени причиной такого положения является недостаточное распространение официального стиля языков титульных народов. Проблема создания официального стиля решается государственной поддержкой республиканских термино-орфографических комиссий и другой научной деятельности по развитию языков. Результаты их работы видны в том, что титульные языки относительно чаще используются при опубликовании законов и других официальных документов, чем на

обсуждениях по их принятию. Еще чаще эти языки употребляются при оформлении других коротких официальных текстов.

Чтобы завершить в Республике Татарстан оформление правового режима функционирования государственных языков республики, необходимо предпринять еще много усилий. В частности, предполагается разработать положения об использовании государственных языков в делопроизводстве и оформлении официальных документов, удостоверяющих личность гражданина. Эти языки должны фигурировать в официальной наглядной атрибутике и информации (например, на табличках с названиями государственных учреждений). Кроме того, планируется издать сборники типовых образцов деловых бумаг и другие.

Другой стороной функционирования государственных языков республик является взаимодействие органов власти и различных организаций с гражданами. Это, например, географические и дорожные указатели, официальная переписка с гражданами и официальные документы граждан. Как было отмечено выше (см. 104), установка дорожных указателей на государственных языках закреплена в качестве единственной обязанности федеральных и региональных органов власти в российском законе о языках (статья 24).

Частью «видимого глазу» двуязычия являются также меры по обеспечению общественно-значимых объектов, почтовых отделений и общественного транспорта устной и наглядной информацией на государственных языках. Примером могут служить двуязычные официальные объявления на автовокзалах, объявления в общественном транспорте, уличная реклама.

Столицы некоторых республик на вид мало чем отличаются от столиц областей. В других отчасти заметен национальный компонент, но текст на национальных языках редок, а речь на иных языках, кроме русского, практически не слышна. Но эта ситуация не всегда свидетельствует о низком качестве законов о языках. Поскольку эта общественно-государственная сфера использования языков наиболее близка населению, введение многих мер, возможность которых предоставляется законами, напрямую зависит от гражданской инициативы.

Так, в Республике Марий Эл, основываясь на положениях республиканского закона о языках, граждане обращались в государственные органы и организации с языковыми требованиями. Среди прочего можно упомянуть введение двуязычного вкладыша в паспорт, транслирование в фирменных поездах республики музыки на государственных языках, поддержку в издании поздравительных открыток на разных языках. Но не всегда эти обращения приводят к положительным решениям.

Относительный успех в наглядной сфере применения государственных языков объясняется традицией. Еще с советских времен сохранилась практика наглядного признания многонационального характера государственности. Обычно она сводилась и сводится к преобладанию «фасадной» стороны, но содержит и элемент действительного признания.

Языковая среда на работе и языковые требования

Языковые требования — это обязанности по владению языками работников определенных профессий и по определенным должностям. Такие обязанности устанавливаются в должностных инструкциях. Языковые требования встречаются, например, в сфере услуг, транспорта, культуры, образования и других сферах по работе с населением. Возможность установления языковых квалификационных требований по использованию языков в сфере профессионального общения закрепляется в российском законе о языках (статья 15). Вместе с тем трудовое законодательство не устанавливает такие требования. Федеральный закон об основах государственной службы требует только знания русского как государственного языка.

Практически во всех республиканских законах о языках продублированы декларативные положения об использовании государственных языков при оказании услуг государства населению. В Чувашии за знание государственных языков республики даже назначается материальное поощрение (статья 3). В Татарстане еще только предполагается ввести государственные языковые квалификационные минимумы. Здесь планируются также надбавки к зарплате за практическое применение в работе государственных языков республики.

В государственных органах и организациях республик составляется список профессий, требующих владения государственными языками. Это делается для обеспечения пропорционального представительства основных этнических групп среди государственных служащих. Также составляется список языковых квалификационных требований. Работники государственных организаций должны знать государственные языки для того, чтобы, в частности, обеспечить право граждан обращаться в эти организации на данных языках. Такое право закреплено, например, в законе о языках Республики Коми (статья 4). За прошедшие годы немногим более сотни республиканских и муниципальных чиновников и служащих прошли здесь языковые курсы.

Важным типом языковых требований является необходимость знания государственных языков для кандидата на должность руководителя республики. Этот вопрос зачастую регулируется в конституционном законодательстве республик. На момент принятия законов о языках такие требования имелись в восьми республиках, среди прочих, в Республике Татарстан. Но позднее они были исключены в процессе приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным. Есть соответствующее решение Конституционного Суда России, признавшее неконституционным такое требование, содержащееся в Конституции Республики Татарстан.

Языки средств массовой информации

В России власти рассматривают средства массовой информации в качестве важного канала коммуникации с гражданами, но доступ меньшинств к ним обеспечен слабо. Особенно затруднен доступ меньшинств к телерадиовещанию на их родных языках.

В республиканских подразделениях Всероссийской государственной телерадиовещательной компании ВГТРК только считанные часы в неделю отдаются вещанию на государственных языках республик. Только некоторые регионы, почти исключительно республики, имеют свои государственные телерадиокомпании, негосударственные телеканалы и радиостанции, дающие материалы, помимо русского, и на других языках.

Республики выпускают общереспубликанские и местные газеты и журналы на титульных языках. Однако в настоящее время федеральные власти перестали предоставлять субсидии газетам меньшинств. В республиках и других регионах выпускаются также частные региональные и местные газеты, журналы, в том числе полностью на языках меньшинств, но их тиражи и объемы периодики часто незначительны.

Кроме того, качество новостей на национальных языках на радио, телевидении и в периодике оставляет желать лучшего, и спрос на эти новости оказывается минимальным (о причинах см. 44). Однако одновременно идет развитие интернет-пространства на национальных языках. На этих языках появляются в том числе и электронные версии официальных изданий, как, например, на официальном сервере Республики Татарстан. (Подробнее об этом см. также в части 1, с. 45–46).

Помимо подготовки телерадиопередач и финансирования официальных газет за счет ведомственных ресурсов, в рамках республикан-

ских языковых программ выделяются средства на дубляж и создание титров. Значительные средства республиканские программы языкового возрождения направляют на книгопечатание на государственных и иных языках республик. Внимание принято уделять выпуску детской и учебной литературы. Литература рассылается не только в библиотеки и школы республик, но и в диаспоры.

Языки в системе образования

По оценкам экспертов, к концу 1980-х годов лишь 9% детей титульного населения автономных республик РСФСР обучалось в национальной школе. Дети изучали 44 родных языка, но из них 26 языков преподавалось только в качестве учебного предмета. Из 18 языков, на которых велось обучение, лишь 4 (башкирский, татарский, якутский и тувинский) сохранились к моменту начала перестройки в средней и старшей ступени национальной школы. Еще 11 языков обучения функционировали в начальной школе на протяжении трех лет обучения, и 3 языка — на протяжении четырех лет. После этого ученики переходили на русский язык обучения и продолжали изучать родной язык только как предмет. Следует отметить, что национальные школы существовали в основном в сельской местности, а это значит, что далеко не все учащиеся имели к ним доступ.

На 2005 год в России для 1 миллиона 72 тысяч учащихся (или около 6% от всех учащихся) языком обучения был иной, нежели русский. Еще 1 миллион 943 тысячи учащихся (или еще 11%) изучали родные языки как предмет, в основном только в начальной школе, в том числе факультативно. К 2005 году, согласно официальным данным, только на трех языках ведется обучение во всех 11 классах «школы с этнокультурным компонентом» (бывшей национальной школы). Это башкирский, татарский и якутский в соответствующих республиках и преимущественно в сельских школах. До 7 или 9 класса национальной школы в качестве языков обучения в сельских школах используются тувинский, бурятский, алтайский, чувашский, а также татарский и башкирский в городских школах. В начальной школе вплоть до 4 класса в качестве языка обучения используются калмыцкий, адыгейский, осетинский, чеченский, кабардинский, балкарский, черкесский, аварский, кумыкский, лезгинский, лакский, хакасский, в некоторой степени марийский и мордовские языки, а также якутский и тувинский в городских школах. В основном только в качестве предмета в соответствующих республиках и автономных округах изучаются карельский, мордовский, марий-

ский, удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, ингушский, карачаевский и некоторые языки коренных малочисленных народов.

Как уже говорилось выше, по действующему законодательству, право получать образование на родном языке реализуется только путем выбора родителями образовательного учреждения в рамках возможностей системы образования. Если родители желают, чтобы их дети обучались на родном языке или хотя бы изучали язык, то они сами должны искать подходящую школу.

В республиках и округах в сельской местности национальные школы, как правило, имеются, хотя зачастую детям приходится каждый день ездить на школьном автобусе в соседний населенный пункт. Как видно из приведенных выше данных, в большинстве республик действует схема, согласно которой обучение на родном языке ведется только в начальных классах, а потом преподавание ведется на русском. При этом родной язык дети продолжают изучать как предмет. В городах национальных школ мало, так же как национальных классов в обычных школах. Родителям стоит поинтересоваться, есть ли такие школы в их городе.

Все описанные выше процессы сужают возможности свободного выбора образовательного учреждения на родном языке. В результате во многих республиках значительная часть детей, особенно живущих в городах, совсем лишена возможности изучать родной язык даже как предмет.

Существует вопрос о том, все ли школьники или только школьники титульной национальности учить титульный язык той или иной республики. Он находил разные решения, в зависимости от республики. Закон об образовании Республики Татарстан устанавливает, что татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан изучаются в образовательных учреждениях в равных объемах, за исключением детских дошкольных учреждений. В законах об образовании и о языках Чувашской Республики указывается, что обучение в образовательных учреждениях осуществляется на чувашском и русском языках. Это значит, что в обоих этих случаях все школьники, независимо от национальности, должны изучать титульный язык республики как предмет.

Правоприменение и судебная практика

Таким образом, реализация республиканских законов о языках наталкивается на препятствия. Основным препятствием для реализации

региональных программ языкового возрождения ответственными чиновниками называется недостаточное финансирование. Подчас представляется затруднительным установить реальную сумму средств, потраченных на мероприятия программ, так как обычно программы не финансировались отдельной строкой непосредственно из республиканского бюджета.

Реализация тех положений законов, которые требуют инициативы граждан, также сталкивается с затруднениями. Прежде всего, действительно низким остается уровень правовой культуры, то есть знание своих прав, стремление и умение ими воспользоваться. Замечательно, что те немногие граждане, которые выдвигают языковые требования, зачастую выигрывают процессы уже на уровне низших инстанций судебной системы.

Вместе с тем, в законодательстве есть механизмы, позволяющие гражданам отстаивать их права. В результате образовательной реформы и ликвидации национально-регионального компонента образовательного стандарта только сами родители могут теперь настаивать на введение преподавания родного языка при формировании учебной программы каждой конкретной школы. Родители должны заявлять о необходимости учета языковых и этнокультурных потребностей их детей через включение в школьную программу родного языка как предмета как для отдельных классов, так и для всей школы. Если большинство учащихся составляют дети с языком иным нежели русский, родители могут настаивать на выбор школой варианта учебного плана с родным языком обучения. Лишь немногие родители знают об этих правах. Поэтому национальным организациям в диалоге с региональными властями следует настаивать на введение в республиках законодательно установленного двуязычия.

Пассивность граждан объясняется не только слабой политической и правовой культурой и неразвитостью гражданского общества. Гражданская активность обходится людям дорогой ценой, подвергая их угрозе прослыть нелояльным, «скандальным» гражданином. Языковая тема близко стыкуется с темой национальной — по сути, языковые требования являются на сегодня единственными, которые могут выдвигать представители меньшинств для поддержания своей национальной идентичности, не подвергаясь опасности обвинения в национализме.

Часть III

Пути сохранения языков под угрозой исчезновения. Практические советы

Анника Пасанен

Изучение и активизация языков

Основные методы изучения языков под угрозой исчезновения

В среде носителей языков народов России, как и в других аналогичных сообществах мира, обычна ситуация, когда представители определенной возрастной группы хорошо понимают свой язык, но практически не умеют или не привыкли говорить на нем. Члены сообщества, имеющие пассивное знание языка, возможно, говорили на нем в раннем детстве. После детского сада или школы они перешли на русский язык и во взрослом состоянии понимают родной язык, но считают, что не знают его в такой степени, чтобы говорить на нем. Также возможна ситуация, когда человек никогда не говорил на языке сообщества, но с рождения слышал его в достаточном объеме, чтобы хорошо понимать (см. вставку на с. 138–139).

Среди сообществ носителей исчезающих языков мира есть большое число примеров тому, что пассивное языковое знание возможно активизировать, если для этого имеется достаточно мотивации. Человек, пассивно владеющий каким-то языком, обычно довольно быстро начинает на нем говорить, если только захочет. Например, такому человеку легко освоить правильное произношение, потому что он привык его слышать. Конечно, язык можно выучить и с нуля, даже если человек никогда его до этого не понимал. Вначале изучение потребует больше труда, чем активизация пассивного знания, но и в таком случае освоение языка возможно.

Существуют различные способы изучения языков, не являющихся господствующими в обществе. Вариантов обучающих программ обычно в этих случаях не так много, как, например, по английскому или какому-то другому доминирующему языку. Учебные материалы могут быть малопригодными к использованию, неинтересными и труднодоступными или вообще отсутствовать. Но с другой стороны, сообщество носителей языка может обладать такими естественными ресурсами, которых часто не имеется при изучении иностранных языков. Это, например, наличие прирожденных носителей языка, повседневных ситуаций его употребления, детей, изучающих язык, а также совместные усилия общества по его сохранению. Имеет смысл использовать эти ресурсы там, где это возможно.

Далее мы рассмотрим различные методы, к которым может прибегать человек при изучении или активизации родного языка, находящегося под угрозой исчезновения.

► Языковые курсы

По вечерам, по выходным или во время отпуска можно организовывать языковые курсы для взрослых. Это возможно осуществлять силами добровольцев, если таковые найдутся, или же, при наличии финансовых возможностей, нанять преподавателя. Содержание и методы обучения следует максимально подстраивать под потребности учеников: если основная часть последних — это пассивные носители языка, имеет смысл сосредоточиться на разговоре, а если активное владение языком уже имеется, важным становится обучение чтению и письму.

В любом случае при обучении исчезающему языку рекомендуется делать акцент на коммуникативных навыках, понимании языка и донесении на нем информации до других. Акцент на грамматике и языковой правильности — это не лучший способ моральной поддержки пассивных носителей.

Языковые курсы можно также организовать в виде языкового лагеря. В данном случае группу желающих вывозят на определенное количество дней (например, на неделю или месяц) в языковую среду, который на сегодняшний день еще может являться сельская местность. Обучающиеся оказываются в своего рода замкнутой среде, ежедневно слышат речь на местном языке и непроизвольно начинают в неё «вживаться». Тому, кто владеет языком на начальном или пассивном уровне, это помогает активизировать речь. Тот, кто совсем не знает языка, начинает улавливать основы его строя и звучания.

► Самостоятельное изучение языка

Если курсов нет, не имеется возможности в них участвовать или же они не отвечают потребностям желающих, язык всегда можно изучать самостоятельно или, например, с другом. В качестве учебных материалов можно в таком случае использовать имеющиеся учебники, газеты или другие тексты на языке. Наибольшие трудности самообразования заключаются в мотивировании себя заниматься языком и в получении навыков общения.

Обучение инари-саамскому языку по методу «мастер-ученик»

Надо использовать малейшие возможности для языковой практики. Следует как можно чаще разговаривать с родственниками. На языке своего сообщества можно писать списки покупок или вести дневник, можно говорить на нем дома самим с собой или, например, с домашними животными, имеет смысл слушать на нем музыку и, конечно, извлекать максимальную пользу из средств массовой информации.

► **Общение между различными возрастными группами**

Взрослый может естественным образом вспоминать язык с детьми. Если в семье, у родни, у соседей или вообще в языковом сообществе есть дети, которые изучают язык дома, в языковом гнезде или в школе, стоит начать говорить с ними. Может оказаться проще говорить с ребенком, чем со взрослым. Если в сообществе действует языковое гнездо (см. подробнее с. 151–156) или же язык каким-то иным способом используется в детском саду, возможно, туда могли бы заходить и взрослые, которые хотят слушать речь на родном языке и говорить на нем.

Родителям ребенка, изучающего язык сообщества в школе, стоит дома проявлять интерес к его учебе, знакомиться с учебными материалами,

говорить с ребенком о языке и его изучении, участвовать в выполнении домашних заданий и т.д. Помимо повышения уровня собственных знаний родителей о языке, это полезно еще и в том отношении, что ребенок видит интерес взрослых к языку и его изучению. Заинтересованность родителей и сообщества повышает мотивацию детей.

В сообществе языка, находящегося под угрозой исчезновения, бóльшую часть носителей составляют пожилые люди. Уже только по этой причине представляется естественным привлечение их к возрождению и преподаванию языка — не говоря о том, что молодые могут также получить от них уникальные культурные знания и умения. Человек, изучающий местный язык, может наладить тесный контакт с одним или несколькими пожилыми людьми и попросить научить его языку. Ниже мы рассмотрим пример более организованного взаимодействия, при котором более молодые учатся языку от старших.

► Обучение по методу «мастер — ученик»

Одним из способов изучения языка, до сих пор сравнительно мало используемых в языковом возрождении, является метод «мастер — ученик». Речь идет о своеобразном языковом погружении для взрослых. Эта программа была разработана в США, в Калифорнии, где говорят на многочисленных языках коренных народов, в настоящий момент находящихся под угрозой исчезновения.

Идея этого метода заключается в привлечении старших носителей языка для обучения молодежи. Каждый изучающий язык получает «языкового мастера» (человека, свободно владеющего родным языком), с которым он регулярно встречается и с самого начала использует в общении только местный язык. «Языковой мастер» не обязательно должен уметь преподавать язык, не так важна и способность читать и писать на нем — в центре внимания здесь оказывается именно устное общение.

«Мастер» и ученик могут вместе заниматься повседневными делами и прочими традиционными для данной культуры видами деятельности, например, ходить в лес, ловить рыбу, работать в огороде, печь или заниматься ручной работой. Этот метод не обязательно предполагает наличие какой-то официальной программы и договора — любой человек, изучающий язык, может вступить в подобные отношения с носителем языка. Все же регулярность и продолжительность занятий могут быть налажены лучше, если имеется хотя бы какая-то установленная программа, в которой участвует несколько пар «мастеров» и учеников.

Представитель обратного языкового сдвига, женщина инари-саами Р.К. (Инари, Финляндия), род. в 1960-х гг.

Р.К., в настоящее время работающая руководителем инари-саамского языкового гнезда (см. с. 151–156), родилась в 1960-х гг. в семье, где оба родителя были прирожденными носителями инари-саамского языка. У нее было шесть старших сестер и братьев, и разница с самым младшим из них составляла семь лет. Семья проживала в стороне от городских поселений и вела натуральное хозяйство. Местные дети тогда ходили в школу в деревне Кааманен. Учеников, живших в отдаленных районах, по достижении семи лет помещали в пришкольный интернат, откуда они приезжали домой только на каникулы. Старшие братья и сестры Р.К., как и большинство детей в то время, пошли в школу без знания финского языка, владея только инари-саамским. В школе обучение велось исключительно на финском, а инари-саамский никоим образом не поддерживался — его знание у детей, наоборот, скорее старались заглушить. Школа и интернат оставили такие глубокие травмы в душе братьев, сестер и родителей Р.К., что они с самого начала решили говорить со своей младшей сестрой и с дочерью только на финском языке.

Р.К. с детства слышала инари-саамский язык в таком объеме, что понимала абсолютно все. Однако она никогда не говорила на

Психологические препятствия для изучения языка

Самым тяжелым при изучении и активизации исчезающих языков, по-видимому, является преодоление психологических барьеров. Общение на языке могло за десятки лет превратиться для человека в психологический запрет. Для снятия этого запрета требуется не только начать снова изучать язык, но и заново прожить травмы детства, отношения с родителями, историю своего рода и народа и прочие трудные моменты такого типа.

Подобный процесс обычно легче протекает у представителей более младших возрастных групп. В старшем поколении стыд и комплекс не-

нем сама до того, как, будучи уже 30-летней, в начале 1990-х гг. не начала изучать язык на курсах для взрослых в Инари. Через несколько лет после этого начался набор работников для только что образованного языкового гнезда. Р.К. сомневалась в своем знании языка, однако все же решилась попытаться получить место, и это ей удалось. С 1997 года она работала руководителем языкового гнезда в волостном центре Инари — стала одной из ключевых фигур инари-саамского языкового возрождения и начала передавать язык поколению маленьких детей.

Помимо работы, Р.К. активно использует инари-саамский и в своей частной жизни. Сейчас она является наиболее активным говорящим среди своих сестер и братьев — есть некая ирония в том, что она единственная из всех детей в семье при этом не использовала его в раннем детстве.

История семьи Р.К. наглядно свидетельствует о способности школы разрушать языковую идентичность представителей находящихся в меньшинстве народов. С другой стороны, эта история показывает, что человек может вернуть себе утраченный язык, если действительно хочет и готов над этим работать.

полноценности, связанные со своим языком, могут укорениться так глубоко, что преодолеть внутренний запрет общения на нем оказывается невозможным. В настоящее время нередко ситуация, когда в сообществе возрождаемого языка наиболее компетентные носители — дедушки и бабушки — не в состоянии преодолеть психологический барьер и начать говорить на родном языке с детьми и внуками, несмотря на призывы последних. При этом для среднего поколения, знающего язык не так хорошо, говорить на нем со своими детьми оказывается психологически проще.

К сожалению, отношение окружения к тому, что человек, говоривший ранее только на языке большинства, начинает учить или активизи-

зировать язык своего сообщества, не всегда исключительно положительно и способствует возрождению языка. Родственники и соседи могут высказывать неодобрение — например, тому, что человек изучает язык по учебникам или же на основе другого диалекта. Комментарии типа «у нас так не говорят», возможно, отпускаются не со зла, но могут существенно ослабить мотивацию изучающего язык.

Подобная нетерпимость препятствует работе по возрождению языка. Язык невозможно возродить, если к этому подходить слишком предвзято. Конечно, нужно стремиться к использованию богатого, красивого языка и к сохранению локальных диалектных особенностей, но для изучения и возрождения языка, находящегося в критическом состоянии, все это имеет второстепенное значение. Важно, что на нем вообще говорят.

Стратегии использования языка в кругу семьи

Какие языковые предпочтения в кругу семьи могут способствовать двуязычию? Выбор языка зависит в том числе и от языкового опыта и знаний родителей, языковой ситуации в обществе, отношения общества к многоязычию и личной мотивации и установок родителей. Для дву- и многоязычия благоприятны по крайней мере следующие стратегии.

1. *Один родитель — один язык.* При таком распределении ролей родители являются носителями двух разных языков и каждый из родителей говорит с детьми на своем родном языке в любых ситуациях. Результатом этого является двуязычие или по крайней мере склонность говорить на двух языках. Чаще всего один из языков все-таки оказывается сильнее, особенно если это еще и язык окружающего большинства. Также возможна ситуация, когда родители говорят с ребенком на разных языках, а в окружающем обществе господствует третий язык. Тогда ребенок может вырасти трехязычным. В принципе ситуация может быть и такой, что в дополнение к родным языкам родителей и языку общества имеется также четвертый язык, на котором родители говорят между собой, — это может привести к четырехязычию, по крайней мере на каком-то уровне. Не существует четкого ограничения на количество языков, которые ребенок может усвоить в раннем детстве. Например, случаи четырехязычия не так уж редки в мире.

2. *Менее распространенный язык в качестве домашнего языка.* Если родной язык у одного из родителей — это язык меньшинства, а у второго — язык большинства, то ради поддержки менее распространенного языка родители могут сделать сознательный выбор в пользу употребления дома только его. В таком случае у ребенка больше шансов хорошо усвоить местный язык, чем тогда, когда только один из родителей говорит на нем дома. Такая стратегия предполагает, что взрослый, для которого родным является язык большинства, знает местный язык достаточно хорошо, чтобы свободно говорить на нем с детьми.

3. *Смешанная стратегия.* Возможно, что двуязычные родители не делают сознательного, последовательного выбора языка, а говорят друг с другом и с детьми то на одном, то на другом языке, в зависимости от ситуации, настроения, темы и других факторов. Такой вариант обычно не рекомендуется для двуязычного развития ребенка, но в действительности он распространен во многоязычных регионах мира. Смешанной стратегии избегают, по-видимому, из боязни, что ребенок как следует не усвоит ни один из языков, а вырастет т.н. «полуязычным». Но на практике все зависит от статуса данных языков и особенностей конкретных говорящих. Смешанная стратегия также может приводить к полноценному, эффективному двуязычию.

4. *Выбор языка, привязанный к месту и времени.* Выбор семей языка общения можно привязать к месту или времени таким образом, что в определенной ситуации или по тем или иным дням семья говорит на одном языке, а в другом месте и в другие дни — на другом. Это может означать, что, например, в отпуске в деревне говорят на местном языке, а в повседневной жизни в городских условиях — на доминирующем. Подобная ситуация достаточно распространена среди меньшинств России. Языки народов России прочно связывают с сельской местностью и деревенским сообществом, а городское сообщество может быть полностью русскоязычным. В принципе можно принять решение говорить на местном языке по определенным дням недели или же, например, каждую вторую неделю. Стратегия, привязанная к месту и времени, может в дальнейшем служить мостиком для полного перехода на местный язык.

Трудности, связанные с использованием различных языковых стратегий

Стратегия «один родитель — один язык» и вообще использование местного языка дома является непростым выбором. Легко и естественно говорить с ребенком на родном языке в том случае, когда это язык большинства, но с языком меньшинства ситуация сложнее. Далее будут изложены те довольно типичные причины, которые могут осложнить использование последнего дома.

Может быть так, что один из родителей не говорит на местном языке. Считать ли это проблемой, полностью зависит от родителей. Кто-то может полагать, что окажется полностью изолирован от отношений супруга или супруги с детьми, если он не понимает языка их общения. Кто-то другой, напротив, будет считать такую ситуацию достаточной причиной для того, чтобы выучить местный язык самому.

Один из родителей может отрицательно относиться к местному языку — и это необязательно зависит от того, является ли он его носителем или нет. Носителю местного языка будет практически невозможно последовательно использовать этот язык дома, если второй родитель не примет и не будет поддерживать такое решение. Если носителю языка придется говорить на нем с ребенком втайне или же подчиниться и переводить все на язык большинства, от этого будут страдать и передача языка ребенку, и самочувствие родителя. Ребенок также в какой-то момент почувствует позицию своих родителей относительно разных языков, и негативное отношение к местному языку может бессознательно отразиться на его языковом выборе и языковой идентичности.

Отрицательное отношение к местному языку может характеризовать и все общество. Здесь будут наблюдаться аналогичные описанным выше процессы. Если родственники, школа, друзья и чиновники нетерпимы к какому-либо языку или открыто его презирают, это не может не повлиять на ребенка. Последовательность, целеустремленность и поощрения ребенка родителем, использующим местный язык, могут отчасти скорректировать негативное отношение общества, но такая ситуация в любом случае создает дополнительные трудности в использовании этого языка. Распространение информации и просвещение людей относительно дву- и многоязычия может отчасти рассеять предубеждения, поэтому при возрождении языка следует планировать информационную подготовку такого рода не только для задействованных в этом процессе семей, но и для всего общества.

Обычна и такая ситуация, когда ребенок сам отрицательно относится к использованию местного языка. У ребенка может наступить временная стадия, когда он начинает противиться говорить на этом языке. Реакция ребенка, как правило, связана с оценками общества. Детский сад и школа целиком на языке большинства создают предпосылки для формирования негативного отношения ребенка к языку меньшинства. Ребенок может начать критиковать родителя за то, что тот говорит с ним на языке, который никто не понимает и от которого в его окружении нет никакой пользы. Уже примерно двухгодовалый ребенок, придя из детского сада, может начать протестовать, что дома с ним говорят на другом языке, чем в садике.

В крайнем случае встреча с различными языками может вызвать у ребенка психологическое потрясение. Не являются исключительными примеры, когда ребенок, выучивший дома только язык меньшинства, бурно реагирует на ту ситуацию или жизненный этап, когда он попадает в среду, где говорят на языке большинства. Такие ситуации были достаточно распространены в те времена, когда дети из среды меньшинств шли в детский сад или школу, совершенно не владея используемым там языком, при том что их собственный язык в этих заведениях не поддерживали, а наоборот пытались заглушить. Родители могут сразу начать говорить с ребенком на доминирующем языке, чтобы избавить его от таких сложностей. Однако, отказ от родного языка также может стать сильной травмой в жизни ребенка. Возможно, это не проявится до того, как ребенок вырастет, начнет исследовать свои корни и будет переживать по поводу утраты своего языка и культуры.

Проблемой также считается смешение различных языков в речи ребенка. Ребенок может использовать попеременно слова и выражения из разных языков или даже склонять или спрягать слова одного языка по моделям другого. Смешение языков часто ошибочно принимается за плохое их знание, за признак «полуязычия». Страхи «полуязычия» разжигались и в России, при этом многие критики двуязычия в действительности не знают, каким образом последнее формируется. Современные исследования речи ребенка показывают, что смешение языков является нормальной стадией, которая проходит, если у обоих языков имеются достаточные предпосылки для развития. Объединение различных языков в речи, или т.н. «смешение кодов» и «переключение кодов» — это обычное явление и в речи многоязычных взрослых. При этом по-настоящему многоязычный взрослый при желании и необходимости способен в речи отделять языки друг от друга.

Еще одним фактором, осложняющим использование языка меньшинства, является недостаточное владение им родителями. Вероятно,

практически каждый родитель, говорящий на таком языке, считает свое знание языка ущербным. Это говорит не столько о степени владения языком, сколько о низком статусе этого языка в обществе. Например, если носитель вепсского языка получил все свое среднее образование только на русском, не освоив грамоту на своем языке, его культурным языком, конечно, будет русский. По-видимому, на русском он будет думать обо всем, что касается реалий современной жизни, в то время как для вепсского языка основными, вероятно, останутся сферы, связанные с домом и семьей.

Особенно сложно говорить дома на таком языке, который находится в критическом состоянии, крайне ограниченно используется в обществе и не может получить поддержку нигде. Ответственность и трудности, стоящие перед родителем, оказываются особенно значительными, если речь идет о языке, не имеющем неологизмов, описывающих современный мир, детских книг, школьного преподавания, средств массовой информации и практически никакой поддержки в обществе. В таком случае от родителя требуется твердая уверенность в том, что он делает, последовательность и изобретательность.

Поддержка малых языков как общественная проблема

Каким образом язык передается и не передается?

Как уже было показано выше, передача из поколения в поколение обычно считается наиболее важным признаком жизнеспособности языка. Под передачей языка понимается его активное знание и использование: ребенок должен свободно говорить на языке, быть в состоянии порождать понятные целостные предложения, а также регулярно использовать язык, по крайней мере при общении с каким-то людьми или в каких-то ситуациях.

Передача языка может происходить различным образом. Самым обычным путем является усвоение ребенком языка от воспитывающих его взрослых — обычно родителей, а в некоторых случаях — например, бабушек и дедушек. Язык может также передаваться за пределами домашнего круга, в детском саду или школе.

Когда язык начинают возрождать, участвующим в этом процессе активистам, а лучше всему сообществу стоит обсудить задачи возрождения. Хотят ли люди достичь того, чтобы язык снова стал повседневным разговорным языком всех возрастов, или же достаточно только возрождения культурного наследия, а также того, что язык получит определенный статус и станет более заметным? Если задачей является первое, то имеет смысл с самого начала критически оценить способы передачи языка детям, их достаточность и реалистичность. Понятно, что определенные методы в возрождении языка приводят и к определенным результатам.

Ребенок может достичь свободного владения каким-либо языком только в том случае, если он часто и помногу бывает в таких ситуациях и окружениях, где с ним говорят на этом языке и ожидают, что он будет на нем же и отвечать. Если язык является лишь дополнением, обогащающим его жизнь, и используется только в редких случаях, знание языка у ребенка, по-видимому, останется довольно ограниченным. С помощью двух часов преподавания в неделю в детском саду и в школе невозможно обеспечить передачу языка, если он не используется еще и дома.

В целом можно сказать, что если есть желание сформировать у ребенка активное знание языка, находящегося под угрозой, единственными эффективными способами для этого являются: 1) использование языка дома; 2) детский сад целиком на этом языке; 3) школьное преподавание.

Новые носители для инари-саамского языка,
находящегося под угрозой исчезновения

Одно интересное решение проблемы «потерянного поколения» нашли недавно для сообщества носителей инари-саамского — языка, на котором говорит около 300 человек в Финляндской Лапландии. После того, как несколько десятков детей освоили инари-саамский в языковом гнезде, недостаток носителей языка работоспособного возраста стал проблемой. Сообщество внезапно оказалось в ситуации, когда основную часть говорящих составляют старики и значительная часть детей, а между этими двумя возрастными группами говорящих имеется мало. Недостаток учителей был постоянной проблемой при планировании курса обучения языку; учебных материалов не хватало, потому что готовить их было некому. По этим причинам начали разрабатывать языковые курсы, с помощью которых можно было бы получить больше носителей в среднем поколении.

Программа обучения языку осуществлялась с помощью интенсивных языковых курсов, в которых участвовало около 20 взрослых, представляющих различные профессиональные сферы. Большую часть составляли учителя, но были также и, напри-

давание на этом языке. Но и эти способы также не дают гарантии того, что данный язык станет активным языком детей и они будут передавать его уже своим детям.

Следует целенаправленно распределить имеющиеся для языкового возрождения ресурсы, обычно довольно скудные, на достижение поставленной задачи. Если в качестве результата видится превращение языка в активный разговорный язык детей, основные ресурсы нужно направить на создание детского сада и школьного преподавания на местном языке, разработку необходимых учебных материалов и информационную подготовку молодых взрослых. Если же ресурсы сосредоточиваются — как это обычно бывает — на преподавании языка в количестве двух часов, фольклорных ансамблях, музейной деятельности, языковых кружках и создании литературы и СМИ для взрослых,

мер, воспитатели детского сада и журналисты. Почти все участники постоянно проживали в Инари. У половины из них были инари-саамские корни, однако другая часть была финнами, которых обучение и передача языка интересовали по иным причинам. Была поставлена задача, чтобы слушатели за год активно овладели языком и с помощью этих знаний могли бы найти себе работу, требующую знания инари-саамского языка: стали бы учителями, воспитателями в языковом гнезде, разработчиками учебных материалов, исследователями, переводчиками и т.д. Эта программа существенно повлияла и продолжает влиять на современную ситуацию инари-саамского языка и перспективы языкового возрождения.

Слушатели в течение всего года были свободны от своей основной работы. Программу разработали исследователи из Общества инари-саамского языка, а официальным организатором был Институт саамского языка и культуры при Университете Оулу. За финансирование отвечали в том числе Культурный фонд Финляндии и Министерство труда.

понятно, что такими способами невозможно добиться активного знания языка у детей.

Язык оказывается под угрозой исчезновения, когда его передача детям прерывается или сокращается. Поэтому среди языков России в опасности находятся как карельский (см. с. 68–69), который дети уже почти не осваивают, так и марийский, который еще передается детям в сельской местности, но в городе и в крупных поселках его позиции значительно слабее. Что делать, когда языковое сообщество оказывается в ситуации, когда все или большая часть детей уже не выучивают язык своего народа? Многочисленные примеры по всему свету показывают, что и здесь можно найти решение. Однако это предполагает использование достаточно радикальных методов и переоценку уже привычных путей возрождения.

Языковое гнездо в д. Инари (Финляндия). Мешок песен — игра, созданная воспитателями для изучения инари-саамского языка.

Примеры методов языкового возрождения, направленные на поддержку передачи языка

Малые языки под угрозой исчезновения можно возрождать по различным схемам, часть из которых была уже кратко представлена в этой книге. Эффективными, ориентированными на общество способами обеспечения передачи языка или ее возобновления являются, например, перечисленные ниже.

1. **Языковое гнездо** (см. с. 119–156) — это детский сад или группа в детском саду, функционирующие исключительно на местном языке. Дети приходят в языковое гнездо, как правило, не зная языка меньшинства. Воспитатели с самой первой минуты говорят с ними только на этом языке. Фактически, это полное языковое погружение в раннем возрасте. Дети начинают понимать язык уже через несколько месяцев, а впоследствии и сами начинают говорить на нем.
2. **Школьное преподавание на родном языке** (см. с. 157–158). Одного преподавания местного языка в рамках русскоязычной

Анника Пасанен

Южная Эстония, г. Выру. Объявление гласит, что работники заправки понимают местный вырусский язык.

школьной программе ни в коем случае не достаточно для достижения активного владения этим языком. Для этого нужно сделать данный язык средством общения, на котором обсуждаются различные темы, в том числе реалии современной жизни и глобальные вопросы. Выбор местного языка для преподавания на нем различных предметов (математики, природоведения, истории и др.) является значительным шагом в сторону модернизации на условиях культуры меньшинства, равноправия языков и осуществления языковых прав человека.

3. Просвещение молодых взрослых на тему «говори на своем языке». Этим способом можно пытаться расширить употребление местного языка дома. В зависимости от степени угрозы для языка, ситуация среди молодых родителей может быть такой, что часть их еще знает язык сообщества, но уже не говорит на нем с детьми, или же такой, что поколение родителей маленьких детей уже полностью перешло на доминирующий язык. Распространяя современную информацию о двуязычии и значении языков, можно изменить отношение родителей таким образом, чтобы на менее распространенном языке стали больше говорить

в кругу семьи. Если знание языка отсутствует, его можно приобрести путем обучения.

4. **Языковые курсы, предназначенные для взрослых.** Для сообществ исчезающих языков актуальны следующие три типа программ: 1) преподавания языка с нуля для тех, кто его совсем не знает; 2) подготовительные курсы для тех кто хотят активизировать угасшее знание языка; 3) преподавание чтения и письма для тех, кто говорит на языке, но не умеет читать и писать на нем и, возможно, не владеет новыми словами и выражениями.

5. **Преподавание местного языка для представителей большинства.** Самая распространенная причина отказа носителя менее распространенного языка говорить на нем с ребенком заключается в том, что этим языком не владеет его супруг или супруга. В России господствует т.н. одностороннее двуязычие: меньшинство выучивает доминирующий язык в дополнение к своему собственному, но большинство не знает языков меньшинств (см. с. 12, 59). Преподавание местного языка для большинства приводит к т.н. двустороннему двуязычию, которое, в свою очередь, способствует развитию толерантности и баланса в обществе, уменьшению числа конфликтов. Чем чаще представители большинства хотя бы сносно владеют местным языком или же вообще проявляют к нему интерес, тем лучшие предпосылки имеются в обществе для использования этого языка. Стремление к двустороннему двуязычию часто предполагает также изменения позиции самого меньшинства. Меньшинство в такой ситуации должно принять тот факт, что представители большинства также имеют право использовать их язык.

6. **Метод «языковой мастер – ученик».** «Языковой мастер», который свободно говорит на языке, и его ученик проводят время вместе, общаясь с самого начала только на местном языке. Это может быть выполнение в свободной форме повседневных обязанностей или же традиционные для данной культуры занятия (ручная работа, приготовление пищи, промыслы, музыка и т.д.). Деятельность не обязательно должна быть упорядочена по определенной схеме, а только предполагает, что человек, который хочет изучать язык, ищет себе «мастера». С другой стороны, метод оказывается более эффективным, если хотя бы в какой-то мере следует некоторой программе (подробнее см. 137).

Что такое языковое гнездо?

Когда язык оказался в таком критическом положении, что дети уже не выучивают его дома от родителей, один из немногих эффективных методов, которыми можно исправить ситуацию — это организация языкового гнезда на этом языке. Когда языковое гнездо функционирует как должно, дети слышат ежедневно язык своего сообщества в таком объеме, что у них создаются благоприятные предпосылки для того, чтобы начать активно говорить на нем после нескольких лет посещения языкового детского сада.

Языки народов России и ранее преподавались в детских садах по всей России, но в основном в объеме одного-двух часов в неделю через игры, песни и отдельные фразы, а остальная деятельность происходила на русском языке. После многих лет такого рода обучения превращение местного языка в единственный язык общения в детском саду или отдельной детсадовской группе является новаторством. Языковое гнездо в условиях Российской Федерации — это вообще достаточно радикальное предприятие, которое часто вызывает многочисленные вопросы. Как ребенок будет чувствовать себя в детском саду, если он поначалу не понимает языка воспитателя? Хорошее ли ребенок выучит русский язык, если весь детский сад работает на другом языке? Комфортно ли он будет ощущать себя в русскоязычной школе?

Начало деятельности языкового гнезда

Когда начинается планирование деятельности языкового гнезда, для начала неплохо было бы разузнать о ситуации языка данной местности, языковых установках родителей, наличии интереса к языковому детскому саду. Если есть точные сведения о молодых родителях, заинтересованных в такого рода проекте, начать последний оказывается значительно легче, чем просто на основе общих предположений. Естественно, для языкового гнезда следует отбирать детей из таких семей, где имеется высокая мотивация для возрождения языка сообщества.

Поиск воспитателей для языкового гнезда является непростой задачей, потому что для этой работы не подходит какой угодно носитель языка. Преподаватель языкового гнезда должен знать язык достаточно хорошо, чтобы постоянно говорить на нем с детьми. Он должен быть последовательным и сознательным в отношении языка — ему следует четко осознавать, на каком языке в какой момент он говорит, и не пере-

ключаться незаметно для себя на русский язык (что довольно типично среди носителей языков народов России). К должности воспитателя языкового гнезда предъявляется больше требований, чем к воспитателю обычного детского сада. Отсутствие материалов на местном языке требуется восполнять с помощью изобретательности, а также приходится не падая духом встречать всевозможные предубеждения и критику, связанные с работой такого рода. Первые недели, когда дети еще не понимают речь воспитателя, могут быть непростыми. Важно заранее ознакомить воспитателей с работой в языковом гнезде, чтобы они были готовы к возможным трудностям.

Одной крайне важной предпосылкой работы языкового гнезда является меньшее, чем обычно, количество детей в группе. Если на группу в 25 детей приходится два воспитателя, то большую часть дня дети проводят в совместных играх друг с другом, что, естественно, происходит на языке большинства. Усвоение языка в языковом гнезде, в свою очередь, требует большого объема индивидуального общения каждого ребенка с воспитателем. Это может вызвать проблемы на административном уровне, потому что маленькая группа (например, 12 детей на два воспитателя) делает языковое гнездо дороже обычного детского сада.

Возможность слышать язык за пределами языкового гнезда помогает усвоению языка и, по крайней мере в теории, позволяет начать использовать язык сообщества и дома. Мотивация детей к употреблению языка возрастает, если они чувствуют, что родители ценят этот язык и сами стараются его выучить. Можно организовать различные мероприятия, сопровождающие деятельность языкового гнезда, например, еженедельный языковой кружок для взрослых или же кружки по интересам для детей из языкового гнезда по вечерам или по выходным.

Имеет ли смысл думать о создании целого детского сада на местном языке, или же надо начать с отдельной группы в составе русскоязычного садика, зависит от ситуации. Если языковое гнездо работает в русскоязычном детском саду, необходимо позаботиться о том, чтобы у гнезда было достаточно места и возможностей уединения, которые требуются для его успешного функционирования. Если дети из языкового гнезда постоянно слышат язык большинства от других детей или воспитателей, результаты усвоения местного языка ухушаются.

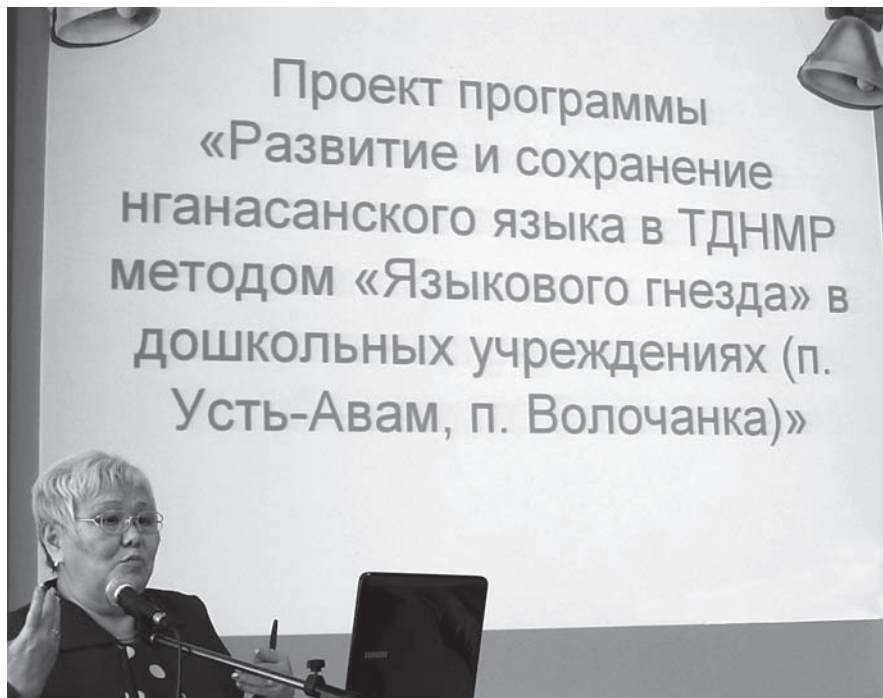
Как и на каких основаниях работает языковое гнездо?

Взрослый, особенно одноязычный, может подумать, что идея языкового гнезда сама по себе невозможна: как справиться с маленькими детьми, когда они не всегда понимают, что им говорят? Но, во-первых, мир детей не построен на словесном общении в такой степени, как мир взрослых. Для ребенка достаточно, если воспитатель всегда понимает его и уделяет ему должную заботу и внимание. Во-вторых, ребенок начинает понимать новый язык удивительно быстро. Когда он изо дня в день слышит одни и те же фразы, типа «дети, идите одеваться», «а теперь все помоем руки», «сейчас пора спать» и т.д., уже через несколько дней ребенок может связать знакомую фразу с определенной ситуацией.

Примеры различных языковых гнезд показывают, что примерно через три месяца дети без труда понимают, что им говорят в течение дня. Это еще не значит, что они обязательно будут понимать всех носителей языка. Ребенок тесно связывает язык с конкретными людьми и ситуациями и вначале привыкает только к речи определенного человека — в данном случае воспитателя языкового гнезда. Именно поэтому было бы хорошо, если бы у детей была возможность использовать язык и за пределами языкового гнезда. Ребенок также не понимает каждого слова, которое ему говорят на языке сообщества, но схватывает основное содержание речи. Пассивное знание языка ребенком из языкового гнезда обычно невозможно проверить с помощью тестов, разработанных для школьников или взрослых.

Различия между детьми в плане активного использования языка, или порождения речи, крайне велики. Одни дети с первого дня начинают повторять слова и выражения на местном языке и уже через несколько месяцев могут составлять короткие фразы. У других детей может пройти целый год, пока они скажут хоть слово на этом языке, а полными предложениями они могут не говорить еще несколько лет.

Поэтому одним из важнейших качеств родителей и воспитателей языкового гнезда как раз и является терпение. Ребенка не следует заставлять говорить на местном языке, но имеет смысл через какое-то время начать поощрять его делать это. Когда ребенок говорит воспитателю что-то на языке большинства, тот может спросить: «Что ты сказал? Скажи-ка это на таком-то языке, ты же его знаешь». Опытный воспитатель видит, когда ребенок уже к этому готов.

Находящийся под угрозой исчезновения самый северный в мире язык — нганасанский — хотят возродить с помощью языковых гнезд.

Языковое гнездо в России как часть школьной системы

Для того, чтобы начать функционирование языкового гнезда, помимо воспитателей и детей, конечно, требуется разрешение администрации. Окажется ли решающим сотрудничество с чиновниками, занимающимися вопросами образования, на уровне районной администрации или же министерства образования республики, зависит от конкретного региона. Чиновники оценивают, вписывается ли деятельность языкового гнезда в рамки законов и предписаний в области образования, а также здесь встает вопрос об учебной программе для самых младших.

С осени 2009 года в Петрозаводске функционировало два языковых гнезда, в одном из которых с детьми говорили на финском и рус-

ском, а в другом — на карельском и русском. Для этих групп, поначалу в качестве пилотного проекта, создали дошкольную учебную программу для двух-трехлетних детей на основе общероссийской программы «Детство». В процессе написания этой книги начали разрабатывать и постоянные учебные программы по возрастам. С осени 2011 года открылись новые языковые гнезда в республиках Коми, Удмуртия и Марий Эл.

Каким образом языковое гнездо вписывается в рамки российского законодательства? В России каждый имеет право на свободный выбор языка воспитания и обучения. Это право реализуется созданием национальных детских садов и групп с родным языком воспитания и обучения. Любые родители вправе свободно выбирать для своих детей подобные дошкольные учреждения.

Российский закон об образовании устанавливает, что если языком обучения в образовательном учреждении является иной язык нежели русский, то изучение русского как государственного языка Российской Федерации обязательно. Однако закон не распространяет это правило на дошкольные учреждения. Таким образом, закон об образовании не обязывает одновременно употреблять в детском саду русский язык наряду с родным (см. тж. с. 106–108).

Закон об образовании Республики Татарстан устанавливает, что татарский и русский как государственные языки Республики Татарстан изучаются в образовательных учреждениях в равных объемах, за исключением детских дошкольных учреждений. В законах об образовании и о языках Чувашской Республики указывается, что обучение в образовательных учреждениях осуществляется на чувашском и русском языках. В большинстве других республиканских законов об образовании и о языках вопрос о языке дошкольных учреждений в основном остается неурегулированным.

Помимо государственных детских садов, российские законы позволяют создание и частных групп для дошкольников. Пригодность таких частных групп для деятельности языкового гнезда еще не исследована и не опробована, но, возможно, это будет сделано в будущем.

Является ли языковое гнездо «сегрегацией»?

Метод языкового гнезда используется в возрождении языков по всему миру, и повсюду он оказался несравнимо более действенным способом передачи языка, чем традиционное языковое обучение. В России функционирование языковых гнезд в качестве новаторского и «привнесен-

ного из-за границы» метода вызвало немало непонимания.

Утверждения, основанные на таком непонимании, были высказаны, например, в докладе Российской Федерации Совету Европы о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла отчетности в апреле 2010 года. В докладе отмечается, что метод языковых гнезд не подходит для России, поскольку ведет к формированию замкнутых языковых сообществ и к этнической сегрегации. Это, в свою очередь, препятствует социализации детей из среды меньшинств в российском обществе и ухудшает их возможности в получении образования и поиске работы. Согласно докладу, отказ от использования языковых гнезд — это пример осуществления равноправия в области образования в Российской Федерации.

Для утверждений, высказанных в докладе, нет никаких действительных оснований. Языковые гнезда открыты для детей любых национальностей, и поэтому отбор по этническому признаку отсутствует. На практике в языковых гнездах, конечно, больше всего заинтересованы именно семьи из среды меньшинств, но и детей из русскоязычных семей там также с радостью принимают. Например, в частичных языковых гнездах Петрозаводска детей из русских семей не меньше, чем детей финнов или карел. Точно так же в общине Инари в Финляндии, где инари-саамский язык возрождают с помощью языкового гнезда, дети из среды финского большинства тоже участвуют в этой деятельности.

Языковые гнезда не отчуждают детей от языка большинства. Многие дети говорят на последнем дома, и все прочая окружающая жизнь за пределами языкового гнезда проходит на языке большинства. Многочисленные исследования доказывают пользу двуязычия для человека — в том числе для его мышления, творческих и языковых способностей (подробнее см. с. 14–15). В сбалансированном многокультурном обществе активное знание второго языка не может принести вреда для образования или карьеры, а наоборот скорее будет преимуществом.

Преподавание на языке меньшинства в школе

В России имеется немало народов, чьи языки без проблем передаются следующему поколению, особенно в сельской местности. Дети выучивают местный язык дома и говорят на нем в течение всей жизни с другими носителями. Тем не менее русский язык становится для них языком, на котором они думают и говорят на отвлеченные темы и о реалиях современного общества, а также лучше читают и пишут. Почему так происходит? Потому что они получили среднее, а некоторые — и высшее образование на русском языке.

Если на местном языке говорят в кругу семьи, он по-видимому, останется у ребенка и молодого человека живым и сильным языком несмотря на то, что на нем не преподают в школе. Ситуация ребенка, выучившего язык в языковом гнезде, существенно иная. Если и дома, и в школе говорят на языке большинства, редкие уроки местного языка никак не достаточны для того, чтобы последний развивался у ребенка дальше с возрастом. Знание языка останется на уровне языкового гнезда или начнет постепенно утрачиваться.

Школа играет важную общественную роль в выборе между уничтожением, возрождением или поддержкой языков. Значение школы, помимо развития знания языка у ребенка, заключается еще и в формировании отношения: язык, который не используется в преподавании, легко начинает восприниматься как бесполезный и не имеющий никакой ценности. И опять же — использования местного языка только на уроках его преподавания недостаточно. Этот язык должен иметь статус языка преподавания и общения, по крайней мере, на части занятий.

Конституция гарантирует создание условий для изучения всех языков народов России. Однако, на практике национальным меньшинствам намного труднее организовать изучение своих родных языков. По действующему законодательству, право получать образование на родном языке реализуется только путем выбора родителями образовательного учреждения в рамках возможностей системы образования. Если родители желают, чтобы их дети обучались на родном языке или хотя бы изучали язык, то они сами должны искать подходящую школу.

В соответствии с федеральными образовательными стандартами, школы могут функционировать на русском или на местном языке обучения. Выбор языка обучения в конкретной школе определяет учредитель, то есть государственные и муниципальные органы управления образованием — обычно отделы образования администраций. Нигде

в законодательстве не прописан механизм, каким образом должен учитываться национальный состав населения при определении языка школ. Эти вопросы решаются на местах. Активные родители могут обратиться в местную администрацию с инициативой создания национальных классов (см. с. 107).

В тех случаях когда господствующее положение русского языка в системе образования кем-либо подвергается сомнению, подобный статус в ответ обычно обосновывают существующим законодательством. В действительности же законодательство в области образования оставляет достаточно широкие возможности для использования языков народов России в преподавании. При этом право на школьное образование на своем языке упоминается во всех основных документах, касающихся языковых прав человека (см. с. 80), и осуществляется по отношению ко многим меньшинствам мира.

Создание и функционирование частных школ, даже таких, в которых обучение велось бы на языке меньшинства, по российскому законодательству, не запрещается. Однако, после изменений в законодательстве, в т.ч. в законе о национально-культурной автономии, такие школы не пользуются больше гарантированной государственной поддержкой (см. с. 109–111).

Среди языков народов России только на трех языках — татарском, башкирском и якутском — возможно сейчас преподавать различные предметы на протяжении всей средней школы. Кроме этого, на тувинском, чувашском и на некоторых других языках осуществляется преподавание всех предметов в начальной и частично средней школе. Многие другие языки преподают как предметы. В районах, где позиции этих языков сильны, последние могут также использоваться в качестве вспомогательных языков при обучении детей в начальной школе, хотя основным языком образования выступает русский.

Менее действенные способы языкового возрождения

По всей России организуются различные мероприятия по возрождению языков, направленные на то, чтобы язык начал передаваться детям. Однако в действительности шансы добиться этого данными методами крайне малы. Речь идет в т.ч. о языковых и культурных лагерях для детей и молодежи, факультативных языковых кружках, а также конкурсах и праздниках, связанных с языком и культурой и – как самым обычным явлением – преподавании языка в школе как предмета. Это не обязательно отражает специфику России — подобные меры принимаются во

имя возрождения языков и в других районах проживания меньшинств по всему миру.

Такая деятельность основана на идее, что родной язык может передаваться детям таким же образом, как и, например, танцевальное или кулинарное искусство — как часть культуры, которой можно обучать на различных мероприятиях. Однако язык таким образом не выучить. Для усвоения языка необходимо ежедневно и постоянно говорить на нем и слушать его в естественных повседневных ситуациях.

Это, конечно, не означает, что вышеупомянутые виды деятельности не имеют никакого значения и не приносят пользы. Любое действие, с помощью которого местный язык становится более заметным в обществе, идет на пользу статусу и репутации этого языка. Дети и молодежь получают возможность ознакомиться с языком и культурой своего народа и отождествить себя с ними в положительном аспекте. Регулярная демонстрация языка может рассеять связанные с ним стыд, чувство униженности и ощущение на себе клейма у его носителей. По крайней мере, она делает местный язык и культуру заметными в тех ситуациях, где они ранее часто бывали незаметны и бесполезны.

Однако важно понимать, что использование языка от случая к случаю не может привести к его передаче другим поколениям. Если возрождение языка основано на такого рода мерах, не стоит делать вид, что таким образом спасают вымирающий язык. Языки под угрозой исчезновения и их возрождение широко исследованы по всему миру, и неоспоримым фактом является то, что успешные случаи языкового возрождения опираются на совершенно иные методы, чем языковые кружки, лагеря и традиционное преподавание языка в школе и детском саду.

Наиболее типичные проблемы, связанные с возрождением языков

Какими бы ни были задачи возрождения языка, единственным прочным основанием для этого процесса является мотивация языкового сообщества. За пределами сообщества можно получить конструктивные идеи и поддержку, однако возрождение, основанное на внешних ресурсах, показывает значительно более скромные результаты, чем то, которое началось по инициативе самих представителей сообщества. Успешное возрождение языка требует принятия на себя сообществом определенных обязательств. Простое положительное отношение к языку не может обеспечить возвращение языка к жизни.

Одна из наиболее распространенных проблем языкового возрождения заключается в том, что представители сообщества считают его задачей кого-то другого, а не их самих. Люди могут думать, что это дело политиков или языковых активистов, которые должны обеспечить языку официальный статус, или же учителей, которые должны научить языку детей, или же большинства, которое должно экономически поддерживать статус языков меньшинств.

В действительности, однако, никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка — говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если не знают — прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными.

Другая проблема, которая связана с первой, заключается в том, что движение за возрождение языка не распространяется в широкие массы, среди простых носителей, а остается в сфере ответственности небольшой кучки активистов. Из наблюдений за тем, как возвращаются к жизни языки мира, становится ясно, что многие процессы возрождения начинались в маленьком кругу активистов, иногда по инициативе одного конкретного человека. Но главный вопрос заключается в том, распространится ли потом это движение в языковом сообществе или же ему суждено так и остаться частным явлением.

Если широкие массы останутся в стороне от процессов языкового возрождения, в качестве сторонних наблюдателей, то не следует ожидать стабильного возвращения языка к жизни. Маленькая группа активистов может положить жизнь на возрождение языка, иногда работая безо всякой зарплаты или признания, и в конечном итоге, возможно, будет лишь вынуждена встретиться с критикой со стороны как самого своего сообщества, так и большинства.

Крайне типичным камнем преткновения для возрождения языка, находящегося под угрозой исчезновения, является недостаток людских ресурсов. Когда языковой сдвиг зашел достаточно далеко, ситуация такова, что активных и трудоспособных носителей языка уже не остается. А ведь именно они нужны для возрождения языка: говорить на языке дома с детьми, работать в языковом гнезде, в школе, готовить учебные материалы и т.д. Если в среднем и младшем поколении все же имеются отдельные говорящие, на их плечи часто ложится непосильный груз. От этих людей ожидают, что они так же пожертвуют своей жизнью ради возрождения языка, как и активисты из старшего поколения, хотя они могут быть к этому совершенно не готовы.

В число обычных проблем, связанных с возрождением языков, входят также противоречия внутри языкового сообщества или между различными языковыми группами на той или иной территории. Возрождение языка — это революционный процесс, с которым связаны и травмы прошлого, изменение привычных установок и раскладов сил, возможность получения экономических выгод, критика по отношению к большинству, а также критическое отношение меньшинства к своим собственным действиям.

Процесс, так глубоко затрагивающий сообщество, обычно порождает и сопротивление. Часть меньшинства уже настолько впитала в себя оценки времен ассимиляционной политики, что, с их точки зрения, выдвижение своего языка на повестку дня — это только напрасный поиск конфликтов или же нескромная гордыня. Часть стариков, для которых местный язык является родным, считает, что язык, на котором говорят с детьми и молодежью в рамках программы возрождения — это ненастоящий, «нечистый» язык (т.н. языковой пуризм, см. с. 35–36). Характерны также разногласия по поводу того, на основе какого диалекта следует строить литературный язык, или какой именно вариант языка преподавать в школе. Люди могут чуждаться неологизмов на своем языке, необходимых для языковой модернизации, поскольку о современных реалиях они привыкли говорить только на языке большинства.

Такие проблемы, часто кажущиеся незначительными, могут принести довольно много вреда будущему языку. Принятие изменений — это необходимая предпосылка языкового возрождения. Язык никогда не будет таким же, каким был 50 лет назад, поэтому единственным вариантом является принятие того факта, что язык изменяется, как изменяется и вся остальная культура. Одновременно часто меняется и то, кто, где и как говорит на языке.

Большинство также должно понимать это, поскольку его устаревшие, стереотипные представления о языках и культурах меньшинств тоже могут тормозить процесс возрождения последних. «Никакой настоящей саамской культуры уже нет, даже олениводы ездят на снегоходах, а не на лыжах, как раньше», — может прийти к заключению не понимающий сути дела финн о ситуации коренного народа своей страны. Коренные народы ничуть не более, чем все прочие народы, обязаны оставаться такими же, как раньше. Как и у большинства, у представителей меньшинства также есть право отождествлять себя со своими, вечно изменяющимися, языком и культурой, поддерживать и развивать их.

Что кроме школы и после школы?

Даже когда для возрождения языка используются такие эффективные методы, как детский сад и/или школа на данном языке, этого не обязательно будет достаточно для надежного упрочения позиций языка. Сообщество должно задать себе, в частности, следующие вопросы. Какова ответственность и роль семейного круга? Можно ли вернуть родному языку статус домашнего языка? Может ли этот язык использоваться в общении детей и молодежи друг с другом? Какие возможности употребления языка можно создать для них за пределами садика и школы?

Критической возрастной группой для процессов возрождения языка, как правило, являются подростки переходного периода. В переходном возрасте потребность оторваться от своей семьи и окружения обычно сосредоточена в отождествлении себя со своей возрастной группой и стремлении быть как все сверстники. В сообществе носителей языка меньшинства это часто означает интенсивное отождествление себя с окружающим языком большинства и с поп-культурой на этом языке.

Тем не менее локальный язык, занимающий достаточно сильные позиции, может сохранить свое значение и сферы употребления в жизни молодежи. Также возможно, что через несколько лет молодой человек начинает опять ценить родной язык и культуру — он как бы возвращается обратно в их лоно. Но чем меньше носителей языка и чем его ситуация более критична, тем больший риск представляет отделение подростков переходного возраста от своего языкового сообщества.

Для того, чтобы отождествлять себя с родным языком, молодежи требуются привлекательные образцы для подражания, связанные с этим языком. Такие сферы употребления языка, как дом и школа, уже не вполне достаточны, ностальгирующая по прошлому фольклорная культура несколько не привлекает. Однако молодежную культуру сложно конструировать извне — только молодежь может сама создавать свою культуру и образцы для подражания. Это представляет большую трудность для модернизирующегося сообщества носителей локального языка, на которую следует обращать внимание.

Заключение

В этой книге мы рассмотрели языки, находящиеся под угрозой исчезновения, причины такого состояния и процессы возрождения языков. Мы описали ряд языковых меньшинств России и других частей света и представили примеры различных языковых сообществ, а также методов языкового возрождения. Надеемся, что читатели получили полезные и современные сведения о многоязычии и ситуации различных языков, а также веру в будущее языков России и мира. Опасность для существования языка не означает неперемennого его исчезновения в течении нескольких десятилетий. Даже самые очевидные прогнозы на будущее возможно изменить, если люди так решат и захотят.

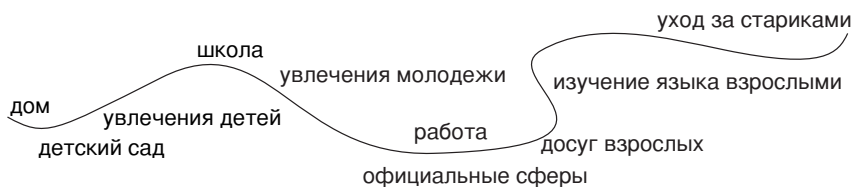
Среди различных языковых сообществ России предпринимаются разные меры, призванные возродить языки к жизни. Используемые средства и получаемые с их помощью результаты крайне разнообразны, как варьирует и сама степень утраты языка. Вне зависимости от этого, в сообществах носителей малых языков народов России в целом одновременно протекают процессы двух типов: с одной стороны, языковая ассимиляция продолжается, с другой — в противовес ей происходит возрождение языков.

Возвращение языков к жизни можно так и рассматривать — как бег наперегонки ассимиляции и возрождения, в котором идет борьба со временем. Вопрос часто заключается в том, успеет ли язык занять достаточно сильные позиции до того, как число его носителей станет слишком мало. В среде многих меньшинств остается все меньше и меньше говорящих, у которых родной язык является наиболее сильным языком и которые досконально знают традиционную культуру. С другой стороны, в таких сообществах могут появляться и новые носители — выучившие местный язык как второй, изучающие его во взрослом состоянии и даже пришедшие извне люди, которые идентифицируют себя с данным языковым сообществом.

Важно понимать, что возрождение языка обычно не поворачивает вспять ассимиляцию. Поэтому возрождение не может быть таким проектом, который заканчивается, когда приняты определенные меры по улучшению ситуации языка. Факторы, вызывающие ассимиляцию, никуда не исчезают из общества, поэтому языковое возрождение надо рассматривать как постоянную часть деятельности носителей исчезающих языков — как непрерывную заботу о языке и языковом сообществе и их развитие.

Чтобы возрождение языка принесло желаемые результаты, оно должно быть постоянным и комплексным. Типична ситуация, когда язык возрождают только в определенной узкой сфере, например, развивают национальные СМИ или преподают язык детям. Часто это аргументируют тем, что надо же с чего-то начинать. Однако легко случается так, что отдельные методы возрождения считают спасителями всего языка: «теперь у нас все в порядке, так как у нас есть закон о языке / преподавание в школе / театр на своем языке и т.д.». Такой самообман распространен среди носителей исчезающих языков мира.

Неотрывной частью процесса языкового возрождения является как раз комплексная оценка того, какой набор мероприятий требуется, в каких сферах и среди каких возрастных групп. В качестве задачи следует рассматривать создание целостной цепочки мер, обеспечивающих сохранность языка. Такая цепочка предполагает передачу языка следующим поколениям в рамках надежной совокупности мероприятий, которые распространяются от младенцев до стариков и от отдельных семей до всего общества.

Цепочка механизмов, обеспечивающих сохранность языка

Используемая литература

Часть I

Двязычие и многоязычие. Общая литература

Aikio, Marjut 1988: *Saamelaiset kielenvaihdon kierteessa. Kielisosiologinen tutkimus viiden saamelaiskylan kielenvaihdosta 1920–1980*. SKS:n toimituksia 479. Helsinki: SKS.

Bhatia, Tej & Ritchie, William C. 2004: *The handbook of bilingualism*. Oxford: Blackwell Publishing.

Crystal, David 2000: *Language death*. Cambridge–New York: Cambridge University Press.

Lallukka, Seppo 1992: *Venäjän uralilaisten kansojen tilastoa*. Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti. Julkaisusarja A16. Helsinki.

Lewis, Paul M. (ed.) 2009: *Ethnologue. Languages of the world*. Dallas: Summer institute of linguistics.

Lewis, G.E. 1972: *Multilingualism in the Soviet Union*. The Hague–Paris.

Nettle, Daniel & Romaine, Suzanne 2000: *Vanishing voices. The extinction of the world's languages*. Oxford: Oxford University Press.

Romaine, Suzanne 1995: *Bilingualism*. Oxford: Blackwell Publishing.

Romaine, Suzanne 2000: *Language in Society. An introduction to sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Языки мира и России. Языки под угрозой исчезновения

UNESCO Ad hoc expert group on endangered languages 2003: *Language vitality and endangerment*.
<http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00120-EN.pdf>

UNESCO Atlas of the world's languages in danger.
<http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php>

Языки меньшинств в образовании

Baker, Colin 1995: *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Bilingual education and bilingualism 54. Bridgend: Multilingual Matters.

Skutnabb-Kangas, Tove 2000: *Linguistic genocide in education — or world-wide diversity and human rights?* Mahwah, New Jersey: L. Erlbaum Associates.

Todal, Jon 2007: *Samisk språk i Svahken Sijte. Sorsamisk revitalisering gjennom barnehage og skule*. Dieđut 1 / 2007. Sami Instituhtta.

Языковая политика

Алпатов В.М. 2000: *150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва: ИВ РАН.

Вахтин Н.Б. 2001: *Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Вахтин Н.Б. & Головкин Е.В. 2004: *Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие*. СПб.: Гуманитарная Академия—Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Каппелер А. 1997: *Россия – многонациональная империя (Russland als Vielvölkerreich). Возникновение, история, распад*. Перевод с немецкого Светлана Червонная. Москва: “Прогресс—Традиция”.

Nic Craith, Máiréad 2007: *Language, Power and Identity Politics*. Palgrave Studies in Minority Languages and Communities. Palgrave: Macmillan. (http://uz-translations.net/category=linguistics&altname=language_power_and_identity_politics)

Раннунт М. 2004: *Пособие по языковой политике*. Таллинн.

Языковое возрождение

Fishman, Joshua A. 1991: *Reversing language shift. Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Matters.

Grenoble, Lenore & Whaley, Lindsay 2006: *Saving Languages. An introduction to language revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hinton, Leanne & Hale, Ken (eds.) 2008: *The Green Book of Language Revitalization in Practice*. Emerald Group Publishing Limited.

Maguire, Gabrielle 1991: *Our Own Language. An Irish Initiative*. Clevedon: Multilingual Matters.

Sulkala, Helena & Mantila, Harri (eds.) 2010: *Planning a new standard language. Finnic minority languages meet the new millennium*. Studia Fennica Linguistica 15. Helsinki: Finnish Literature Society.

Часть II

Международные договоры

База данных по Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (на английском языке).

<http://www.eokik.hu/languagecharter/>.

Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга.

http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_ru.pdf.

Конвенция Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах №169 (на русском языке).

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

Официальная страница Совета Европы по Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (на английском языке).

http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_en.asp

http://www.coe.int/t/dc/files/themes/langues_minoritaire/default_RU.asp.

Официальная страница совместной программы «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества».

<http://www.coe.ru/doc/men/>.

От теории к практике. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. Региональные языки или языки меньшинств 3. Публикация Совета Европы, 2003.

Региональный аспект возможной ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Аналитический вестник. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. Выпуск 25. Москва, Аппарат Государственной Думы, 2010. (<http://iam.duma.gov.ru/node/2/4383>)

Российское законодательство и меры принимаемые по защите региональных языков или языков меньшинств

Круговых И. 2009: *Российское законодательство, связанное с защитой и поощрением региональных языков или языков меньшинств. Экспертный доклад.* Москва: ИЭА РАН. (http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99)

О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: парламентские слушания, 02 октября 2008 г. Москва: Изд. Совета Федерации, 2009.

Осипов А.Г. & Сапожников Р.В. 2004: *Законодательство Российской Федерации, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации. Справочный материал. Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации.* Москва: Немецко-русский обмен. С.162–208.

Соколовский С. & Тишков В. (ред.) 2010: *Европейская Языковая Хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии* N 218. Москва: ИЭА РАН.

Степанов В. (ред.) 2010: *Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы.* Вып. 1. Москва, ИЭА РАН.

Тишков В. А. & Степанов В.В. & Функ Д.А. & Артеменко, О.И. 2009: *Статус и поддержка языкового многообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад.* Москва, ИЭА РАН. (http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99)

Тишков В. & Степанов В. (ред.) 2010: *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный до-*

клад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Москва: ИЭА РАН.

Федеральный государственный образовательный стандарт — стратегический ресурс устойчивого развития многонационального общества: законодательная инициатива субъектов Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний. 19 февраля 2009 года. Москва: Издание Государственной Думы, 2010.

Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Аналитический вестник. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. Выпуск 24. Москва, Аппарат Государственной Думы, 2010.

(<http://iam.duma.gov.ru/node/2/4384>)

Часть III

Двуязычие в семье

Baker, Colin 2000: *A parents' and teachers' guide to bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters.

Barron-Hauwaert, Suzanne 2004: *Language Strategies for Bilingual Families. The One-Parent-One-Language Approach*. Clevedon: Multilingual Matters.

Цейтлин С. Н. & Протасова Е. Ю. (ред.) 2005: *Детское двуязычие: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3-5 октября 2005 года)*. СПб.: Пед. ун-т им. А.И. Герцена.

Смешение языков в речи

Hassinen, Sirje 2002: *Simultaaninen kaksikielisyys. Läheiset sukukielet viro ja suomi rinnakkain*. Acta Universitatis Ouluensis. B Humaniora 43. Oulu: Oulun yliopisto.

Huss, Leena Marjatta 1991: *Simultan tvåspråkighet i svensk-finsk kontext*. Studia Uralica Upsaliensia 21. Uppsala.

Языковое гнездо. Обучающая программа «языковой мастер — ученик»

Pasanen, Annika 2003: *Kielipesä ja revitalisaatio. Karjalaisten ja inarinsaa-
melaisten kielipesätoiminta. Pro gradu -tutkielma*, Helsingin yliopisto:
Suomalais-ugrilainen laitos.

Lauren, Christer 2000: *Kielten taitajaksi. Kielikylpy käytännössä*. Jyväskylä:
Atena.

Hinton, Leanne 2002: *How to keep your language alive? A commonsense ap-
proach to one-on-one language learning*. Berkeley, Cal.: Heyday Books.

Сведения
об
авторах

Константин Замятин (1976 г. р.) — удмуртский филолог и юрист, окончил юридический факультет Удмуртского государственного университета в 1998 г. и факультет романо-германской филологии — в 1999 г. Затем учился в докторантуре Тартуского и Хельсинкского университетов, а также прослушал ряд курсов в Академии Або (г. Турку, Финляндия) и Университете Тампере (Финляндия). Специализируется на национальных и языковых вопросах Российской Федерации, законодательстве, касающемся региональных языков, языков меньшинств, и этнополитическом развитии финно-угорских народов. Предмет его исследований — развитие языковой политики в Удмуртской Республике и Республике Марий Эл. В детстве выучил удмуртский язык и вновь активизировал его, будучи взрослым.

Анника Пасанен (1976 г. р.) — финский активист и исследователь, занимается проблемами исчезновения и возрождения языков, окончила финно-угорское отделение Хельсинкского университета в 2003 г. и продолжила там же учебу в качестве докторанта. Особенно углубленно занималась карельским и саамскими языками, а также возрождением языков с помощью т.н. языковых гнезд. Тема ее диссертации — возрождение инари-саамского языка. В 2001–2002 гг. она работала в Марийском государственном университете в республике Марий Эл преподавателем финского языка и культуры; много времени провела и в республике Карелия. В настоящее время живет в саамской общине Инари. Она мать двоих детей, выучивших инари-саамский язык в языковом гнезде. Работает в проекте, финансируемом Культурным Фондом Финляндии «Финно-угорские языки в ДОУ».

Янне Саарикиви (1973 г. р.) — исследователь проблем финно-угроведения из Финляндии, окончивший в 1998 г. финно-угорское отделение Хельсинкского университета и защитивший в 2006 г. там же докторскую диссертацию, посвященную топонимам финно-угорского происхождения на Русском Севере. Работал в частности, на финно-угорском отделении Хельсинкского университета, на кафедре финно-угроведения университета Тарту (Эстония), в качестве приглашенного исследователя в Норвежской академии наук (г. Осло). Его специализация — историческая лексикология, исследования топонимики и субстратной лексики, проблемы утраты и возрождения языков. Много времени провел в России и подробно изучил российскую языковую ситуацию. Работает профессором финно-угорских языков Хельсинкского университета.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	
Многоязычное общество и многоязычный индивид	7
Человек, язык, общество	8
Родной язык	8
Двуязычие и многоязычие	10
Язык большинства и язык меньшинства	12
Преимущества двуязычия	14
Угроза исчезновения и возрождение языков	15
Все ли равно, на каком языке мы говорим?	18
Значение языка для мышления индивида	19
Значение языка для культуры	21
Модернизация и исчезающие языки	24
Угроза исчезновения языков	24
Последствия утраты языка	29
Изменение языковой ситуации в мире	30
Официальные и неофициальные языки	32
Изменяющаяся роль языков	33
«Чистота» и «исконность» языка	35
Языки и модернизация	36
Три вида реакции на модернизацию	36
Модернизация на условиях культуры большинства	37
Отказ от модернизации	38
Модернизация на условиях культуры меньшинства	40
Этнофутуризм	41
Образование и средства массовой информации — главные магистрали модернизации	43
Образование	43
Средства массовой информации	44
Многоязычная Россия	47
Рождение многоэтнической России	47
Языки народов СССР в советское время	47
Распад СССР — рождение новой языковой ситуации	49

Языки и народы России	51
Народы России в различных регионах	54
Судьба различных языковых сообществ	57
Официальный статус языков народов России	57
Демографические изменения в России	59
Конец автономных округов?	62
Языки России в мире	63

Приложение к части I

Судьбы различных языков коренных народов 65

Судьба языка коми в протяжении XX века	66
Угасание карельского языка	68
Жизнь и смерть ливского языка	70
Саамские языки — пример успешного языкового возрождения	72
О возрождении валлийского языка	74
О возрождении гавайского языка	76
Баскский язык	77

Часть II

Правовая защита языков 79

Международно-правовая защита языкови Россия	80
Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств	82
Применение Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств в России	83
Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств	84
Проблемы и перспективы ратификации Россией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств	87
Положения части III Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств и российское законодательство	90
Международная защита языков коренных народов	93

Значение международно-правовых документов для защиты языков в России	96
Отражение языкового многообразия в федеративном устройстве России и правовая защита языков в федеральном законодательстве	99
Конституционное языковое законодательство России	100
Закон о языках народов России	102
Языки в российском законе об образовании	106
Языки национальных меньшинств как часть культуры	108
Языковое законодательство в отношении коренных малочисленных народов	111
Федеральный закон о государственном языке Российской Федерации	112
Языковое законодательство в сфере информации и информационных технологий	114
Региональное языковое законодательство и его применение	116
Республиканские законы о языках	118
Региональное законодательство о языках коренных малочисленных народов	121
Реализация республиканских законов о языках	123
Языки в органах власти и государственных организациях	125
Языковая среда на работе и языковые требования	128
Языки средств массовой информации	129
Языки в системе образования	130
Правоприменение и судебная практика	131

Часть III

Пути сохранения языков под угрозой исчезновения.	
Практические советы	133
Изучение и активизация языков	134
Основные методы изучения языков под угрозой исчезновения	134
Языковые курсы	135
Самостоятельное изучение языка	135
Общение между различными возрастными группами	136
Обучение по методу «мастер — ученик»	137
Психологические препятствия для изучения языка	138
Стратегии использования языка в кругу семьи	140

Трудности, связанные с использованием различных языковых стратегий	142
Поддержка малых языков как общественная проблема	145
Каким образом язык передается и не передается?	145
Примеры методов языкового возрождения, направленные на поддержку передачи языка	148
Что такое языковое гнездо?	151
Начало деятельности языкового гнезда	151
Как и на каких основаниях работает языковое гнездо?	153
Языковое гнездо в России как часть школьной системы	154
Является ли языковое гнездо «сегрегацией»?	155
Преподавание на языке меньшинства в школе	157
Менее действенные способы языкового возрождения	158
Наиболее типичные проблемы, связанные с возрождением языков	159
Что кроме школы и после школы?	162
Заключение	163
Используемая литература	165
Сведения об авторах	171
Примечание	178

Примечание

В этой книге говорилось о деятельности языковых гнезд, направленной на возрождение находящихся под угрозой исчезновения языков. При этом мы использовали термин «языковое гнездо», который соответствует используемому в разных частях света идентичному понятию на других языках (в том числе по-английски – language nest). Детский сад на языке меньшинства, в котором маленькие дети изучают язык по методике раннего полного языкового погружения, можно называть и другими терминами. Базирующийся в Москве Федеральный институт развития образования рекомендует пользоваться термином «структурированная языковая среда». В тех регионах России, где созданы и создаются группы языкового гнезда, можно также использовать для обозначения такой деятельности названия на своих языках. Главным в деятельности языкового гнезда является не используемая терминология, а соблюдение определенных принципов. Среди них: 1) воспитатели обращаются к детям с самого начала и во всех ситуациях только на языке меньшинства, 2) при этом детям дают свободно говорить на том языке, на котором они сами пожелают, 3) целью деятельности является практическое двуязычие детей и возрождение находящегося под угрозой исчезновения языка в рамках общества в целом.

Как и зачем сохранять языки народов России?

Книга посвящена современной ситуации языков народов России, которая рассматривается в контексте существующей для многих языков мира угрозы исчезновения. В книге рассказывается о том, почему важно сохранять языки и как это можно делать в российских условиях. Большое внимание уделяется активному использованию языков в повседневной жизни, как дома, так и в обществе. Авторы книги — исследователи финно-угорских языков из Финляндии и России.

ISBN 978-952-93-0407-3

ISBN 978-952-93-0408-0 (PDF)

Обложка: Леэна Хуима

Фотография обложки: © Cloki | Dreamstime.com